Область непознанного, неведомого
значительно обширнее суммы
накопленных человечеством знаний.
В. И. Вернадский

ИЗВЕСТИЯ

Уральского государственного экономического университета

№ 2 (52)
2014

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет»

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Включен в Российский индекс научного цитирования

Основан в 1999 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-49743 от 15 мая 2012 г.

Подписной индекс Агентства Роспечати: 72059

© Уральский государственный экономический университет, 2014

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФЁДОРОВ Михаил Васильевич — доктор экономических наук, доктор геолого-минералогических наук, профессор, ректор Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Заместитель главного редактора

ИВАНИЦКИЙ Виктор Павлович — доктор экономических наук, профессор, главный советник при ректорате, директор института финансов Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Ответственный секретарь

СУРНИНА Надежда Матвеевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой статистики, эконометрики и информатики Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Члены редколлегии

Анимица Евгений Георгиевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Благодатских Владимир Гурьянович — доктор исторических наук, профессор кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Брайнина Хьена Залмановна — доктор химических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-инновационного центра сенсорных технологий Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Власова Наталья Юрьевна — доктор экономических наук, профессор, проректор по международным связям, заведующая кафедрой сервисной экономики Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Камышов Валентин Митрофанович — доктор химических наук, профессор кафедры физики и химии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Карх Дмитрий Андреевич — доктор экономических наук, доцент кафедры коммерции, логистики и экономики торговли, проректор по научной работе Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Мальцев Андрей Александрович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Марамыгин Максим Сергеевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансовых рынков и банковского дела Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Нижегородцев Роберт Михайлович — доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Института проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН (Москва)

Орлова Татьяна Степановна — доктор философских наук, профессор кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Пешина Эвелина Вячеславовна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой государственных и муниципальных финансов Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Пищиков Геннадий Борисович — доктор технических наук, профессор кафедры пищевой инженерии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Попов Евгений Васильевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, доктор физико-математических наук, профессор, руководитель центра экономической теории Института экономики УрО РАН, ученый секретарь УрО РАН (Екатеринбург)

Протасова Людмила Геннадьевна — доктор технических наук, профессор, заведующая кафедрой управления качеством Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Рихтер Курт Кнут — доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Саранчин Юрий Константинович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Сёмин Александр Николаевич — член-корреспондент РАСХН, доктор экономических наук, профессор, директор института мировой экономики Уральского государственного горного университета (Екатеринбург)

Стожко Константин Петрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Татаркин Александр Иванович — академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики УрО РАН (Екатеринбург)

Уфимцев Виктор Владимирович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и психологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Члены международного совета

Вильямс Дина — PhD (Economics), PhD (Science, Technology & Innovation Management), доцент, старший преподаватель в сфере предпринимательства Университета Хаддерсфильда (Великобритания)

Подгорский Ян — PhD, MSc, доцент Университета Жилина (Словакия)

Сандоян Эдвард Мартинович — доктор экономических наук, профессор, директор института экономики и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета (Республика Армения)

Стратан Александр Николаевич — доктор экономических наук, профессор, директор Национального института экономических исследований (Республика Молдова)

Сюй Линьши — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора исследовательского института экономики и бизнеса Харбинского университета коммерции (КНР)

Аймел Филипп Уэйн — доцент Колледжа Северной Вирджинии (США)

Шубин Александр Александрович — доктор экономических наук, профессор, ректор Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского (Украина)

Содержание

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Пищулов В. М. Пенсионная проблема: взгляд с позиций общественного воспроизводства. Часть первая: истоки пенсионных проблем 6
Бегичева С. В., Назаров Д. М. Экономическая герменевтика 18

ФИНАНСЫ И ФИНАНСОВО-ИНВЕСТИЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ

Хитрова Е. М. Проблемы и перспективы развития страховых отношений в условиях повышения концентрации рынка 28

ПРИКЛАДНАЯ ЭКОНОМИКА

Капустина Л. М., Портнов Н. А. Методические подходы к оценке инвестиционной привлекательности страны для иностранных компаний 35
Абдуганиев Н. Н., Фёдоров М. В. Нефинансовая отчетность и подход к ее разработке как важнейшему элементу социальной политики российских компаний. 42
Кузнецова Н. В. Методы противодействия угрозам кадровой безопасности организации. . . 53

РЕГИОНАЛЬНАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Рой О. М., Юдина М. А. Эвристические возможности мультипараметрической модели структурной диагностики развития региональных систем 62
Виценец Т. Н., Бережнова Е. И. Особенности развития миграционных процессов на Дальнем Востоке 69
Сурнина Н. М., Козлова М. А. Проблемы статистико-эконометрического оценивания деятельности культурных индустрий на региональном уровне 76

МАРКЕТИНГ И РЕКЛАМА

Ромат Е. В., Толстоног В. В. Полисемия понятия «потребитель» в сфере защиты потребительских прав 81

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Чернов А. В. Социализм как синтез церковно-государственных отношений 89
Матвеева А. И., Саранчин Ю. К. Институциализация социального партнерства в современной России 95
Стожко Д. К., Фоменко С. С. Мир и безопасность в условиях мультикультурализма 101

ПРИКЛАДНАЯ МАТЕМАТИКА

Вакулина Г. М., Тимофеева Г. А. Динамическое программирование с использованием нечеткой логики в планировании инвестиционных проектов. 109
Мельников Ю. Б., Хрипунов И. В., Чоповда В. С. Алгебраический подход к стратегиям проектной деятельности 115

Review of the Issue No. 2 (52) 124

Contents. 135

Требования к материалам, представляемым в журнал. 136

ПИЩУЛОВ Виктор Михайлович

Доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории

Уральский государственный лесотехнический университет
620100, РФ, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37
Контактный телефон: (912) 283-30-18
e-mail: dr.haust@mail.ru

Пенсионная проблема: взгляд с позиций общественного воспроизводства. Часть первая: истоки пенсионных проблем

Ключевые слова: пенсионная система; пенсионный кризис; общественное воспроизводство; федеральный бюджет; пенсионное покрытие; коэффициент замещения; накопительный принцип; распределительный принцип; пенсионный цикл; период пенсионного цикла.

Одна из главных проблем пенсионной системы России состоит в росте нагрузки на федеральный бюджет. Решение возможно посредством реформирования пенсионной системы, которое требует адекватного понимания социально-экономических процессов. Это позволит разработать методологию эффективного реформирования пенсионной системы.

Пенсионная проблема вполне очевидно существует. Она имеет место практически во всех развитых странах, сформировавших всеобщие массовые пенсионные системы, характеризуется множеством проявлений и не сводится к вопросам социального обеспечения. К таким проявлениям нужно отнести высокую расходную нагрузку на государственные финансы, что накладывает ограничения на размеры пенсионных выплат.

Пенсионные выплаты в значительной своей части ложатся нагрузкой на расходную часть бюджетов различных уровней, в первую очередь федерального бюджета. Расходы бюджетов на выплату пенсий обусловливают наличие бюджетных дефицитов, которые во многом определяют макроэкономическую ситуацию в стране. Дефициты бюджетов есть один из факторов инфляции, а ее уровни определяют состояние экономики в целом.

Следует уяснить воздействие пенсионной системы на экономику и на процессы общественного воспроизводства. Первоначально нужно обратиться к рассмотрению такого экономического явления, каким выступает функционирование этих систем с позиций их исторического развития.

Первый отмеченный случай создания государственной пенсионной системы связывают с учреждением военных пенсий Юлием Цезарем [1]. Пенсионная система в современном понимании была введена в 1825 г. для государственных чиновников в Пруссии. Первая государственная система пенсионного обеспечения работников, занятых в частном секторе экономики, начала действовать в 1889 г. в Германии [1]. Предполагалось, что источником пенсионных выплат в этой системе должны быть страховые платежи, производимые работающими.

По-иному строились государственные пенсионные системы, ориентированные на социальную поддержку малоимущих, которые проистекали из законодательства о бедных. Первыми из стран, пришедшими к таким государственным пенсионным системам, были Дания (1891 г.) и Новая Зеландия (1898 г.) [1]. Пенсионные выплаты

© Пищулов В. М., 2014

производились за счет налоговых доходов бюджета. Такой системе в начале XX века отдали свои предпочтения, главным образом, англо-саксонские страны и страны Северной Европы.

Зарождение российской пенсионной системы принято относить к 1827 г. Именно 6 декабря 1827 г. Николай I утвердил «Устав о пенсиях и единовременных пособиях» [2]. Согласно этому Уставу военные и гражданские государственные служащие имели право на государственные пенсии. Устав вводил общие правила, в соответствии с которыми определялись лица, приобретающие пенсионные права, и устанавливались размеры выплат.

Формирование действительно массовых пенсионных систем, охватывающих значительную часть населения страны, в развитых странах приходится на середину и вторую половину XX века. «Хотя практически все индустриальные страны к началу Второй мировой войны имели системы пенсионного обеспечения, во многих из них они были ограничены в отношении доли населения, которая покрывалась пенсионной системой и уровнем предоставляемых пенсионных выплат. Десятилетия, последовавшие за Второй мировой войной, были временем беспрецедентной экспансии уровня покрытия и распространения пенсионных платежей в большинстве развитых стран» [1]. Таким образом, современные пенсионные системы имеют сравнительно непродолжительную историю. Можно даже сказать, что начат и не завершен один из самых грандиозных социально-экономических экспериментов.

Современная российская пенсионная система строилась на основе советской пенсионной системы, основы которой были заложены в 1929 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «Об обеспечении в порядке социального страхования по случаю старости» [3]. Это постановление определяло и ныне действующий в России возраст выхода на пенсию – 55 лет для женщин и 60 для мужчин.

Советская пенсионная система в силу особенностей экономического устройства страны отличалась массовостью и имела весьма высокое пенсионное покрытие. Это обстоятельство обусловливало необходимость расходования значительной части средств госбюджета на пенсионные выплаты. Многие источники несовершенства современной отечественной пенсионной системы страны имеют в своем основании проблемы советской пенсионной системы.

Снизить «пенсионную» нагрузку на федеральный бюджет не удается. Одной из главных задач реформы пенсионной системы должно быть отделение источников пенсионных выплат от бюджетов страны, в первую очередь от федерального бюджета. Создание Пенсионного фонда РФ в 1990 г., а также изыскание источников средств наполнения данного внебюджетного фонда служит решению этой задачи. Вместе тем проблема снижения пенсионных обязательств федерального бюджета весьма далека от разрешения. Более того, наметилась тенденция усиления зависимости Пенсионного фонда РФ от перечислений средств из федерального бюджета.

В последнее десятилетие имеет место быстрый рост расходов Пенсионного фонда РФ, бюджет которого формируется в соответствии с федеральными законами: от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в РФ» (ред. от 3 декабря 2012 г.) и от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионом обеспечении в РФ» (ред. от 1 июля 2011 г.). Закон от 3 декабря 2012 г. № 218-ФЗ «О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» предусматривал доходы Пенсионного фонда в 2013 г. в размере 6 343 331 552,8 тыс. р. В значительной своей части доходы Пенсионного фонда формируются за счет межбюджетных трансфертов из федерального бюджета в сумме 2 959 989 245,9 тыс. р. и бюджетов субъектов Российской Федерации в сумме 5 551 298,2 тыс. р. Таким образом, 46,8% доходов Пенсионного фонда в 2013 г. предполагалось формировать за счет межбюджетных трансфертов федерального бюджета.

Расходы на финансирование Пенсионного фонда являются весьма значимыми в федеральном бюджете. Они составляют 23% общего объема его доходов (прогнозируемый общий объем доходов федерального бюджета в сумме 12 865 925 621,0 тыс. р.) (согласно Федеральному закон от 3 декабря 2012 г. № 216-ФЗ «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов»), или 22% общего объема расходов (общий объем расходов федерального бюджета в сумме 13 387 340 174,7 тыс. р.). Только эти трансферты составляют 4,45% ВВП, объем которого в 2013 г. в соответствии с Законом № 216-ФЗ от 3 декабря 2012 г. прогнозировался в объеме 66 515 млрд р., все доходы Пенсионного фонда – в размере 9,5% ВВП.

В соответствии со ст. 11 Закона от 15 декабря 2001 г. «О государственном пенсионном обеспечении в РФ» (в ред. от 1 июля 2011 г.): «Финансовое обеспечение расходов на выплату пенсий по государственному пенсионному обеспечению, включая организацию их доставки, производится за счет межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, предоставляемых бюджету Пенсионного фонда Российской Федерации».

Следует обратить внимание на динамику показателей бюджета Пенсионного фонда за последние годы. Показатель исполнения его расходной части с 2006 по 2011 г. демонстрирует рост в 3,1 раза – с 1537 до 4249 млрд р. [4]. За тот же период ВВП вырос в 1,6 раза – с 33 248 до 54 586 млрд р. [5]. Отношение показателя расходов Пенсионного фонда к ВВП за шесть лет увеличилось с 4,6 до 7,8%.

Динамика расходов федерального бюджета на выплаты пенсий не оставляет надежд на самопроизвольное улучшение ситуации. Проблемы доходов Пенсионного фонда усугубляются попытками снизить нагрузку по выплатам во внебюджетные страховые фонды для предприятий, в том числе нагрузку на малые и средние предприятия. Для исправления ситуации с 2013 г. были упразднены некоторые льготы по отчислениям в данный фонд для индивидуальных предпринимателей, что увеличивает размер этих выплат примерно в два раза [6].

Нагрузка на федеральный бюджет, возникающая вследствие необходимости направлять трансферты в бюджет Пенсионного фонда, весьма велика и приближается к четверти общего объема доходов федерального бюджета. Однако нужно иметь в виду, что трансферты федерального бюджета Пенсионному фонду РФ составляют далеко не все средства, направляемые из федерального бюджета на выплату пенсий и пособий. Федеральный бюджет является источником средств на выплату такого вида пенсий, которые могут быть названы «военными пенсиями» (ст. 10 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» (в ред. Федерального закона от 8 ноября 2011 г. № 309-ФЗ). Ст. 11 определяет, что федеральными органами власти, осуществляющими пенсионное обеспечение по данному Закону, выступают Министерство обороны РФ, Министерство внутренних дел РФ и другие указанные в этом законе федеральные органы.

Приложение 12 к Федеральному закону от 3 декабря 2012 г. № 216-ФЗ содержит статью: «Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 4468-I „О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей“», в соответствии с которой предусматривается финансирование в объеме 478 млрд р. Добавив эту сумму к трансфертам, предоставляемым Пенсионному фонду РФ, мы увидим, что расходы федерального бюджета на выплату пенсий увеличиваются до 3 438 млрд р. Это составляет уже 26,7% доходов федерального бюджета в 2013 г., или 5,2% предполагаемого объема ВВП в 2013 г. Однако и эта сумма

(3 438 млрд р.) не дает полной суммы расходов федерального бюджета на выплаты пенсий. Кроме указанных расходов, имеют место выплаты пенсий из бюджетов бывшим гражданским служащим и депутатам. В соответствии с Федеральным законом от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания» (с изменениями и дополнениями) депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации имеют право на ежемесячную доплату к государственной пенсии. Источником данного вида доплат является федеральный бюджет. Аналогичные выплаты предусматривают региональные и муниципальные законы для депутатов соответствующих уровней.

Ныне повсеместно используется принцип назначения пенсий, который изначально применялся для государственных служащих. Пенсии госслужащим (в первую очередь, военным служащим) назначались исходя из продолжительности службы и занимаемой должности. Пенсии госслужащим имеют своим источником госбюджет. Однако для работников негосударственных организаций не представляется рациональным применять этот же принцип. Вся масса работников не в состоянии рассчитывать на выплаты пенсий из госбюджета. Никакой бюджет не выдержит такой нагрузки.

Развитие системы негосударственных пенсионных фондов. Известно еще одно направление развития пенсионной системы, которое, как ожидается, позволит несколько повысить коэффициент замещения и одновременно снизить нагрузку на бюджет. Это поддержка формирования системы негосударственных пенсионных фондов (НПФ).

Система негосударственных пенсионных фондов в определенной степени дублирует государственный пенсионный фонд (ГПФ). Негосударственный пенсионный фонд обеспечивает возможность его участникам получать пенсионные выплаты, которые дополняют выплаты из государственного пенсионного фонда. НПФ действует на основе страхового принципа, так же, как и ГПФ. Кроме того, НПФ действует по принципу «солидарности поколений». Отличает НПФ от ГПФ лишь масштаб деятельности – количество участников фонда. Обычно НПФ создаются при крупных организациях, предприятиях. Источником пенсионных выплат в НПФ служат не столько взносы участников, сколько средства, выделяемые предприятиями.

В соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. №167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» НПФ может аккумулировать средства накопительной части трудовых пенсий, организуя инвестирование, учет и выплату этой части трудовых пенсий. При достаточном охвате работающих негосударственными пенсионными фондами дополнительные пенсионные выплаты могли бы повысить коэффициент замещения заработной платы в целом по стране. Проблема состоит в том, что позволить себе создавать и поддерживать НПФ, делать взносы в эти фонды за своих работников могут только весьма крупные и финансово состоятельные организации. В 2012 г. в стране насчитывалось 145 НПФ, количество участников составило 6,6 млн чел. [7]. Нынешние масштабы деятельности НПФ не дают оснований надеяться на существенное влияние этой составляющей на пенсионную систему страны в целом.

Решить нарастающие проблемы призван очередной этап пенсионной реформы. В настоящее время предполагается переход к новому этапу реформы пенсионной системы. Министерство труда и социальной защиты РФ предлагает «Проект Стратегии развития пенсионной системы РФ до 2030 года» (далее Проект Стратегии), основу которого составляет трехуровневая модель пенсионной системы [8].

Проект Стратегии отмечает негативные тенденции, которым подвержена действующая пенсионная система страны. Выделяются внешние и внутренние факторы негативного развития пенсионной системы. Стратегия декларирует цели развития пенсионной системы: гарантирование социально приемлемого пенсионного обеспечения и обеспечение долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы [8]. Задачами развития пенсионной системы объявляется создание условий достижения

адекватного коэффициента замещения (не менее 40%); обеспечение совокупного дохода пенсионера на уровне не ниже величины прожиточного минимума пенсионера, а также среднего размера трудовой пенсии не менее 2,5–3,0 прожиточных минимумов; установление приемлемого уровня страховой нагрузки для субъектов экономической деятельности; развитие трехуровневой пенсионной системы; совершенствование формирования пенсионных прав; повышение эффективности накопительной составляющей пенсионной системы [8].

Модернизация страховой системы предусматривает сохранение социально-страхового принципа функционирования системы.

Изыскание источников средств видится посредством построения трехуровневой пенсионной системы. Предлагаемая трехуровневая модель пенсионной системы предусматривает наличие следующих уровней.

Первый уровень представлен системой обязательного государственного пенсионного страхования, обеспечивающего получение трудовой пенсии, составленной из солидарной страховой части и обязательной накопительной части. Первый уровень должен обеспечить коэффициент замещения 40%.

Второй уровень представлен негосударственными пенсионными фондами, которые связаны договорами с предприятиями, организациями. Предприятия уплачивают за своих работников взносы. Функцией этой системы является накопление средств для выплаты добровольной корпоративной пенсии работникам таких предприятий. Правовым основанием уплаты пенсионных взносов и последующего приобретения пенсионных прав работниками являются индивидуальные трудовые или коллективные договоры либо отраслевые тарифные соглашения.

Третий уровень пенсионной системы представлен работниками, заключающими с негосударственными пенсионными фондами, страховыми компаниями или кредитными организациями добровольные договоры. Функцией данной системы является приобретение физическими лицами прав на добровольную частную пенсию.

Таким образом, предполагается наличие трех видов источников средств, накапливаемых в пенсионных фондах. Это обязательные взносы в ГПФ; добровольные перечисления предприятий, организаций в НПФ; добровольные перечисления граждан в негосударственные фонды.

Ожидается, что такая трехуровневая пенсионная система при трудовом стаже 40–45 лет позволит обеспечить рост коэффициента замещения до 70%.

Проект Стратегии признает наличие проблем при формировании накопительной составляющей пенсионной системы: отсутствие эффективных механизмов гарантий сохранности пенсионных накоплений; реальное обесценивание пенсионных накоплений; возрастание рыночных рисков по мере увеличения объемов пенсионных накоплений в условиях нехватки инструментов инвестирования (1,8 трлн р. в 2011 г.; 2,3 трлн р. в 2012 г.; 3,5 трлн р. в 2014 г.); высокие издержки администрирования накопительной составляющей пенсионной системы [8].

Главной в реформировании пенсионной системы является проблема отыскания источников доходов пенсионной системы при наличии негативных демографических тенденций: «Особо острой проблема предусмотренного в действующей формуле механизма генерации дисбаланса между обязательствами и источниками их покрытия становится в условиях негативного демографического тренда. <...> Предполагается, что обязательства пенсионной системы должны постоянно балансироваться с ее текущими доходами» [8].

Сбалансированная устойчивая пенсионная система может быть построена только при условии определения способов решения проблемы нахождения адекватных современным социально-экономическим условиям источников доходов фондов, используемых для осуществления пенсионных выплат.

Где изыскать средства для выплаты пенсий? Тенденция развития пенсионных систем состоит в том, что практически все население, достигающее пенсионного возраста, становится получателем пенсионных выплат. Результатом этого развития является падающее соотношение работающих в организациях и количества пенсионеров. Неблагоприятные демографические тенденции ведут к последовательному снижению количества работающих, приходящихся на одного пенсионера. Ожидается, что в недалеком будущем на одного работающего будет приходиться один пенсионер.

Прогнозы в сфере финансирования пенсионных выплат довольно пессимистичны. Нужно иметь в виду, что такого рода тенденции наблюдаются не только в нашей стране, а распространены повсеместно в тех странах, которые имеют достаточно развитые массовые пенсионные системы. Эти явления получили название «пенсионный кризис». Поскольку экономические, финансовые и социальные явления в разных странах весьма сходны, нужно искать их общие фундаментальные причины.

Для изыскания средств на выплату пенсий обычно обращаются к финансовой сфере. Принято выделять два подхода к формированию фондов пенсионных средств: распределительный и накопительный. Некоторое время считалось, что накопительный подход более прогрессивен и применение его позволит решить многие проблемы формирования пенсионных фондов. Ожидалось, что переход к накопительному принципу формирования пенсионного фонда, во-первых, позволит снизить нагрузку на бюджеты, значительно освободив их от необходимости расходовать средства на пенсионные выплаты; во-вторых, освободит работающие поколения от необходимости содержать старшие поколения посредством отчислений в пенсионные фонды; в-третьих, средства, накапливаемые работающими для будущих пенсий, могут стать источником «длинных денег» для инвестиций.

Распределительный тип пенсионной системы подразумевает, что источником выплаты пенсий являются взносы работающих в пенсионный фонд. В этом случае проповедуется принцип «солидарности поколений».

Определимся в некоторых исходных методологических положениях, на основе которых только и могут быть сделаны конкретные выводы по оценке предложений реформирования пенсионной системы.

Накопления на старость – может ли это решить пенсионные проблемы? В жизни любого человека или общества регулярно чередуются периоды высокой и низкой эффективности деятельности по обеспечению себя жизненными средствами. Примером могут служить сезонные изменения в окружающей человека природной среде (сухой сезон – сезон дождей, лето – зима и т. д.). Чтобы успешно пережить периоды неблагоприятных условий окружающей среды, люди традиционно используют метод накопления запасов жизненных средств, продовольствия в первую очередь.

Рост численности и плотности населения, достаточный для возникновения устойчивого товарного обмена, стал условием появления древних цивилизаций. Сам по себе рост численности и плотности населения был обусловлен открытием возможностей длительного хранения запасов продовольствия. Первым и главным продуктом, имеющим способность к длительному хранению, было зерно. (Пшеница одомашнена примерно 10 тыс. лет назад в так называемом полумесяце плодородия. Рис культивируется примерно 7 тыс. лет. Начало возделывания маиса оценивается временным промежутком от 7 до 12 тыс. лет назад).

Современный человек обязан своему появлению и развитию накоплению знаний и умений создавать и сохранять запасы жизненных средств. Создание общественных запасов продовольствия есть условие устойчивости социальных и государственных структур. Проблема видится столь значимой, что ей посвящена легенда о толковании рабом Иосифом сна фараона о семи тучных коровах и семи тощих коровах, а также о семи тучных колосьях и семи тощих колосьях пшеницы. (Библия. Ветхий завет. Бытие. Гл. 41).

Возможность накопления предметов потребления. Способности человека обеспечивать себя жизненными средствами не остаются неизменными. Периоды высокой способности к труду сменяются периодами относительно низкой возможности производить для себя достаточные количества жизненных средств. Вполне очевидно, что с достижением определенного возраста способности человека к эффективному труду заметно понижаются. Представляются естественными попытки сохранения прежнего уровня потребления посредством традиционного способа накопления запасов жизненных средств. Однако проблема состоит в том, что практически все предметы потребления имеют ограниченные сроки сохранения своих потребительских свойств. Нужно принять во внимание то обстоятельство, что период хранения предметов потребления должен быть достаточно велик и может достигать 70 лет. Вполне понятно, что предметы потребления, приобретаемые работником в продолжение его трудовой жизни, к моменту выхода на пенсию бывают полностью потреблены, не подлежат хранению или имеют недостаточно длительный срок службы.

Ограниченная часть накопленных предметов длительного потребления может быть использована пенсионерами в продолжение довольно длительных периодов времени. Это недвижимость (жилье, участки земли), автомобили, мебель, бытовая техника, в какой-то мере одежда. Здесь нужно учитывать, что быстрое техническое усовершенствование предметов длительного пользования обусловливает относительное снижение потребительских качеств накопленного прежде имущества. Такие накопления позволяют сокращать требуемый для поддержания прежнего уровня жизни доход после выхода на пенсию. Эти накопления реально потребляются, но не генерируют необходимые доходы.

Возможность накапливать такой универсальный предмет, каким являются деньги. Существует предмет, накопление которого, казалось бы, свободно от указанных недостатков. Таким предметом являются деньги. Имея некоторый накопленный запас денег, можно приобрести любые предметы потребления. Нужно убедиться в том, что накопленные деньги способны сохранять свои свойства на протяжении достаточно продолжительных периодов времени.

С позиций воспроизводственной методологии жизнь человека может быть разделена на отдельные фазы. Эти фазы составляют жизненный цикл человека. Представляется возможным выделить фазы жизни, которые условно назовем следующим образом: детство; обучение; трудовая деятельность; жизнь после окончания активной трудовой деятельности. Две последние фазы (трудовая деятельность и жизнь после окончания активной трудовой деятельности) назовем «пенсионным циклом». Временную протяженность этих фаз будем называть периодом пенсионного цикла. Началом периода пенсионного цикла будем считать момент начала платежей в пенсионный фонд, или начала накопления пенсионных средств, окончанием периода пенсионного цикла – момент завершения получения пенсионных средств.

Предположим, что фаза трудовой деятельности человека начинается с 20 лет, период этой фазы составляет 40–45 лет (с 20 до 60–65 лет); фаза жизни после завершения активной трудовой деятельности начинается в 60–65 лет и заканчивается в 90 лет, т. е. составляет около 25–30 лет. Таким образом, период пенсионного цикла имеет продолжительность приблизительно 70 лет.

Сбережения в случае накопительной пенсионной системы должны обладать способностью сохраняться не менее 70 лет. В накопительной системе эти сбережения не могут быть перераспределены между другими пенсионерами, как это имеет место в солидарной системе, основанной на страховом принципе, а должны принадлежать наследникам в случае смерти пенсионера.

Вспомним, что в 1943 г. в обращении находились банкноты советского рубля образца 1938 г. со стоимостным содержанием, первоначально установленным денежной

реформой 1922–1924 гг. В 1947 г. была осуществлена конфискационная денежная реформа; в 1961 г. – еще одна денежная реформа – деноминация рубля; в начале 1991 г. – «павловский обмен». В конце 1991 г. советский рубль был заменен российским рублем. Инфляция первой половины 1990-х годов обесценила этот рубль примерно в 12 000 раз. Деноминация 1998 г. увеличила стоимостное содержание рубля, сократив рублевые суммы на три порядка. Двухзначная инфляция большей части 2000-х годов и нынешняя довольно высокая инфляция (2010 г. – 8,8%, 2012 г. – 6,6%) оставляют мало надежд не только на процентный рост пенсионных накоплений, но и на простое сохранение сбережений.

Если накапливать, то активы. Идея накопительной системы основывается на нескольких исходных предположениях. Первое из них состоит в том, что денежные сбережения, совершаемые работающим, сохраняются; второе в том, что накопленные деньги преумножаются. И первое, и второе должны иметь место на протяжении периода времени, оставшемся до выхода на пенсию и затем на протяжении всего периода нетрудоспособной части жизни человека.

Нужно иметь в виду, что деньги отличаются от обычных предметов потребления. Деньги являются некоторым социально-экономическим явлением, которое принято обозначать термином «актив».

Активы отличаются от обычных предметов потребления тем свойством, что способны создавать или генерировать денежные потоки либо доходы своему владельцу. Кроме того, что деньги могут быть использованы для получения всевозможных предметов потребления, они способны приносить новые деньги. Источниками доходов пенсионера могут быть активы, накопленные в период его предшествующей трудовой деятельности. Формирование активов, по сути, представляет собой участие в создании некоторых экономических структур, способных производить продукт, выносимый на рынок. Именно в силу этого обстоятельства активы приносят доходы.

Самое простое и, казалось бы, очевидное решение проблемы получения потока доходов пенсионером – это накопление наиболее привлекательного и ликвидного типа активов, т. е. денег (наличных или безналичных). Кроме того, что накопленные деньги постепенно расходуются, безналичные деньги в форме депозитов могут приносить процентные доходы. Идея индивидуального накопления денег лежит в основе проектов накопительных пенсионных систем. Однако исторический опыт показывает, что современные деньги не обладают свойством сохраняемости на столь длительных промежутках времени, как это требуется для обеспечения протяженности пенсионного цикла (не менее 70 лет).

Возможна ли пенсионная система, построенная полностью или преимущественно на накопительном принципе? Следует рассмотреть возможности перехода на пенсионную систему, построенную на основе накопительного принципа.

Проблема сокращения нагрузки на бюджет пенсионного фонда и на государственный бюджет, как ожидается, может быть решена посредством постепенного перехода от действующей распределительной пенсионной системы к накопительной. Предполагается, что накопительная пенсионная система освободит работающих от необходимости содержать вышедших на пенсию. В случае введения накопительной системы ныне работающие сами будут создавать себе фонд некоторых активов, который обеспечит их пенсионными выплатами после завершения трудовой деятельности. Тогда работающие не обременятся отчислениями на поддержание старших поколений – неработающих пенсионеров.

Идея накопительной системы внешне выглядит весьма привлекательно. Попытка перехода на накопительную пенсионную систему была предпринята в Чили [1]. В 1981 г. в специфических условиях военного режима власти инициировали и провели пенсионную реформу, главной целью которой было снизить бремя финансовых обязательств

государства перед пенсионерами. Нужно иметь в виду, что накопительный принцип подразумевает накопление не собственно денег, а инвестирование денег, т. е. размещение сбережений в активах. Легко рассчитать приблизительный объем сбережений, который требуется разместить на фондовом рынке в случае перехода на полностью накопительную пенсионную систему.

Капитализация фондового рынка РФ в 2012 г. составляла 45% ВВП. По предварительной оценке Росстата, объем ВВП 2012 г. – 62 356,9 млрд р. Таким образом, капитализация фондового рынка составляла 28 060,6 млрд р. Приблизительный объем сбережений, которые предположительно могут быть размещены в активы средним работником, достигшим 60 лет, чтобы обеспечить себе в продолжение 30 лет ежемесячные пенсионные выплаты, составляющие 40% его заработной платы, должен составить:

$$0{,}4 \times 25\,800 \text{ р.} \times 12 \text{ мес.} \times 30 \text{ лет} = 3\,715\,000 \text{ р.},$$

где 0,4 – пенсионное замещение 40% ежемесячной заработной платы; 25 800 р. – средняя заработная плата в 2012 г.

Пенсию в размере 0,4 × 25 800 р. пенсионер должен получать ежемесячно (12 мес. в году) на протяжении 30 лет (до максимального возраста 90 лет).

Эту сумму работник накапливает 40 лет и расходует в последующие 30 лет. Средняя сумма, которая предположительно будет сохраняться в активах на протяжении пенсионного цикла (70 лет), приблизительно составит половину максимальной суммы, накопленной к 60 годам:

$$3\,715 \text{ тыс. р.} / 2 = 1\,857{,}5 \text{ тыс. р.}$$

Учитывая, что в стране около 40 млн пенсионеров, получаем:

$$40\,000\,000 \text{ чел.} \times 18\,57{,}5 \text{ тыс. р.} = 74\,300\,000\,000 \text{ тыс. р. (74 300 млрд р.)}$$

Рыночная капитализация в РФ в настоящее время составляет, как уже отмечалось 28 060,6 млрд р., что в 2,65 раза меньше суммы сбережений пенсионеров, предполагаемых к хранению в случае перехода на полностью накопительную пенсионную систему. Исходя из того, что объем активов, размещенный на рынке, должен возрасти на величину, в 2,65 раза превышающую нынешнюю капитализацию рынка, рынок активов должен возрасти в 3,65 раза. Такой уровень капитализации в настоящее время видится нереальным. Рынок не в состоянии принять такой объем сбережений. Уже по этой причине переход на полностью накопительную пенсионную систему невозможен. Проект Стратегии указывает и на нехватку инструментов инвестирования. Между тем это обстоятельство не исключает использования достаточно ограниченной накопительной составляющей в рамках пенсионной системы.

Кроме указанных причин (невозможность сохранять современные деньги на протяжении столь длительных периодов, как этого требует накопительная пенсионная система, и недостаточная емкость фондового рынка), пенсионные накопления подвергаются рискам колебаний конъюнктуры фондового рынка. Доходность активов должна превышать темпы инфляции.

Размещение накоплений работающих для обеспечения будущих пенсионных выплат имеет смысл тогда, когда процент годового прироста этих активов превышает уровень инфляции. Доходность пенсионных накоплений, размещенных Внешэкономбанком в 2012 г. составила 9,21% и превысила объявленные темпы инфляции (6,6%). Однако в 2011 г. доходность пенсионных накоплений банка (5,46%) была ниже уровня инфляции (6,1%) [9].

Накопительная система строится на основе вложений в финансовые активы. Говоря о накопительной системе, мы предполагаем, что работающий субъект накапливает в продолжение трудовой части своей жизни некоторую совокупность финансовых

активов. Имеются в виду, главным образом, инструменты фондового рынка, способные впоследствии генерировать поток доходов.

Ценные бумаги способны генерировать потоки доходов. Источником доходов являются успешно функционирующие компании, эмитировавшие ценные бумаги, но и в этом случае возникают вполне очевидные проблемы. Во-первых, компании – эмитенты акций имеют ограниченный срок существования. Жизненный цикл таких компаний, а значит, и эмитируемых ими ценных бумаг, часто значительно короче требуемого периода пенсионного цикла (70 лет). Во-вторых, даже приобретение пакетов акций или участие в паевых инвестиционных фондах не дают никаких гарантий. В результате экономических кризисов, спадов, депрессий многие компании разоряются, а сохранившиеся «старые» компании теряют капитализацию. Их бумаги, избранные в качестве активов для хранения пенсионных накоплений, обесцениваются. В-третьих, рынок ценных бумаг, в частности акций, как мы выяснили, не в состоянии поглотить тот объем сбережений, который требуется для сохранения пенсионных накоплений, т. е. не вмещает всех желающих.

Таким образом, переходу на полностью или преимущественно накопительную пенсионную систему препятствуют: 1) способность денег сохраняться на протяжении достаточно длительных периодов времени, не менее периода пенсионного цикла, т. е. 70 лет; 2) недостаточная емкость рынка для размещения всего объема пенсионных накоплений; 3) наличие рисков потери средств, помещенных в финансовые инструменты, рисков падения доходности рыночных инструментов ниже уровня инфляции.

Историческим примером попытки перехода на преимущественно накопительную пенсионную систему является чилийский опыт проведения пенсионной реформы, берущей свое начало в 1981 г. Переход в новую систему предполагался добровольным. Оставшиеся в старой системе (хотя таких оказалось относительно немного) получают пенсионные выплаты из средств бюджета [10]. Те, кто первоначально состояли в распределительной пенсионной системе и делали в нее взносы, а затем предпочли перейти в накопительную систему, получали государственные облигации для компенсации уже сделанных взносов, которые размещались на накопительных счетах. При наступлении пенсионного возраста государство выкупает эти облигации. Деньги, поступающие на такие счета, имели своим источником бюджетные средства [10]. При переходе на накопительную систему суммарные государственные обязательства перед пенсионерами оценивались в объеме от 80 до 100% ВВП [10]. В переходный период представляется не вполне справедливым называть такую систему накопительной. Однако, скорее всего, дело не только в сложностях переходного периода. Цели пенсионной реформы не были достигнуты. Главная цель состояла в том, чтобы радикально снизить государственные обязательства (обязательства государственного бюджета) перед пенсионерами, а по возможности и полностью исключить возникновение таких обязательств. Другая цель состояла в том, чтобы работающие без помощи государства (бюджета) могли обеспечить себе достойные или просто приемлемые доходы после выхода на пенсию. После 25 лет эксперимента стало понятно, что накапливаемых средств недостаточно для выплаты заявленных первоначально размеров пенсии [11]. Другим результатом эксперимента стал факт низкой степени охвата населения данной формой пенсионной системы. Степень охвата не превысила 60% занятого населения [11]. Не удалось снять нагрузку с госбюджета в той мере, в какой это предполагалось. Государство вынуждено было увеличить число социальных пенсий «...с 290 тыс. в 1992 г. до 425 тыс. в 2006 г.» [11]. Итогом чилийского эксперимента явилось то, что фактически пришлось отказаться от идеи перехода на преимущественно накопительную систему. В соответствии с положениями новой пенсионной реформы, с 1 июля 2008 г. вместе с накопительной составляющей пенсии вводится система государственных солидарных пенсий [11].

Приходится констатировать, что накопительная пенсионная система не в состоянии вытеснить пенсионную систему, построенную на распределительном принципе. Накопительная часть пенсионных сбережений может существовать лишь в качестве ограниченной составляющей смешанной распределительно-накопительной пенсионной системы. Впрочем, распределительная часть может существовать и без накопительной компоненты пенсионной системы. Российская пенсионная система представляет собой именно такую – по преимуществу распределительную и в совершенно незначительной части накопительную – систему [2].

Вывод состоит в том, что ни логически, ни практически получить действенную систему, построенную исключительно или преимущественно на основе накопительного принципа, не представляется возможным. В то же время исключить накопительную составляющую как подсистему в рамках пенсионной системы также не видится рациональным.

В производстве продукта участвуют и приносят доходы реальные, физические активы. Попытаемся отвлечься от денежной оболочки экономических процессов и рассмотрим материальные и нематериальные составляющие воспроизводственной структуры экономики.

Генерировать доходы могут инвестиции, направляемые на развитие реальных, физических составляющих экономической системы. В 2011 г. инвестиции в российскую экономику достигли 10 776,8 млрд р. (19,8% ВВП) [12]. Вспомним, что по нашим, весьма приблизительным, расчетам среднегодовые остатки на счетах в условиях накопительной пенсионной системы должны составить 74 300 млрд р., что почти в семь раз превышает инвестиции 2011 г. Этим подтверждается то, что большая часть пенсионных сбережений в условиях накопительной системы, очевидно, не найдет себе применения.

Можно рассмотреть структуру инвестиций, поскольку не всякие инвестиции направлены на создание таких элементов экономики, которые могли бы быть активом, а следовательно, источником, генерирующим денежные потоки, способные превратиться в доходы пенсионеров на протяжении достаточно длительных периодов времени, сравнимых с периодом пенсионного цикла в 70 лет. Активами, имеющими такой срок службы, могли бы быть построенные жилые здания, производственные здания и сооружения. В строительство жилищ в 2011 г. инвестировано 1 566,9 млрд р. (14,5% всех инвестиций 2011 г.), в здания и сооружения – 4 751,9 млрд р. (44,1%), в машины и оборудование, транспортные средства – 3 791,2 млрд р. (35,2%), прочее – 666,8 млрд р. (6,2%) [12].

Указанные материальные активы по сроку службы могли бы быть вполне пригодными для размещения пенсионных накоплений. Срок службы зданий, как жилых, так и производственных, может превышать сто лет. На протяжении этого времени такие активы в состоянии генерировать денежный поток, который мог бы служить доходам пенсионеров. Однако этот денежный поток в рамках компании представляет собой амортизационные отчисления, аккумулируемые в амортизационном фонде для возобновления данных составляющих основного капитала. Амортизационные отчисления не предназначены для формирования доходов пенсионеров. В противном случае общество будет проедать накопленные основные фонды, что ведет к относительному или абсолютному снижению объемов производства.

Если здания, сооружения и иная недвижимость есть частная собственность некоторого субъекта, то определенная доля генерируемого денежного потока может поступать владельцу и использоваться для личного потребления.

Ежегодные доходы от сдачи в аренду зданий и сооружений, построенных на сбережения работающих, желающих сохранить свои накопления после выхода на пенсию, относительно невелики. Недостаточен как общий объем такого рода составляющих основного капитала, учитывая количество пенсионеров, так и генерируемые ими ежегодные денежные потоки.

Еще менее подходит для размещения пенсионных накоплений такая статья «Видовой структуры инвестиций в основной капитал», как «Машины оборудование, транспортные средства» [9]. Сроки службы данных активов относительно невелики по сравнению с периодами накопления и расходования пенсионных средств. Слабым утешением является и то, что средства, вложенные в эти активы, сохраняются в амортизационных фондах. Во-первых, как уже было сказано, амортизационные средства не могут служить источником пенсионных выплат. Во-вторых, амортизационные фонды действуют до тех пор, пока существуют компании, создающие эти фонды, а жизненный цикл большинства компаний заметно короче периода пенсионного цикла в 70 лет. С прекращением деятельности компаний перестают существовать их амортизационные фонды. Вложения в такого рода активы не выглядят достаточными для накопления сбережений будущих пенсионеров.

В качестве вывода следует констатировать следующее. Физические составляющие капитала плохо подходят для того, чтобы выступать как главный актив, который мог бы генерировать достаточные по величине денежные потоки для наполнения пенсионного фонда *в условиях массовой пенсионной системы*. Такого рода активы, какими являются физические составляющие капитала (основной капитал, например), могут создавать частичные, относительно небольшие доли денежных потоков, наполняющих современный пенсионный фонд.

Источники

1. Гайдар Е. История пенсий. Становление и кризис системы социальной защиты в современном мире. Статья вторая // Независимая газ. 2004. № 143 (3256).

2. Колесов Г. Б. Пенсионная система России в XIX веке. Режим доступа: http://www.ypensioner.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1284:-xix-&catid=86:2009-04-09-06-20-15&Itemid=136.

3. Об обеспечении в порядке социального страхования по случаю старости : постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15 мая 1929 г.

4. Показатели бюджета Пенсионного фонда // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. Режим доступа: http://info.minfin.ru/pf.php.

5. Динамика ВВП // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. Режим доступа: http://info.minfin.ru/gdp.php.

6. Голодец О. Выплаты ИП в Пенсионный фонд снижаться не будут // Рос. газ. Экономика. 2013. 6 апр.

7. Негосударственные пенсионные фонды в цифрах (количественные показатели деятельности НПФ) // Пенсионное обозрение : электрон. журн. Режим доступа: http://www.pensionobserver.ru/arxiv/4-12-oktyabr-dekabr-2012-g/v-czentre-vnimaniya/negosudarstvennyie-pensionnyie-fondyi-v-czifrax-kolichestvennyie-pokazateli-deyatelnosti-npf.

8. Проект Стратегии развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года (на 20 сентября 2012 г.) // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. Режим доступа: http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/projects/44.

9. Башкатова А. Сомнительный инвестиционный успех ВЭБа // Независимая газ. 2013. 8 февр.

10. Пенсионные системы. Мировой опыт // Интернет-сайт НПФ «Согласие». Режим доступа: http://www.soglasie-npf.ru/directory/world-experience.php.

11. Накопительная пенсионная система Чили провалилась // Prostobank.ua. 2008. 20 авг. Режим доступа: http://www.prostobank.ua/finansovyy_gid/pensiya/novosti/nakopitelnaya_pensionnaya_sistema_chili_provalilas.

12. Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации в 2011 году : стат. бюл. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_04/IssWWW.exe/Stg/d03/1-inv.htm.

БЕГИЧЕВА Светлана Викторовна

Старший преподаватель кафедры бизнес-информатики

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-56
e-mail: begichevas@mail.ru

НАЗАРОВ Дмитрий Михайлович

Кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой бизнес-информатики

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-56
e-mail: slup2005@mail.ru

Экономическая герменевтика

Ключевые слова: герменевтика; информационная герменевтика; информация; экономическая герменевтика; герменевтические подходы; интерпретация; понимание; герменевтический круг.

Анализируются герменевтические подходы к пониманию информации. В качестве составляющей информационной герменевтики рассматривается экономическая герменевтика. Показана возможность и необходимость использования принципов герменевтики в экономике.

Термин «герменевтика» имеет греческие корни. Его связывают с именем бога Гермеса – вестника богов, покровителя путешествующих, проводника душ умерших, посредника между богами и людьми, который должен был доводить до людей волю богов, разъяснять скрытый смысл их слов. Поэтому герменевтика уже с тех пор трактуется как искусство перевода, искусство объяснения.

Эволюционные преобразования в обществе в целом и в науке в частности изменяли облик герменевтики от вспомогательной дисциплины для богословия и философского направления до методологии гуманитарных наук. Изменялся и предмет герменевтики: если в Античности и в Средние века задачей герменевтики была интерпретация текстов, то впоследствии сфера применения герменевтических подходов распространилась до «области практики, которая обеспечивает взаимодействие между индивидуальными агентами и коллективами, а также между тем, что мы называем комплексами, организациями, институтами, образующими систему» [1. С. 10].

Существуют различные определения.

Герменевтика (от гр. ηερμενευτικε < hermeneia – толкование, объяснение): теория и искусство истолкования текста древних литературных произведений (рукописей, книг, памятников) [2. С. 168]; традиция и способы толкования многозначных или не поддающихся уточнению текстов [3. С. 124]; «искусство и теория толкования текстов, первоначальный смысл которых не ясен» [4. С. 200]; «теория и искусство истолкования текста древних литературных произведений (рукописей, книг, памятников)... направление в языкознании, научная дисциплина о законах восприятия и понимания текста» [5. С. 324].

Герменевтикой уже с античной эпохи рассматриваются проблемы интерпретации, понимания и объяснения документов. Ею выработано множество специальных

© Бегичева С. В., Назаров Д. М., 2014

правил, приемов и методов истолкования текстов определенных типов. Изучение герменевтической традиции в ее культурно-историческом контексте помогло выработать определенные методы постижения смысла, принципы восхождения к пониманию. Совокупность выделенных нами принципов герменевтического анализа образует целую систему, которая выглядит следующим образом:

1) понимание из контекста. Здесь требуется целостное видение произведения, комплексный анализ его структуры;

2) ассоциирование (отождествление) себя с автором. При истолковании текста важно составить наиболее полное представление о личности автора (даже если имя его неизвестно, как это бывает, например, с анонимными произведениями);

3) реконструкция исторической и культурной среды, в которую был включен автор изучаемого текста;

4) грамматический и филологический анализ текста в соответствии с законами его оригинального языка;

5) использование метода «герменевтического круга». Герменевтический круг рассматривается как структура каждого акта человеческого понимания вообще; его особенность такова: понимание, интерпретация, толкование феномена возможно только тогда, когда понимающий уже заранее имеет представление о данном феномене. Вариантами герменевтического круга могут служить выражения: «сущность истины есть истина сущности»; «основание положения – положение основания»; «единство объединяет» и т. п., где понимание есть постижение единого духовного начала. Понимание достигается благодаря тому, что духовное начало, воплотившееся в произведениях искусства (или изучаемых текстах), постигается другим духом – разумом интерпретатора. А поскольку духовное всегда обладает внутренним единством, это и является самой глубинной основой понимания внутренней духовной жизни как автора изучаемого произведения, так и эпохи, в которую он жил или живет;

6) анализ специфики жанра, особенностей его приемов – символов, знаков, метафор, аллегорий и т. д.;

7) «археология текста» – проведение предварительного сравнительного анализа различных вариантов существующих версий текста, приближение к подлиннику;

8) интуитивное сопричастие духу памятника или произведения (искусства или науки);

9) сравнительный метод понимания – сопоставление исследуемого текста с аналогичными;

10) диахронический анализ смысла текста – прослеживание эволюции смысла, вложенного автором, от адаптации его культурной средой своего времени до современного понимания.

Вышеперечисленные принципы герменевтического анализа отражают сущность герменевтического подхода в творческом научном процессе, где новизна поставленной задачи является той мотивацией, которая и определяет энтузиазм и настойчивость при осуществлении собственной научно-исследовательской работы.

В настоящее время герменевтическая методология общепризнана как способ познания и используется при проведении исследований в различных сферах обществознания: философии, социологии, правоведении, психологии и пр. При этом выделяются целые направления: «психологическая герменевтика», «юридическая герменевтика», «лингвистическая герменевтика», «педагогическая герменевтика». В психологии герменевтика «обсуждает понимание, развертывающееся в трех взаимодополнительных полях: предметном, логическом, межличностном» (А. А. Брудный, В. В. Давыдов, Г. В. Залевский, В. П. Зинченко, М. С. Роговин и др.); в лингвистике она трактуется как «традиция и способы толкования многозначных или не поддающихся уточнению текстов», «искусство и теория толкования текстов, первоначальный смысл которых не ясен»

(В. Гумбольдт, А.М. Камчатнов, Ф.Н. Двинятин и др.); в юриспруденции это «наука (и искусство) толкования юридических терминов и понятий, вершина юридического мастерства, кульминационный пункт юридической деятельности» (Н.Г. Александров, А.Б. Венгеров, Н.В. Витрук, И.Е. Фарбер, А.Д. Черкасов, Л.С. Явич и др.). В педагогической науке герменевтический подход на уровне концептуального использования конкретизировала А.Ф. Закирова, которая ввела термин «педагогическая герменевтика» [6]. Такое широкое применение *феномена герменевтики* в научных исследованиях не случайно, поскольку он базируется на трех китах: толковании, объяснении и интерпретации *текстовой информации*, получаемой в результате какой-либо *аналитической деятельности*.

Д.М. Назаровым было отмечено, что в связи с широким внедрением в повседневную практику сетевых технологий, которые позволяют представлять любую информацию в виде гипертекста, следует говорить не о герменевтическом подходе, а о герменевтической технологии интерпретации данных; введен термин *информационная герменевтика* [7].

Информационная герменевтика – теория и практика толкования, интерпретации, искусство понимания не просто текста, а гипертекста как предельного его значения, который мы понимаем как особым образом структурированные данные, с целью постижения их смысла сквозь призму культуры, эмоциональной и компетентностной сферы, личного и исторического опыта субъекта понимания и преобразования их в информацию, полезную для пользователя или получателя, в качестве которого может выступать как человек, так и человеко-машинная система.

Вполне возможно, что информационная герменевтика станет новым направлением в философии XXI века, когда общество в условиях лавинообразного роста информации трансформируется из постиндустриального в информационное. Структура информационной герменевтики может быть представлена следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. Составляющие информационной герменевтики

Остановимся на экономической герменевтике более подробно, чтобы концептуализировать это понятие и определить его с точки зрения нашего исследования. На наш взгляд, очевиден тот факт, что экономическая герменевтика может быть рассмотрена

как часть информационной, поскольку в основе той и другой лежат данные, которые требуется преобразовать в информацию, необходимую для принятия решений. Однако есть и особенности: так, информационная герменевтика интерпретирует данные любой природы и преобразует их в информацию, в то время как экономическая исследует и интерпретирует специфические данные, которые получены в результате хозяйственной деятельности и описывают параметры какого-либо процесса или явления.

Современная философия, которая так или иначе соприкасалась как метанаука с экономикой, выступающей в данном случае субнаукой, определяется, по крайней мере, четырьмя направлениями: аналитической философией (Уиллард Куайн и Хилари Патнэм и др.); герменевтической философией (Ханс-Георг Гадамер, Дон Лавуа и др.); плюралистической философией (Брюс Колдуэлл и др.) и риторической экономикой (Дейдра Макклоски).

Представители аналитического течения в философии, основываясь на достижениях позитивизма, неопозитивизма, а также критического рационализма, используют исследовательский потенциал формальной логики, эмпирическую эпистемологию, данные сопряженных наук на основе логико-лингвистического анализа рассматриваемых и реконструируемых явлений и процессов, а сама аналитическая философия является «интеллектуальным ядром» в границах философской мысли XX века в ранге специфической метафилософской дисциплины.

Что касается герменевтической философии в ее современном виде, то она была развита в работах Х.-Г. Гадамера и представляет собой мощнейшее течение в философии, основанное на искусстве толкования и интерпретации различных текстов, символов, смыслов социокультур.

Плюралистическая философия – это философская позиция, согласно которой существует множество различных равноправных, независимых и несводимых друг к другу форм знания и методологий познания либо форм бытия; она часто отождествляется с сущностью демократии и свободы, отрицая присутствие в мире абсолютной истины, утверждая, что истин столько же, сколько людей, и все эти истины равны по статусу.

Риторическая экономика, по мнению автора данного подхода Д. Макклоски, – это альтернатива модернистскому подходу аналитической философии, способ противопоставления научного и гуманного, факта и точки зрения, объективного и субъективного, позитивного и нормативного, вещи и слова, мысли и интуиции. Автор утверждает, что по своему статусу экономика прежде всего метафорична и ее модели представляют собой не описания, а метафоры. Если, например, говорится, что рынок можно представить в виде графика зависимости спроса от предложения, то налицо явная метафора. Широкое использование в экономике метафор вынуждает признать экономическую поэтику, а литературный подход объединяет экономику с другими областями культуры.

В XX веке многими философами и экономистами неоднократно предпринимались попытки учесть потенциал философии для осмысления экономики как субнауки. В этом отношении особенно интересны исследования двух школ: герменевтической и плюралистической.

Герменевтическая (интерпретационная) философия экономики Дона Лавуа (1950–2001) следует максиме герменевтики: познавай посредством языка, добивайся в диалоге согласия, совершенствуя общественную практику. Таким образом, Д. Лавуа, базируясь на идеях М. Полани и Х.-Г. Гадамера, с одной стороны, в своих исследованиях опирается на тезис «многое из того, что мы знаем, скрыто от нашего понимания», а с другой – подчеркивает социально-диалоговой характер языка, в рамках которого только и возможно развитие знания как понимания, акцентируя внимание на диалоговом характере экономики.

Плюралистическая экономика Б. Колдуэлла подразумевает множественность интерпретаций эмпирических данных, среди которых нет единственно верной. Он ут-

верждает, что первична не логика, а социальная практика, поскольку сама экономическая наука интенциональна, т. е. направлена на разрешение практических задач. И интерпретация решений этих задач происходит не на основе голых фактов и логических понятий, а на инклюзивных фактах, т. е. фактах, содержащих верования и убеждения экономических агентов, или, говоря современным языком, лиц, принимающих те или иные решения.

Таким образом, термин «экономическая герменевтика» неявно возник относительно недавно – в XX веке, в трудах ученых-экономистов и философов. Однако первые определения в трудах отечественных ученых появились совсем недавно. Из доступной нам литературы данная проблематика освещалась в работах В. Т. Рязанова, И. А. Пушкаревой, А. М. Орехова, С. С. Мишурова. Определения понятия «экономическая герменевтика» указанных авторов в основном связаны с пониманием и истолкованием экономических текстов. Так, А. М. Орехов определяет экономическую герменевтику как «исследование и анализ экономических текстов, направленный на выявление „скрытых" смыслов текста, а также субъективных намерений автора» **[8. С. 392]**. В. Т. Рязанов в своих работах рассуждает об экономической герменевтике как о «теории понимания и интерпретации экономических текстов» **[9. С. 4]**. Определение, предлагаемое И. А. Пушкаревой, шире: «Герменевтика, истолковывающая экономический аспект, может быть наименована экономической герменевтикой. Она интерпретирует жизнедеятельность общества, смысловыми ориентирами которого становятся параметры: планомерность, постоянство, непосредственность, нематериальность», но при этом все указанные в работе автора задачи экономической герменевтики так или иначе затрагивают только интерпретацию экономических терминов. В своей статье С. С. Мишуров лишь ставит вопрос о «необходимости разработки принципов „экономической герменевтики" как метода интерпретации культурных установок высшего порядка (религиозных, духовных, мистических) применительно к вопросам организации хозяйственной (экономической) практики» **[11. С. 162]**.

Надо отметить, что в указанных работах экономическая герменевтика не изучалась как отдельное понятие, а рассматривалась в контексте более широкой проблематики.

В экономической науке философская герменевтика пока еще не получила широкого применения. Вместе с тем положения герменевтической методологии актуальны для экономистов, и это признается зарубежными исследователями.

Так, нобелевский лауреат по экономике Джордж Стиглер (1965) предложил свой рецепт толкования экономических текстов, который состоит в рассмотрении произведения в свете современных читателю экономических знаний. Способ научного истолкования экономических трудов Стиглер иллюстрирует следующей схемой (рис. 2).

Рис. 2. Герменевтический подход Стиглера

Согласно Стиглеру, в первую очередь необходимо реконструировать общее положение текста – «теоретическое ядро работы... в манере, совместимой с современной экономической теорией» **[12. P. 448]**. Если положения работы согласуются с актуальными экономическими знаниями, то можно говорить о том, что анализируемое произведение оказало положительное влияние на состояние современной науки. С другой стороны, интерес для исследователя должны представлять и выводы автора: наличие в тексте логических ошибок, утверждений, которые впоследствии были признаны ложными, не должно умалять значимости основного положения работы. Схема Стиглера представляет собой своеобразный герменевтический круг: общее положение анализируемого текста уточняется через его научное толкование и толкование авторской позиции, которые в свою очередь позволяют корректнее определить общее положение. При этом предполагается, что читателю, чтобы понять часть текста, необходимо иметь предварительное знание смысла всего текста, и, наоборот, понимание всего текста невозможно без понимания каждой его части. Таким образом, читатель должен войти в герменевтический круг с определенным ожиданием к содержанию текста. В этом смысле в наиболее выигрышном положении находятся представители сообщества профессиональных экономистов.

Тот факт, что информация и экономический процесс приобретают новые формы, свидетельствует о том, что исследования в этой сфере актуальны и своевременны.

Обращаясь к зарубежному опыту в направлении нашего исследования, можно отметить, что информация – результат преобразования данных, основанный на интерпретации посредством герменевтического круга. Информация является контекстной и имеет определенное значение для интерпретатора, а следовательно, преобразование цепочки «данные → информация» неоднозначно и зависит от его точки зрения. Как следствие, информация никогда не является полной, поскольку всегда может быть рассмотрена в другом контексте и другим интерпретатором. Информация субъективна, основана на опыте интерпретатора и, таким образом, не может быть передана от одного человека другому: данные могут быть переданы посредством диалога, могут быть поняты, реконструированы и обновлены.

Информация – часть полной организационной коммуникации или диалога, и она не должна быть искусственно отделена или изолирована от этого.

Информация не ресурс, это – сущность существования. Ресурсы могут быть исчерпаны; без информации нет никакой организации. Это основа организации.

В качестве методологических принципов выдвигаются следующие **[12]**:

- the Overlap Principle (принцип перекрытия). Для устойчивости кирпичной кладки необходимо, чтобы каждый последующий ряд кирпичей перекрывал подготовленный ранее ряд. Так же вновь полученные данные должны ложиться на основу тех знаний, которыми обладает получатель;
- Principle Lived Experience (Erlebnis) (принцип жизненного опыта). Имеющийся опыт – единственное истинное основание интерпретационного понимания (и, соответственно, преобразования данных);
- Principle Hermeneutic Circle **(принцип герменевтического круга). Понимание возникает**, проходя «в и через» герменевтический круг, при этом данные понимаются через контекст, т. е., согласно Гадамеру, «от части к целому»;
- Principle Openness to Text (принцип открытости). Открытость, восприимчивость к полученным данным подразумевает приверженность процессу непрерывной интерпретации, критическое отношение к настоящему, понимание и принятие изменений;
- Principle Effective History **(принцип историзма). Необходимость знать и использовать** исторический контекст данных («историко-действенное сознание») в рамках герменевтического круга, чтобы понимать и интерпретировать факты, которые могут иметь различные значения или могут быть поняты по-разному в различных исторических традициях;

• Principle Common Lexicon (**принцип общего тезауруса**). Для синтаксической и семантической интерпретации данных необходим общий словарь, т. е. должна быть определенная степень лексического соглашения между человеком, который кодирует данные, и человеком, который хочет понять эти данные.

На основании этих принципов зарубежные ученые пытаются применить основные положения герменевтики к экономическим и управленческим процессам и утверждают, что информация:

• это данные, которые являются отражением реальной или предполагаемой стоимости текущих или перспективных решений **[13. P. 24]**;

• это данные, помещенные в контекст процесса, имеющие смысл и значение для получателя **[14. P. 32]**;

• это данные, обрабатываемые на основе системы транзакций (моделей) и используемые для принятия решений **[15. P. 62]**;

• это данные, которые могут быть проанализированы различными способами для удовлетворения уникальных информационных потребностей организации **[16. P. 4]**.

Важность такого понимания информации в экономических и управленческих вопросах становится очевидной, а существующих концепций для реализации этого недостаточно, поскольку наблюдается колоссальная разница в объемах обрабатываемой информации. В наш век высоких технологий пользователи буквально «тонут в данных». Это свидетельствует о том, что ряд процессов преобразования данных в информацию должен быть автоматизирован, и поэтому разработанную зарубежными коллегами систему принципов необходимо дополнить важным принципом «интеллектуализации данных» (the principle of «data intellectualization»), смысл которого заключается в использовании специализированных интеллектуальных информационных систем, способных реализовать «интеллектуальный тип понимания» данных с дальнейшим их преобразованием в информацию, пригодную для принятия решений и осуществления прогнозов для конкретной экономической системы, т. е. в некотором контексте.

С учетом вышесказанного определим *экономическую герменевтику* как опыт, искусство и науку об интерпретации данных, основанную на понимании, объяснении и рассуждении **[17]**.

Экономическая герменевтика – теория и практика толкования, интерпретации, искусство понимания текстов, гипертекстов, экономических понятий, явлений и процессов, которые мы понимаем как особым образом структурированные данные, с целью постижения их смысла сквозь призму культуры, эмоциональной и компетентностной сферы, личного и исторического опыта субъекта понимания и преобразования их в информацию в определенном контексте, используемую для принятия решений в бизнес-процессах. В качестве субъекта понимания может выступать как человек, так и человеко-машинная система интеллектуального типа.

Рассмотрим возможные направления применения экономической герменевтики:

1) интерпретация текстов, в частности трудов классиков экономической мысли, экономической теории и методологии;

2) интерпретация доступной (имеющейся) информации при выборе решения в экономической ситуации;

3) интерпретация экономических явлений и процессов.

1. Интерпретация текстов, в частности трудов классиков экономической мысли, экономической теории и методологии.

Герменевтические принципы интерпретации приобретают для экономики все большее методологическое значение и выходят за рамки толкования трудов классиков экономической науки. Проникновение в экономическую методологию идей философов науки Куна и Лакатоша заставило методологов задуматься об интерпретирующей природе экономической теории. Переосмысление Рикером идей Дильтея, который

рассматривал герменевтику как методологию гуманитарных наук, дало толчок плодотворному взаимодействию герменевтики и современной экономики. Так, в сборнике эссе «Экономика и герменевтика», вышедшем под редакцией Д. Лавуа (1991), обозначены возможности применения герменевтики в экономике как в методологическом, так и в теоретическом направлении.

Один из ведущих представителей философской герменевтики Поль Рикер рассматривал любое социальное действие как квазитекст, нуждающийся в интерпретации при помощи процедур, аналогичных процедурам, применяемым к интерпретации текста [1]. Таким образом, в экономической методологии возможно использовать двойную герменевтику: интерпретировать фундаментальные экономические труды, которые в свою очередь интерпретируют экономическое поведение. Истолковывая научные работы, методологи используют различные подходы: рационализм, эмпиризм, структурализм и пр. В свою очередь, экономисты применяют различные концепции для интерпретации экономического поведения: среди прочих неоклассическая, кейнсианская, марксистская экономические теории.

Разнообразие направлений и школ экономической мысли неизбежно порождает множество способов концептуализации экономической реальности. Как результат, в рамках одной предметной области существует несколько различных, а иногда и противоречащих друг другу трактовок экономических категорий, выражаемых одинаковыми терминами, но используемых разными научными школами (например, «капитал» в теориях А. Смита и К. Маркса). Это приводит к образованию обособленных аналитических систем. Признание интерпретирующей природы экономического анализа, использование принципов герменевтики позволит защититься от такой фрагментации и, вероятно, поможет выработать общий для различных школ и подходов язык. Это доказывает обоснованность и применимость сформулированных выше принципов перекрытия, историзма и «герменевтического круга».

2. Интерпретация доступной информации при выборе решения в экономической ситуации.

Экономика – это выбор наилучшего или оптимального условия в определенном контексте. Выбор оптимального решения для достижения любой цели во многом зависит от получаемой из данных информации, которой располагает лицо, принимающее решение. Осознание проблем значимости информации предопределило появление информационно-теоретического направления в экономике, что привело, например, к разработке теории рациональных ожиданий (Дж. Мут, Р. Лукас, Т. Сарджент, Б. Барро и др.) и исследованию феномена информационной асимметрии (Р. Арнотт, Д. Акерлоф, М. Спенс, Дж. Стиглиц и др.). Общая цель этих исследований – обработка данных и превращение их в информацию, как важнейший фактор современного производства, на основе принципов «общего тезауруса», «жизненного опыта» и «перекрытия». Изучение рынка, инвестирование, контроль деятельности конкурентов и собственных организационных структур предприятия требуют все более совершенных методов анализа данных и превращения их в информацию. При этом экономические субъекты, располагающие разным уровнем знаний и представлений, могут интерпретировать один и тот же набор исходных данных с ощутимо различными результатами, что приводит к получению неидентичных решений в экономической ситуации. Несовпадающее восприятие информации экономическими агентами вводит дополнительную проблему выбора предпочтительного варианта достижения поставленных целей, которую можно решить на основе принципа «интеллектуализации данных», однако последнее слово остается все же за лицом, принимающим решение.

3. Интерпретация экономических явлений и процессов.

Из опыта герменевтики также можно извлечь и представить в обобщенном виде методологию интерпретации экономических явлений. Экономическое явление

представляет собой результат действий экономических агентов и, следовательно, может быть интерпретировано как структурированные данные или, по выражению Стиглица, «квазитекст». Целью такой интерпретации является: установление причины рассматриваемого явления; истолкование причинно-следственных связей между явлениями; объяснение ожидаемого экономического эффекта и пр. Таким образом, для интерпретации необходимо проанализировать триаду «причины явления – явление как таковое – последствия явления», причем выделяемые нами отдельные части имеют смысл только как составляющие целого – рассматриваемого явления.

Особенностью герменевтического методологического стандарта социально-гуманитарных наук является его диалоговый характер. При этом диалог – это не обязательно разговор двух или нескольких лиц, но и способ соотнесения между интерпретатором и текстом или квазитекстом. Такой диалог может быть реализован на современном этапе в человеко-машинном варианте, посредством информационной системы, функционирование которой основано на выполнении условий:

- многозначности экономического явления или процесса;
- сути объяснения как специфической научно-исследовательской процедуры, которая состоит в поиске связи явления с его скрытой от непосредственного наблюдения причиной. При объяснении необходимо использовать инструменты интеллектуального анализа, выявляя причинные зависимости и учитывая скрытые факторы, влияющие на исследуемое явление;
- практического понимания и интерпретации экономических явлений на основе объяснения и прогнозирования, которые придают согласованность и законченность интерпретации и позволяют оценить ожидаемый экономический эффект в рамках рассматриваемого явления.

Таким образом, нами рассмотрено понятие экономической герменевтики и приведена его формулировка с позиций развития современной экономической, философской и информационной науки.

Источники

1. Рикер П. Герменевтика и метод социальных наук // Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.

2. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лёхина, Ф. Н. Петрова. 4-е изд. М., 1954.

3. Словарь иностранных слов. 7-е изд. М. : Русский язык, 1980.

4. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

5. Большой толковый словарь иностранных слов / под ред. М. А. Надель-Червинской, П. П. Червинского. Ростов н/Д, 1997. Т. 1.

6. Закирова А. Ф. Введение в педагогическую герменевтику. Екатеринбург : Сократ, 2000.

7. Назаров Д. М. Информационная герменевтика как методология понимания научной терминологии // Изв. Иркут. гос. экон. акад. 2011. № 5.

8. Орехов А. М. Методы экономических исследований : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2009.

9. Рязанов В. Т. Понимание и истолкование в экономической науке: роль языка // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2008. № 4.

10. Пушкарева И. А. Экономическая терминосистема как метаязык описания мир-системы (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.

11. Мишуров С. С. Роль Смысла и Традиции в понимании экономических институтов // Антикризисный потенциал. Традиции и проблемы имяславия : сб. ст. науч.-практ. конф. Иваново ; Шуя, 2009.

12. Stigler G. J. Textual Exegesis as a Scientific Problem // Economica, New Series. 1965. Vol. 32, no. 128.

13. Givon T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. L. : Lawrence Erlbaun Ass. Publ., 1989.

14. Davis G. B., Olsen M. H. Management Information Systems: Conceptual foundations, Structure and Development. 2nd ed. N. Y. : McGraw-Hill, 1985.

15. Senn J. A. Information Systems in Management. 4th ed. Belmount, California : Wadsworth Publ. Co., 1990.

16. Burch G. C., Grudnitski G. Information Systems: Theory and Practice. 5th ed. N. Y. : John Wiley & Sons, 1989.

17. Бегичева С. В., Назаров Д. М. Генезис: от классической до экономической герменевтики // Науковедение : интернет-журнал. 2013. № 4.

ХИТРОВА Елена Михайловна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры страхования и управления рисками

Байкальский государственный университет экономики и права
664003, РФ, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
Контактный телефон: (3952) 23-48-35
e-mail: kotpro95@mail.ru

Проблемы и перспективы развития страховых отношений в условиях повышения концентрации рынка

Ключевые слова: концентрация страхового рынка; причины и факторы концентрации; спрос на страховые услуги; тарификация страховых услуг; государственное регулирование процессов концентрации; интересы участников страхового рынка.

Рассматриваются современные тенденции развития страхового рынка, и в первую очередь его высокая концентрация, оказывающая как положительное, так и негативное влияние. Определены факторы, способствующие росту концентрации российского рынка; проведен численный анализ явления по основным показателям рынка; дано сравнение с рынками развитых стран по показателям концентрации. Установлено, что причины, приводящие к высокой концентрации, могут по-разному сказываться на развитии страхового сектора и его роли в экономике страны. Особое место отведено анализу влияния концентрации рынка на тарификацию страховых продуктов. Показано, что наряду с крупными страховщиками на рынке могут действовать небольшие компании, представляющие регионы и лучше знающие проблемы страхования на местах. Рассмотрены возможности государственного регулирования тарифной политики страховых организаций в условиях высокой концентрации рынка.

Страхование – один из стратегических секторов экономики любой страны, один из основных инструментов управления рисками. Это обусловлено тем, что оно обеспечивает непрерывность, бесперебойность и сбалансированность воспроизводственного процесса, оказывает влияние на макроэкономические процессы. Современные тенденции развития страхового рынка показывают его неуклонный рост. За 10 лет совокупная страховая премия выросла втрое, составив в 2012 г. 812,5 млрд р. (без ОМС). Несмотря на то, что временами рынок демонстрировал скачкообразную динамику, обусловленную влиянием различных внешних и внутренних факторов, все виды и отрасли страхования характеризуются увеличением объемов страховых показателей и количеством заключенных договоров.

Внутри страхового рынка также произошли существенные перемены, затронувшие его структуру и состав участников. Если в недалеком прошлом множество страховщиков (их количество доходило до 1,5 тыс.) делали небольшие по объему сборы страховых премий, то в последние годы, наоборот, небольшая часть страховых организаций собирает основную часть премий. Это свидетельствует о том, что значимость ведущих страховых компаний, входящих в первую десятку, постоянно возрастает, увеличивая тем самым концентрацию рынка. Особенно четко эта тенденция проявилась в последние три года. Если еще в 2009 г. «топовая» десятка страховщиков собирала около 43% премий, то всего лишь годом позже ее сборы составили 54,5% общего количества. Последующие годы подтвердили данную динамику (табл. 1).

Таким образом, можно констатировать, что страховой рынок России «взял курс» на монополизацию.

© Хитрова Е. М., 2014

Таблица 1

Динамика концентрации страхового рынка России по сбору страховых премий, %

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Топ-5	26,48	28,67	28,01	29,89	40,27	40,13	40,45
Топ-10	37,52	39,59	40,89	42,72	54,52	56,57	57,09
Топ-20	51,91	55,15	56,44	58,74	68,59	69,80	71,63
Топ-50	72,36	75,19	75,88	78,15	83,39	84,55	86,84
Топ-100	84,32	85,86	86,46	88,25	91,33	92,49	93,95

Составлено по: [1].

Рассмотрим подробнее «плюсы» и «минусы» таких тенденций для участников страховых отношений. В 2013-й год вошло 450 компаний, действительно работающих на страховом рынке (предоставивших отчетность за 2012 г.). Достаточно ли этого для такой страны, как Россия? Показатели страховых рынков ведущих зарубежных стран свидетельствуют, что в странах, территориально существенно меньших, чем Россия, количество страховых организаций сопоставимо с отечественными показателями. Например, в Германии [2] в 2010 г. работало 618 страховых компаний, во Франции – 603. При этом анализ динамики количества страховщиков в названных странах показывает ее сходство с Россией: число страховых организаций неизменно снижается, правда, не такими быстрыми темпами, как в нашей стране (рис. 1). Однако следует признать, что причины таких тенденций имеют совершенно разную природу.

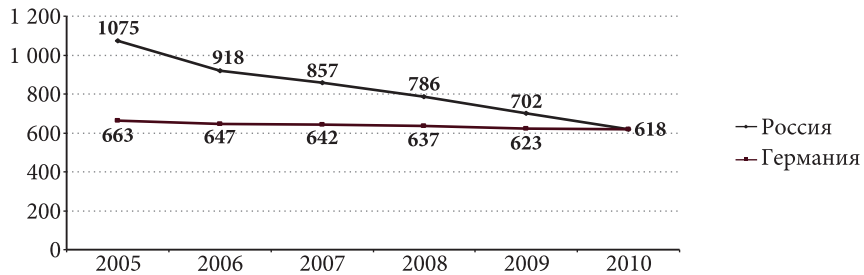


Рис. 1. Динамика количества страховых организаций в России и Германии[1]

Сходная тенденция наблюдается и по показателю концентрации рынка: аналогично российской ситуации концентрация рынков названных стран демонстрирует динамику к увеличению. Пять крупнейших страховщиков Франции контролируют около трети страхового рынка, десять крупнейших компаний – уже две трети рынка. В Германии крупнейшие 35% компаний в сфере страхования жизни занимают около 84% рынка, причем на первую «пятерку» приходится около 33%. Доля «пятерки» крупнейших страховщиков на случай болезни составляет более 50% рынка, от убытков и несчастных случаев – 21% рынка [5]. Расчетные показатели плотности страховщиков, исключающие влияние такого фактора, как размер территории, также недалеки друг от друга: в среднем одна страховая компания обслуживает в России около 180 тыс. чел.; в Германии – 125 тыс.; во Франции – 130 тыс. чел. В целом мировой рынок страховых услуг из года в год демонстрирует силу транснациональных компаний, которые собирают большую часть премий.

Страховая компания по определению должна быть сильной, стабильной, финансово устойчивой организацией, способной погасить скачок убыточности, возникший в любое время, на любой территории, где она работает, и в любом виде страхования.

[1] Составлено по: [3; 4].

Государству нужны сильные страховщики, способные отвечать по своим обязательствам. Табл. 2 свидетельствует, что доля выплат всех крупных игроков рынка превышает аналогичную долю собранных взносов, т. е. практически все ведущие компании «держат удар» и выполняют свои обязательства. Коэффициент выплат по десяти лидирующим страховщикам за 2012 г. снизился на 1%, т. е. с 51 до 50%; в целом коэффициент по рынку за указанный год составил 46%.

Таблица 2

Динамика концентрации страхового рынка России по выплатам, %

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Топ-5	29,54	30,36	31,16	31,89	42,77	44,01	41,01
Топ-10	42,07	42,37	44,10	47,69	58,69	62,89	64,37
Топ-20	58,06	57,62	60,84	64,94	75,61	78,69	80,68
Топ-50	78,47	79,81	81,49	84,52	89,12	89,73	91,28
Топ-100	88,92	89,66	90,51	92,01	94,86	95,02	96,29

Составлено по: [1].

Таким образом, факт высокой концентрации не является фатальным для страхового рынка России. Однако ее причины могут быть совершенно иными и по-разному сказываться на развитии страхового сектора и его роли в экономике страны.

В России причины высокой концентрации рынка страховых услуг обусловлены несколькими факторами. Прежде всего, назовем усиление требований к минимальному размеру уставного капитала. Для многих страховых компаний, представляющих в основном регионы страны, четырехкратное увеличение объема уставного капитала оказалось непосильной задачей и вынудило их покинуть рынок. Только за 2012 г. прекратили существование более 100 компаний, уход которых стимулировал дальнейшую консолидацию рынка вокруг страховщиков из топ-20.

Еще один фактор, оказывающий влияние на степень концентрации страхового рынка, – состояние экономики в целом, которое, в свою очередь, обусловливает процессы в страховом секторе. Анализ структуры страховых показателей за последние годы позволил выявить «точки роста» страховых услуг, среди которых основное место занимают виды страхования, напрямую связанные с банковским каналом продаж. Иначе говоря, состояние потребительского кредитования напрямую влияет на объемы собираемых премий. Взаимодействие банков и страховщиков происходит при условии аккредитации последних. Нетрудно догадаться, что в число аккредитуемых компаний попадают, как правило, крупные игроки, а мелким и средним компаниям, представленным в основном «регионалами», путь на этот рынок закрыт.

Существенно на ситуацию влияет введение новых обязательных видов страхования, согласно которым нормы законодательства трактуются в пользу лидеров. Так, реализация страхования ОПО требует от компаний наличия опыта по аналогичному виду в добровольной форме, т. е. если компания до принятия закона ни разу не урегулировала подобные убытки, то к ведению обязательных видов она не будет допущена. Однако убытки по страхованию ОПО имеют место весьма редко, и многие страховщики не обладают соответствующим опытом.

На уровень концентрации рынка влияет и состояние спроса, которое, в свою очередь, обусловлено платежеспособностью потребителей страховых услуг. Страхователь, покупающий страховой продукт, оперирует прежде всего таким критерием, как цена страхования. Крупные компании, имеющие меньшую убыточность за счет большего размера страхового портфеля, способны предложить более выгодные тарифы. Это особенно наглядно проявляется в регионах, где количество филиалов крупных инрегиональных страховщиков существенно превышает число небольших региональных

компаний. Так, в Иркутской области за семь лет количество местных страховщиков только уменьшалось, в то время как инрегиональные компании продолжали открывать свои филиалы, и только общие процессы на страховом рынке в последние несколько лет привели к сокращению их количества (рис. 2).

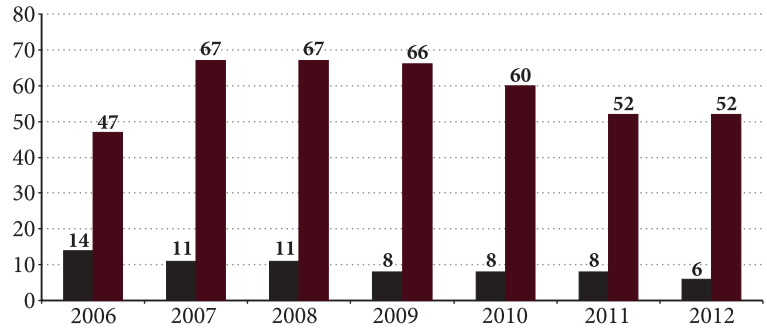


Рис. 2. Соотношение количества региональных и инрегиональных компаний в Иркутской области[1]

В регионах намного выше российских показателей и уровень концентрации рынка, который обеспечивается инрегиональными страховщиками (рис. 3).

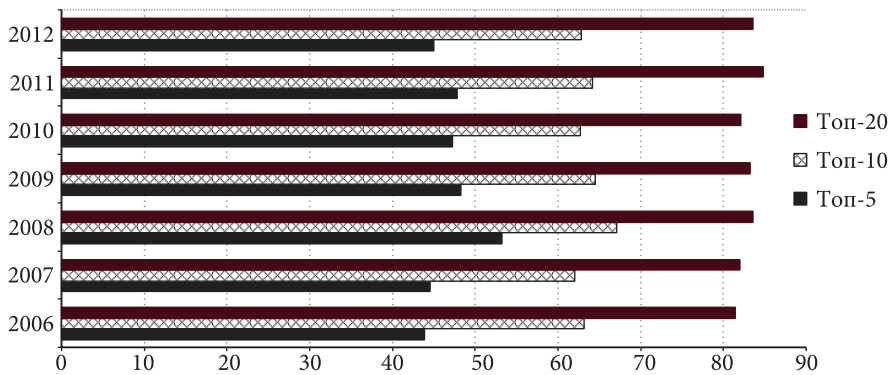


Рис. 3. Уровень концентрации страхового рынка Иркутской области по объему премий[2]

В Иркутской области в десятку лидеров, собирающих почти 63% страховых взносов, входит только одна региональная компания, специализирующаяся на сельхозстраховании – ОАО СК «Поддержка».

Чтобы обеспечить собственную репутацию, надежность операций и высокое качество обслуживания, страховые компании вынуждены тратить значительные средства на автоматизацию бизнес-процессов и вложения в инфраструктуру продаж. Чем меньше страховщик, тем большую долю собранных премий приходится пускать на соответствующие расходы, что сказывается на прибыли компании. Поэтому крупные компании, имеющие бóльшие возможности выхода на потребителя, оказываются в выигрыше.

Широкое представительство центральных компаний на региональных рынках породило проблемы в урегулировании убытков. Многочисленные высказывания на различных форумах клиентов крупных страховых компаний затрагивают вопросы отказа

[1] Составлено по: [6].

[2] Составлено по: [1].

в выплате и длительности урегулирования убытков. Филиалы крупных компаний, как правило, ограничены в объемах выплат, определяемых самостоятельно. Необходимость согласовывать величину убытка с головным офисом существенно затягивает процесс урегулирования, вынуждая страхователя обращаться в страховую компанию несколько раз, тратя время и нервы. В то же время местные страховщики, признав факт страхового случая, обычно не затягивают с выплатами и урегулируют ущерб значительно быстрее. Региональные компании лучше адаптированы к региональному рынку, они более гибкие, оперативные, обеспечивают индивидуальный подход к клиенту. К тому же, обладая небольшим собственным капиталом, но принимая на себя большое число некрупных рисков, они характеризуются как вполне устойчивые в финансовом отношении. Региональные филиалы крупных страховщиков работают по принципу агентств, продавая страховые услуги центральной компании, и не имеют порой возможности обеспечивать потребности того или иного региона.

Проанализировав ситуацию на страховом рынке, мы пришли к заключению, что в настоящее время ее можно охарактеризовать как классическую олигополию, когда рынок концентрируется вокруг нескольких игроков, определяющих его политику. По мнению И. Котлобовского, «олигополия гораздо хуже монополии тем, что она есть не что иное, как имитация рыночных отношений, где все „благие намерения“ о защите интересов/прав потребителей не могут быть реализованы на практике. Скорее всего, в условиях олигополии дело сведется в основном к имитации защиты прав потребителей. А это значит, что доверие потребителей к страхованию будет неуклонно падать» [7. С. 10]. Кроме того, неконтролируемая олигополия опасна тем, что может повлиять на ключевой критерий выбора страхования – его цену. Крупные страховщики, договорившись, могут достаточно длительное время за счет собственной финансовой «подушки безопасности» занижать тарифы, выталкивая с рынка более мелких конкурентов. А добившись своей цели, они поднимают цену на нужный уровень, делая потенциальных страхователей зависимыми от их предложения.

В этой связи должна повышаться роль государственного регулирования с целью защиты страхователей и контроля над ценообразованием в страховом бизнесе. Однако с учетом формальных признаков страховой рынок, наоборот, характеризуется как низкий по концентрации. Так, согласно приказу ФАС показателем, отражающим уровень концентрации отрасли, является индекс Херфиндаля–Хиршмана (HHI). В соответствии с различными значениями этого индекса выделяются следующие уровни концентрации рынка: высокий – 2000 < HHI < 10000; умеренный – 1000 < HHI < 2000; низкий – HHI < 1000 [5]. Проведенные расчеты показали, что по топ-100 компаний, собирающих 96% премий, HHI составил в 2012 г. 452,38 ед., поэтому формально со стороны ФАС никаких претензий к «топовым» игрокам в целом быть не может. Тем не менее эксперты и специалисты, занимающиеся проблемами развития страхового рынка, отмечают необходимость косвенного регулирования этих процессов в целях укрепления института страхования.

Необходимо отметить, что до 2003 г. орган страхового надзора был наделен правом контроля за обоснованностью страховых тарифов, применяемых страховыми организациями. Однако в настоящее время такая функция с него снята. Всё, что обязан страховщик, – это представить в орган страхового надзора расчеты тарифной ставки с указанием источника исходных данных. Согласно Гражданскому кодексу РФ страховщик не обязан рассчитывать тарифы в соответствии с рекомендациями, утвержденными Росстрахнадзором, т. е. при определении размера тарифа могут применяться собственные методы расчета. Это допущение «развязывает руки» недобросовестным игрокам, так как любой актуарий в настоящий момент легко обоснует отклонение цены страхования от складывающейся на рынке как в меньшую, так и большую сторону. Уже сейчас по массовым видам страхования (например, по страхованию автотранспорта – КАСКО)

при аналогичном наборе страховых рисков у разных страховщиков можно видеть расхождение тарифов более чем в три раза.

В мировой практике известно несколько приемов надзора над тарифной политикой страховой организацией: начиная от полного контроля за условиями страхования и тарифами и заканчивая полной свободой действий для страховой организации. Обе эти практики существовали в процессе эволюции – российского страхования: одна – при централизованной экономике, другая – в первые годы перехода к рынку. Совершенно очевидно, что ни один пограничный прием не может быть применен в современной ситуации. Сложившиеся рыночные отношения установили правила поведения игроков, однако тенденции укрупнения отдельных страховых организаций и сосредоточения большей доли страховых премий в руках у них требуют обеспечить контроль над тарифной политикой страховщиков.

Одно из направлений регулирования, связанных с тарификацией страховой услуги, – деятельность актуария. Являясь в очень большой степени саморегулируемой, актуарная деятельность основывается на международных и национальных кодексах профессиональной этики и стандартах актуарной практики. Как правило, зарубежная страховая компания либо имеет в своем штате актуария, либо обращается к крупным специализированным организациям, деятельность которых должна быть лицензирована или сертифицирована. Дорожа своей профессиональной репутацией, актуарий обоснованно проводит оценку обязательств страховой организации и определяет адекватность тарифов, выполняя, по сути, общественную функцию – защиту интересов потребителей.

Немаловажный момент – формирование статистических баз данных, являющихся основой качественных расчетов. По сути страхование основано на замкнутой раскладке ущерба и представляет собой совокупную ответственность за последствия реализации риска у отдельных представителей группы людей, подверженных одному и тому же риску. При этом какие именно члены рисковой группы понесут убытки, каков будет их размер и в какой именно период они произойдут, предсказать практически невозможно. Для осуществления качественных актуарных расчетов необходима полноценная эмпирическая основа.

Объединение статистической информации отдельных страховых компаний и создание баз данных на уровне страховой отрасли началось в Западной Европе еще во второй половине XIX века. Например, таблицы смертности, сформированные на основе данных 17 страховых компаний, были построены в Великобритании еще в 1843 г. Первая организация, специализирующаяся на построении таблиц смертности на основании собранной страховой статистики (Continuous Mortality Investigation Bureau – Бюро постоянного анализа смертности), начала работать в 1920-е годы. Вслед за страхованием жизни идея создания общих баз данных всех страховых компаний была реализована в различных видах страхования – иного, чем страхование жизни. Статистика страхового рынка представляет собой организованный набор данных об условиях страхования, застрахованных и реализованных рисках, собранных со всех компаний страхового сектора, объединенных, обработанных и представленных на национальном уровне. Важность сбора статистики страхового рынка определяется взаимными интересами страхователей и страховщиков. Если в прогнозировании риска страховая компания будет основываться только на своей информации, это приведет к значительным различиям в условиях страхования на страховом рынке. Асимметрия информации, вытекающие из нее антиселекция и проблема морального риска негативно скажутся на положении страхователя как потребителя страховых услуг. В то же время подобная ситуация может угрожать платежеспособности страховщика в долгосрочной перспективе или его конкурентоспособности на рынке в зависимости от того, в какую сторону будут отклоняться тарифы конкретной страховой компании от средних по рынку. В современном понимании процесс создания устойчивого страхового рынка немыслим без формирования

единой национальной системы страховой статистики. Естественно, преимущество использования единой базы данных возможно только в том случае, если она основана на надежной, точной, своевременной, релевантной и сравнимой информации [8].

Еще один способ регулирования – налоговое законодательство. Так, предоставление налоговых льгот является наиболее обсуждаемой темой в развитии страхования жизни. Однако печальный опыт «зарплатных» схем, от которых рынок избавился не так давно, заставляет специалистов подходить к этим вопросам очень осторожно.

Одним из аспектов регулирования страховых компаний со стороны государства может стать ведение мониторинга доходов страховщиков. Резкое наращивание полученных взносов должно стать предметом пристального внимания контрольных органов с целью выявления причин такого роста. Как показывает практика, порой компании, резко наращивающие страховой портфель и занимающие лидирующие места в рейтингах, через некоторое время становятся неплатежеспособными. Это подрывает доверие к институту страхования и не может способствовать повышению интереса к страхованию со стороны потребителей.

Формирование структур в виде общественных организаций и профессиональных объединений, деятельность которых направлена на тот или иной сегмент страхового рынка, также может положительно сказаться на его развитии в целом. Опыт таких структур, как Гильдия актуариев, Российский союз автостраховщиков и др., является тому подтверждением. Поэтому важную роль в развитии российского страхового рынка должны сыграть саморегулируемые организации, к которым должны перейти функции определения рекомендованного среднего уровня тарифов по различным видам страхования, разработке типовых правил по новым страховым продуктам и поддержанию высоких этических норм ведения бизнеса.

Таким образом, высокая концентрация страхового рынка имеет свои «плюсы» и «минусы». Высокая капитализация ведущих российских страховых компаний, несомненно, увеличивает емкость рынка, однако не всегда является гарантией платежеспособности и стопроцентного выполнения обязательств. Многочисленные жалобы клиентов, особенно в регионах, служат тому подтверждением. Государство заинтересовано в сильных игроках рынка, однако если эти игроки будут преследовать только свои цели, без учета интересов и возможностей потребителей их услуг, то возможность развития такого рынка будет весьма сомнительной. Поэтому процесс усиления концентрации нельзя выпускать из-под контроля государства, политика которого должна способствовать тому, чтобы интересы всех участников страховых отношений были учтены.

Источники

1. Страхование сегодня. Режим доступа: http://www.insur-info.ru.

2. Об утверждении порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке : приказ ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220.

3. Страхування: підручник / за ред. В. Д. Базилевича. К. : Знання-Прес, 2008. Разд. 32. Страхование в Германии. Режим доступа: http://uchebnikionline.ru/strahovoe-delo/strahuvannya.

4. Сайт Федеральной службы по финансовым рынкам России. Режим доступа: www.fcsm.ru.

5. Ширинян Л. Конкуренция на рынке страховых услуг в Германии. Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum.

6. Сибирское страхование // Сайт представительства ВВС в СФО. Режим доступа: http://www.sib-insur.ru.

7. К вопросу о стратегии развития отечественного страхования / В. Б. Котлобовский, А. Ю. Лейков, С. И. Рыбаков, К. И. Третьяков // Страховое дело. 2007. № 6.

8. Актуарий. Режим доступа: http://www.iaac.ru/eng/magazine/detail.php.

КАПУСТИНА Лариса Михайловна

Доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга и международного менеджмента

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 257-70-61
e-mail: lakapustina@bk.ru

ПОРТНОВ Николай Андреевич

Аспирант кафедры маркетинга и международного менеджмента

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (905) 800-55-06
e-mail: portnov.nikolay@gmail.com

Методические подходы к оценке инвестиционной привлекательности страны для иностранных компаний

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность; инвестиционный климат; иностранные инвестиции; транснациональная корпорация; глобализация; инвестиционные риски; правовая среда.

Рассмотрены проблемы оценки инвестиционной привлекательности страны. Представлен обзор методических подходов авторитетных международных организаций к оценке параметров инвестиционной привлекательности стран глобальной конкурентоспособности. Предложенная модифицированная методика оценки инвестиционной привлекательности страны апробирована на примере государств БРИКС.

Последние десятилетия характеризуются увеличением масштабов международного перемещения капитала, созданием интернациональных производственных комплексов. Прямые зарубежные инвестиции осуществляются с целью приближения филиалов транснациональных корпораций (ТНК) к источникам ресурсов либо к потребителям. При этом ТНК выбирают страны с высокой потенциальной емкостью рынка и доходностью вложения капитала с минимальными рисками. Большинство государств мира проводят либеральную политику по отношению к иностранным инвесторам, извлекая преимущества от размещения подразделений ТНК по территории: создание новых рабочих мест, трансферт современных технологий и моделей эффективного менеджмента, покрытие дефицита инвестиционных ресурсов. Поэтому в условиях глобализации мировой экономики страны конкурируют за привлечение иностранных инвесторов, создавая благоприятный инвестиционный климат, предлагая налоговые льготы или подобного рода стимулы представителям международных компаний. Рейтинги инвестиционной привлекательности стран служат ориентиром для ТНК при выборе страны прямого инвестирования.

В данной статье предпринята попытка провести анализ методических основ определения благоприятного инвестиционного климата страны для ТНК относительно других государств мира, предложен авторский подход к оценке инвестиционной привлекательности стран.

© Капустина Л. М., Портнов Н. А., 2014

Инвестиционная привлекательность, в основном, рассматривается как обобщающая характеристика преимуществ и недостатков прямых зарубежных инвестиций с позиций инвестора [1]. Оценка инвестиционной привлекательности применяется относительно страны, отрасли, региона, предприятия, отдельного проекта. Из данного определения следует, что понятие инвестиционной привлекательности является субъективным для инвестора. Привлекательность страны во многом зависит от степени благоприятствования инвестиционного климата, т. е. от совокупности политических, экономических, социальных, культурных, организационно-правовых и географических факторов, побуждающих или отталкивающих инвесторов вкладывать свои средства в ту или иную хозяйственную систему (экономику страны, региона, предприятия) [2].

В настоящее время реализуются несколько международных проектов, позволяющих оценить тот или иной аспект инвестиционного климата страны. Вместе с тем существует потребность в комплексной оценке рейтинга инвестиционной привлекательности стран, которая:

1) позволит сформировать действия по улучшению условий для деятельности иностранных инвесторов;

2) выступает инструментом научных исследований, посвященных сравнительному анализу инвестиционной привлекательности стран.

Рейтинги, отражающие инвестиционный климат и привлекательность стран для инвесторов, представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинги, отражающие инвестиционный климат и привлекательность стран для инвесторов*

Рейтинг	Организация – составитель рейтинга	Оцениваемый параметр	Источники информации
Ведение бизнеса	Всемирный банк	Правовая среда ведения бизнеса	Статистическая и правовая информация, опросы экспертов
Индекс глобальной конкурентоспособности	Всемирный экономический форум	Социальные и экономические параметры стран	Статистическая информация и опросы руководителей компаний
Индекс недееспособности государств	Фонд за мир	Уровень риска для людей и компаний, присутствующих в стране	Внутренняя система сбора и анализа информации

* Составлено по интернет-сайтам соответствующих организаций: http://www.doingbusiness.org; http://www.weforum.org; http://ffp.statesindex.org.

В ежегодно публикуемом Всемирным банком докладе «Ведение бизнеса», в котором бывает представлен рейтинг стран мира по созданию ими благоприятных условий для ведения бизнеса, аналитиками оцениваются и отслеживаются изменения нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность прежде всего малых и средних компаний на протяжении их жизненного цикла от создания до ликвидации. Как известно, для ведения хозяйственной деятельности требуются специальные институты и правила, которые, будучи прозрачными, экономическими субъектами могут использоваться весьма эффективно. В подготовке доклада участвуют более 6 700 экспертов из разных стран мира – консультанты по вопросам предпринимательской деятельности, юристы, экономисты, государственные служащие, а также ведущие ученые, оказывающие методическую и экспертную помощь.

Рейтинг составляют на основании 10 индикаторов регулирования предпринимательской деятельности, учитывающих время и стоимость выполнения предпринимателем требований государства по регистрации нового предприятия, его функционированию,

ведению торговых операций, обеспечению исполнения контрактов, налогообложению и закрытию. Каждый индикатор имеет равный удельный вес. Не учитываются такие переменные, как макроэкономическая политика, качество инфраструктуры, квалификация рабочей силы, колебания валютных курсов, мнения инвесторов, безопасность и уровень коррупции. Таким образом, условия организации и ведения бизнеса не включают в себя политические аспекты, а рассматриваются исключительно на уровне законодательных положений и нормативов. В итоговом рейтинге все страны проранжированы по уровню благоприятствования ведению бизнеса с 1-го до 185-го места: чем выше позиция страны, тем более ее правовая среда способствует ведению бизнеса [3]. Индикаторы рейтинга представлены в табл. 2.

Таблица 2

Индикаторы рейтинга «Ведение бизнеса»

Индикатор	Расчет индикатора
Создание предприятий	Количество процедур
	Стоимость процедур
	Затрачиваемое время
	Размер уставного капитала
Получение разрешений на строительство	Количество процедур
	Срок, дн.
	Стоимость
Подключение к системе электроснабжения	Количество процедур
	Срок, дн.
	Стоимость
Регистрация собственности	Количество процедур
	Срок, дн.
	Стоимость
Получение кредитов	Индекс юридических прав
	Индекс кредитной информации
	Количество человек, находящихся на учете в государственном реестре, % взрослого населения
	Количество человек, находящихся на учете в частных бюро, % взрослого населения
Защита инвесторов	Индекс открытости
	Индекс ответственности директора
	Индекс возможности подачи иска акционерами
	Индекс защиты интересов инвесторов
Налогообложение	Количество налоговых выплат
	Время
	Налог на прибыть, % прибыли
	Налог и выплаты на зарплату, % прибыли
	Другие налоги, % прибыли
	Общая налоговая ставка, % прибыли
Международная торговля	Количество документов для экспорта
	Время на экспорт, дн.
	Стоимость экспорта
	Количество документов для импорта
	Время на импорт, дн.
	Стоимость экспорта

Окончание табл. 2

Индикатор	Расчет индикатора
Обеспечение исполнения контрактов	Срок, дн.
	Размер судебных издержек
	Количество процедур
Разрешение неплатежеспособности (процедура банкротства)	Время, лет
	Стоимость
	Коэффициент взыскания

Составлено по: http://www.doingbusiness.org/methodology.

Экспертами Всемирного банка исследованы административные процедуры, необходимые для открытия предприятия в соответствующей стране. Это, безусловно, является одним из основополагающих факторов, характеризующих степень сложности/простоты ведения бизнеса в стране. Однако данное исследование не учитывает экономический потенциал страны (объем рынка сбыта, стоимость рабочей силы и т. д.), а также риски, с которыми может столкнуться потенциальный инвестор.

Всемирный экономический форум определяет национальную конкурентоспособность как «способность страны и ее институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста, которые были бы устойчивы в среднесрочной перспективе» [4]. Индекс глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index) ежегодно определяется Всемирным экономическим форумом совместно с сетью партнерских организаций (ведущих исследовательских институтов и организаций, существующих в разных странах мира) по методике, основанной на комбинации общедоступных статистических данных и результатов глобального опроса руководителей компаний. Индекс глобальной конкурентоспособности составлен из 113 переменных, две трети которых представляют собой результаты глобального опроса руководителей компаний с целью охвата широкого круга факторов, влияющих на бизнес-климат в исследуемых странах. На одну треть индекс состоит из общедоступных статистических данных. Все переменные объединены в 12 групп, определяющих национальную конкурентоспособность: качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование, высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, уровень технологического развития, размер внутреннего рынка, конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал.

Еще один проект, характеризующий такую составляющую инвестиционного климата, как индекс недееспособности государств (Failed States Index), разрабатывается организацией «Фонд за мир» (The Fund for Peace). При ежегодном составлении индекса недееспособности государств эксперты проводят анализ с помощью специального системного инструмента оценки конфликтов (Conflict Assessment System Tool). Анализ проводится на основании 12 критериев – «индикаторов уязвимости» государства, которые объединены в три группы: социальные, экономические и политические. Социальные показатели включают в себя: уровень демографического давления, уровень миграции, наличие недовольных и мстительно настроенных групп, устойчивую и перманентную эмиграцию из страны. К экономическим показателям отнесены: неравномерность экономического развития, уровень экономической нестабильности; к политическим показателям – уровень криминализации государственных структур, наличие и качество общественных услуг, уровень нарушений прав человека и главенство закона, уровень влияния аппарата государственной безопасности в качестве «государства в государстве», уровень влияния групповых и/или клановых элит, степень вмешательства других государств или внешних политических субъектов [5].

Кроме того, широко известные мировые рейтинговые агентства Moody's, S&P, Fitch оценивают привлекательность инвестирования в ценные бумаги компаний и государств. Однако особенностью данных рейтингов является определение надежности инвестиций в какой-то строго определенный актив (такой, как ценная бумага компании), или государственные облигации. Подобные рейтинги не могут служить инструментом оценки инвестиционного климата страны вследствие того, что имеют главной целью определение степени вероятности выплаты процентов и основной суммы долга.

Из представленной ниже информации видно, насколько неоднозначно оценивается инвестиционная привлекательность стран (например, БРИКС) в рейтингах разных организаций (табл. 3). Это еще раз подтверждает то, что вышеуказанные рейтинги оценивают какой-то отдельный параметр ведения бизнеса в стране, в то время как глобальными компаниями востребован комплексный индикатор инвестиционной привлекательности стран.

Таблица 3

Рейтинги стран БРИКС за 2012 г.

Страна	Позиция рейтинга		
	Ведение бизнеса	Глобальный индекс конкурентоспособности	Индекс недееспособности государства*
Бразилия	130	56	123
Россия	112	64	83
Индия	132	60	78
Китай	91	29	76
ЮАР	39	53	115

* В рейтинге индекса недееспособности государств чем выше место, тем менее благоприятные существуют условия для проживания и ведения бизнеса в анализируемой стране.

Для комплексной оценки инвестиционной привлекательности страны необходимо исходить из позиции потенциального инвестора. При принятии решения инвестор, как правило, рассматривает потенциальную доходность инвестиций, объем необходимых вложений, а также риски. Предлагаемый авторами статьи подход к определению инвестиционной привлекательности страны включает в себя три основных блока:

1) экономическая привлекательность;

2) правовая привлекательность;

3) риски при инвестировании.

Блок «Экономическая привлекательность» представляет собой оценку возможностей получения выгоды инвестором при инвестировании в страну. Потенциальная выгода инвестора зависит от общего состояния экономики, размера внутреннего рынка, квалификации и стоимости рабочей силы, развитости инфраструктуры и других факторов. Источником информации для данного блока является доклад Всемирного экономического форума.

Блок «Правовая привлекательность» раскрывает, насколько просто осуществить вложения в экономику страны, а также какие при этом необходимо понести затраты денежных средств и времени.

Блок «Риски при инвестировании» введен потому, что оценка инвестиционной привлекательности страны будет неполной без определения потенциальных рисков инвесторов, поскольку ни одна успешно развивающаяся компания в наши дни не обходится без оценки и управления рисками. Риски инвестиционного проекта могут иметь разную природу: политическую, экономическую, культурную. Для комплексной оценки рисков каждой страны предлагается использовать индекс недееспособности государств «Фонда за мир», который характеризует способность или неспособность

органов государственной власти контролировать целостность территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию в стране.

Авторами сформирована система показателей для оценки инвестиционной привлекательности стран мира по трем блокам на основе проанализированных выше методических подходов международных организаций (табл. 4). Отобраны не дублирующие друг друга параметры.

Таблица 4

Система показателей инвестиционной привлекательности страны

Блок	Показатель
1. Экономическая привлекательность	Макроэкономическая стабильность (*me*)
	Эффективность рынка труда (*l*)
	Качество инфраструктуры (*inf*)
	Качество институтов (*inst*)
	Размер внутреннего рынка (*im*)
	Уровень технологического развития (*tech*)
	Инновационный потенциал (*innov*)
2. Правовая привлекательность	Простота ведения бизнеса в стране с правовой точки зрения
3. Риски при инвестировании	Уровень демографического давления (*dp*)
	Наличие недовольных и мстительно настроенных групп (*gr*)
	Уровень криминализации государственных структур (*cr*)
	Уровень нарушений прав человека (*hr*)
	Уровень влияния групповых элит (*el*)
	Уровень влияния аппарата государственной безопасности (*sec*)
	Степень вмешательства других государств (*int*)

Принимая во внимание различия источников информации по оценке показателей разных блоков, а также в целях четкого сравнения инвестиционной привлекательности страны с другими странами, авторы предлагают матричный подход, а именно: использовать координатную плоскость, где по оси *OX* отложен интегральный рейтинг по блоку «Экономическая привлекательность», а по оси *OY* – рейтинг страны по блоку «Правовая привлекательность». Размер круга характеризует уровень отсутствия рисков для инвестора в соответствующей стране. Для сопоставимости рейтинги стран по трем блокам определяются по одинаковому перечню государств.

Для оценки экономической привлекательности инвестирования в страну были использованы исходные данные доклада Всемирного экономического форума. Показатель по шкале *OX* рассчитывается по следующей формуле:

$$OX = me + l + inf + inst + im + tech + innov,$$

где *OX* – количество баллов для страны по шкале «Экономическая привлекательность».

Для оценки правовой привлекательности инвестирования в страну был использован показатель рейтинга «Ведение бизнеса». Показатель по шкале *OY* рассчитывается по формуле

$$OY = \frac{1}{r},$$

где *OY* – количество баллов для страны по шкале «Правовая привлекательность»; *r* – место страны по показателю рейтинга «Ведение бизнеса».

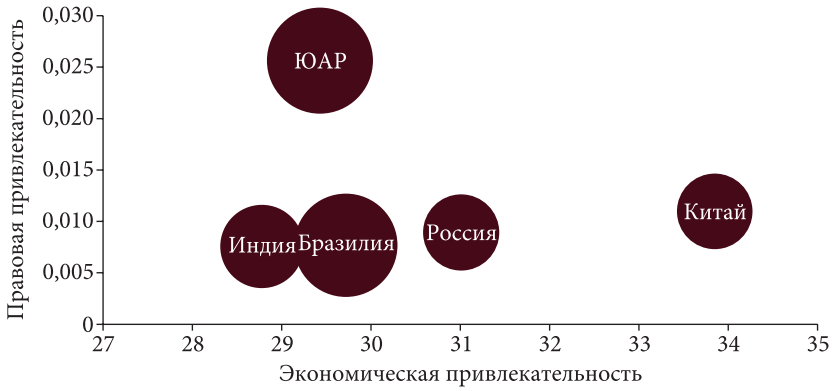
Для оценки уровня риска при инвестировании в страну были использованы исходные данные индекса недееспособности государств. Показатель, характеризующий

уровень риска при инвестировании в страну и указанный в матрице в виде размера круга, рассчитывается по формуле

$$\text{risk} = \frac{1}{dp + gr + cr + hr + el + sec + int},$$

где risk – показатель, характеризующий уровень отсутствия рисков при инвестировании в страну: чем выше показатель, тем ниже риски вложения капитала.

Предложенная методика апробирована авторами путем сравнительного анализа на примере стран БРИКС (см. рисунок).



Сравнительная инвестиционная привлекательность стран БРИКС в 2013 г.

Согласно проведенному сравнительному анализу Китай в настоящее время является более привлекательным для иностранных инвесторов с учетом возможности получения прибыли, однако не является достаточно благополучным с точки зрения ведения бизнеса и рисков. Согласно полученным результатам риски инвестирования являются наиболее низкими в Бразилии и ЮАР.

Несколько замечаний по набору причин столь существенного различия экономической привлекательности для инвестиций России и Китая согласно разработанному методологическому подходу. Китай опережает Россию по следующим показателям: макроэкономическая стабильность – на 0,36 балла; эффективность рынка труда – на 0,32 балла; качество институтов – на 0,96 балла; размер внутреннего рынка – на 1,07 балла; инновационный потенциал – на 0,76 балла. Россия превосходит Китай лишь по двум показателям: инфраструктура и уровень технологического развития.

При помощи изложенного методического подхода представляется возможным определять относительную инвестиционную привлекательность стран по трем группам параметров, а также выявлять причины различной привлекательности разных стран для инвесторов.

Источники

1. Киселева Н. В., Боровикова Т. В. Инвестиционная деятельность. М. : КноРус, 2005.

2. Максимов В. Б. Инвестиционный климат: методика оценки. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2002.

3. The World Bank Doing Business 2013: Smarter Regulations for Small and Medium-Size Enterprises. Washington, DC : The World Bank, 2013.

4. Schwab K. World Economic Forum: The Global Competitiveness Report. Geneva : World Economic Forum, 2013.

5. The Failed States Index Rankings. URL: http://ffp.statesindex.org/rankings.

АБДУГАНИЕВ Назир Насибжонович

Проректор по международному сотрудничеству

Институт Содружества Независимых Государств
125459, РФ, г. Москва, ул. Туристская, 2/5
Контактный телефон: (495) 948-20-75
e-mail: nazir1970@yandex.ru

ФЁДОРОВ Михаил Васильевич

Доктор экономических наук, доктор геолого-минералогических наук, профессор, ректор

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-17-00
e-mail: rector@usue.ru

Нефинансовая отчетность и подход к ее разработке как важнейшему элементу социальной политики российских компаний

Ключевые слова: нефинансовые (социальные) отчеты; корпоративная социальная ответственность; международные стандарты нефинансовой отчетности; GRI; GRI AA1000; социальные отчеты российских компаний.

Проанализирована специфика нефинансовой отчетности ряда крупных российских компаний. Интерес к проблеме обусловлен тем, что в развитых европейских государствах нефинансовая отчетность – не рядовой корпоративный, но публичный документ, в котором находят отражение итоги социальной деятельности компании. В России практика представления нефинансовой (социальной) отчетности только начинает утверждаться как норма, принцип социально ответственного бизнеса. Предпринята попытка обсудить вопрос, на который не у каждой ответственной российской компании есть однозначный ответ: насколько широко может быть раскрыта информация и каким должен быть набор показателей, ее характеризующих?

Первые социальные отчеты западных компаний появились в 70-х годах прошлого века. За истекшее время многое изменилось в подходах к составлению собственно отчетов; утвердилось понятие «нефинансовый (социальный) отчет»; появились международные стандарты системы нефинансовой отчетности. Поэтому социальный отчет сегодня можно описать как часть годового отчета практически каждой западной компании, где отражены итоги ее социальной деятельности за год. При этом корпоративный социальный отчет является публичным документом, цель которого – информировать стейкхолдеров (акционеров, работников, местное сообщество и пр.) о том, как реализуются социальные инициативы компании в области экономической устойчивости, экологии и социальной политики.

С распространением практики нефинансовой отчетности требования к бизнесу в сфере корпоративной социальной ответственности периодически даже ужесточались. Фактически в деловом сообществе следование международным стандартам социальной отчетности воспринимается как норма. Сегодня в мире существует около 30 международных стандартов нефинансовой отчетности, которые могут быть классифицированы в соответствии с их функциями и сферой применения (рис. 1).

© Абдуганиев Н.Н., Фёдоров М.В., 2014

Классификация международных стандартов корпоративной нефинансовой (социальной) отчетности			
	по уровню разработки	Руководящие принципы и кодексы	Руководящие принципы Amnesty International по соблюдению прав человека для компаний и ОЭСР для многонациональных корпораций, Глобальный договор ООН, Рекомендации ОЭСР, принципы МОТ и др.
		Системы управления и сертификации	Схема экологического менеджмента и аудита EMAS, экостандарты ИСО 9000 и 14001, стандарты для оценки социальных аспектов систем управления SA 8000 и др.
		Системы подготовки отчетности	Глобальная инициатива по предоставлению отчетности в области устойчивого развития GRI, процессный стандарт разработки отчетов AA1000S
	по необходимости принятия к использованию	Желательные кодексы	Коксовские принципы (Caux Principles), Глобальные принципы Салливана и Кейданренская хартия (Keidanren Charter)
		Общие стандарты	Принципы глобальной ответственности бизнеса точки отсчета (Principles for Global Corporate Responsobility-Benchmarks)

Рис. 1. Классификация международных стандартов корпоративной нефинансовой (социальной) отчетности

Однако наличие стандартов не решает всех проблем, с которыми сталкиваются компании при составлении нефинансового отчета. Прежде всего, любая компания должна решить проблему выбора общего подхода к составлению отчета, в основу которого должны быть положены разумные принципы раскрытия информации и содержательный набор показателей, характеризующих масштаб и качество осуществляемой компанией социальной деятельности.

Отчасти обозначенная выше проблема может быть решена, если использовать наиболее известный, широко рекомендуемый метод, суть которого определена накопленным опытом и изложена в универсальных международных рекомендациях. Примером таких рекомендаций является руководство «Глобальная инициатива по отчетности» (Global Reporting Initiative – GRI) – система стандартизации социальной отчетности на основе показателей экономической, экологической и социальной результативности. Типовой перечень документов GRI включает в себя: рекомендации по отчетности устойчивого развития; отраслевые приложения, разъясняющие документы по отдельным вопросам; технические протоколы.

В своем развитии система стандартизации GRI прошла ряд этапов (эволюция версий GRI представлена на рис. 2) и к настоящему времени представляет собой в определенном смысле образец руководства – рекомендации по применению определенных форм и методов для разработки документов нефинансовой отчетности.

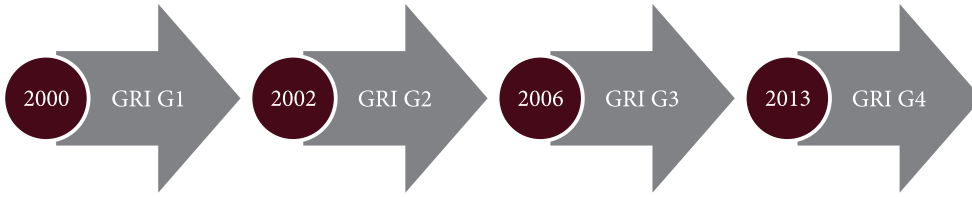


Рис. 2. Эволюция версий GRI (G1, G2, G3, G4) руководства в области устойчивого развития

Структура руководства GRI (рис. 3) определяет содержание внешней отчетности, из которой стейкхолдеры компании могут узнать:

а) какие действия предприняты компанией для улучшения экономических, экологических и социальных показателей ее деятельности;

б) каковы последствия заявленных действий;

в) каковы стратегические инициативы по улучшению данных показателей.

Чтобы деятельность социально ответственной компании была представлена наилучшим образом, в рекомендациях GRI предлагается использовать в нефинансовых отчетах группы и виды показателей, представленные ниже (табл. 1).

Следует заметить, что на сегодняшний день большинство компаний публикуют финансовые отчеты и отчеты устойчивого развития как самостоятельные документы. Однако разработчики стандарта GRI считают финансовую отчетность и отчетность устойчивого развития взаимно дополняющими и обогащающими друг друга и призывают объединить действия по подготовке отчетности с изучением ее содержания. При этом они исходят из предположения о наличии определенной зависимости качества финансовых показателей от достигнутого уровня экономических, экологических и социальных показателей.

В этой связи весьма показательны разработанные в 1999 г. Институтом социальной и этической отчетности (Лондон) стандарты GRI AccountAbility 1000, декларирующие принципы, связывающие вопросы социальной ответственности компаний с устойчивостью развития (табл. 2).

Рис. 3. Структура руководства GRI «Глобальная инициатива по отчетности»

Таблица 1

Перечень показателей, применяемых в системе социальной отчетности GRI

Показатели GRI	Определение	Параметры оценки
1. Экономические	Охватывают все аспекты экономической деятельности организации: а) традиционные оценки, используемые в бухгалтерском учете; б) оценки нематериальных активов, которые не всегда находят отражение в финансовых отчетах. Выходят за пределы традиционных финансовых показателей по своему назначению и области применения: экономические индикаторы в контексте отчетности устойчивого развития в большей степени отражают влияние корпорации на заинтересованные стороны, с которыми она вступает в прямые и косвенные экономические отношения	1. Успехи в достижении бизнеса. 2. Величина уплаченных налогов. 3. Ключевые тенденции в отрасли. 4. Инвестиции в экономическое развитие регионов присутствия. 5. Развитие малого и инновационного бизнеса. 6. Инвестиции в сообщества (общественная инфраструктура). 7. Социально ответственное инвестирование со стороны финансовых институтов (описывает влияние организации на экономические условия заинтересованных сторон и на экономические системы местного, национального и глобального уровней) и пр.
2. Социальные	Характеризуют влияние организации на социальные системы, в которых она функционирует	1. Качество трудовых отношений (оплата труда, уровень социальной поддержки работников и пр.). 2. Права человека. 3. Благотворительность и спонсорство и пр.
3. Экологические	Отражают воздействие организации на живые и неживые природные системы, включая экосистемы, землю, воздух и воду	1. Экологическая политика. 2. Природоохранные мероприятия. 3. Внедрение сертифицированных систем управления. 4. Поддержка со стороны компаний экологических инициатив общественных и профессиональных организаций и пр.

Таблица 2

Принципы GRI AccountAbility 1000

Принцип GRI AA1000	Рекомендация
Реализуемость	Включать информацию об успешности политики устойчивого развития организации, необходимую стейкхолдерам для согласования вопросов при принятии социально значимых решений и действий
Завершенность	Давать оценку степени идентификации и понимания организацией материальных аспектов устойчивого развития
Ответственность	Оценивать способности организации отвечать на запросы стейкхолдеров

Серия AccountAbility 1000 (AA1000) [1] – это фактический формат поддержки GRI и других международных стандартов, который, во-первых, определяет процедуры взаимодействия компании со стейкхолдерами, а во-вторых, дополняет традиционный социальный отчет информацией об уровне устойчивости компании и устанавливает принципы его верификации и оценки. Ключевым в этой серии является AA1000SES [2] – стандарт взаимодействия со стейкхолдерами компаний, который, помимо прочего, устанавливает содержание основных этапов процесса подготовки социальной отчетности

(планирование, организация процесса формирования отчетности, подготовка отчета и проведение аудита) (рис. 4).

Рис. 4. Этапы подготовки нефинансовой (социальной) отчетности в соответствии со стандартами AccountAbility 1000

Что касается российской практики подготовки и опубликования нефинансовой отчетности, то их история только начинается. Начало серьезного обсуждения в стране вопросов корпоративной ответственности и движения нефинансовой отчетности можно отнести к 2001–2002 гг., когда вышли первые экологические отчеты компаний «Газпром» и «Рязанская ГРЭС» и первый социальный отчет компании «БАТ Россия» [3].

С 2001 г. отношение отечественного бизнеса к социальной ответственности заметно изменилось. Однако вряд ли с полной уверенностью можно говорить, что информирование общества об экономических, экологических и социальных достижениях отечественных корпораций, масштабах участия в решении социальных проблем общества, их помощи некоммерческим организациям и др. стало повсеместным. Правда, следует отметить рост количества российских компаний, которые предоставляют добровольную социальную отчетность: в 2001–2002 гг. было зарегистрировано лишь три социальных отчета, в 2003 г. – 5, в 2004–2005 гг. – 26, а 2012 г. – уже 62. Масштабы распространения вышеназванной практики свидетельствуют, что собственники и топ-менеджмент отечественного бизнеса пусть медленно, но приходят к пониманию того, что нефинансовый отчет позволяет не только оценить вклад бизнеса в решение общественно значимых проблем, но и повысить степень взаимодоверия бизнеса и общества.

В 2004 г. Съездом Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) была принята «Социальная Хартия российского бизнеса» [4], в которой нашли отражение основополагающие социальные принципы ведения бизнеса:

- экономическая свобода и ответственность;
- партнерство в бизнесе (акционеры, собственники, инвесторы, работники, потребители, деловые партнеры);
- права человека;
- сохранение окружающей среды;
- участие в развитии местного сообщества.

Как видим, российский рамочный документ был заявлен на принципах международных стандартов GRI, а это означает, что, признавая необходимость подготовки и опубликования социальной отчетности, стремясь к максимальной открытости информации для всех сторон, заинтересованных в результатах деятельности, компании берут на вооружение своеобразные инструменты разработки и реализации стратегии по укреплению своих отношений со стейкхолдерами, а равно и повышению устойчивости бизнеса в долгосрочной перспективе.

Определенная динамика, что также важно, характеризует процесс признания государством роли и значения нефинансовой отчетности компаний. Минэкономразвития РФ предлагает сделать обязательной публикацию социальных отчетов для российских компаний, установив следующий порядок [5]:

1-й этап (2014 г.) – крупнейшие госкорпорации;

2-й этап (2015–2016 гг.) – государственные и унитарные предприятия с активами свыше 3 млрд р. ;

3-й этап (2017–2019 гг.) – госпредприятия с активами свыше 1 млрд р. ;

4-й этап (с 2020 г.) – крупные частные компании с активами более 15 млрд р.

Анализ Национального регистра и Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на 20 февраля 2014 г. [6] свидетельствует, что Российским союзом промышленников и предпринимателей с 2000 г. было зарегистрировано 469 нефинансовых отчетов 133 компаний:

а) интегрированные отчеты – 42;

б) экологические отчеты – 41;

в) социальные отчеты – 219;

г) отчеты в области устойчивого развития – 147;

д) отраслевые отчеты – 20.

Структура нефинансовой отчетности российских компаний, по данным РСПП, %:

- нефтегазовая отрасль – 20,0;
- энергетика – 22,0;
- металлургическая и горнодобывающая – 13,0;
- химическая, нефтехимическая, парфюмерная – 6,0;
- деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная – 3,0;
- производство пищевых продуктов – 4,0;
- телекоммуникационная – 4,0;
- финансы и страхование – 13,0;
- жилищно-коммунальное хозяйство – 2,0;
- цементное производство и строительство – 0,0;
- образование, здравоохранение – 2,0;
- транспорт – 3,0;
- прочие виды услуг – 1,0;
- некоммерческие организации – 3,0;
- отраслевые отчеты – 4,0.

Компании нефтяного, энергетического и металлургического комплексов наиболее активны, и это, на наш взгляд, связано, с одной стороны, с их представительством на международном рынке (в том числе фондовом), а с другой – такая структура вполне адекватно отражает специфику российской экономики («вес» отрасли в народном хозяйстве РФ). Эти компании представляют социальные отчеты на протяжении последних 10–12 лет, а значит, буквально создают российскую историю нефинансовой отчетности. Другие же только начинают вести работу в этом направлении.

Сравнивая сведения, раскрываемые российскими компаниями в нефинансовых отчетах, уместно отметить следующие особенности:

во-первых, количественные показатели мало поддаются сравнению: компании используют не общепринятые показатели. В некоторых случаях даже трудно понять, какой смысл вкладывает компания в показатель;

во-вторых, сравнение нефинансовых отчетов можно проводить только на качественном уровне по содержанию социальных программ, которые дают представление о приоритетах компании в социальной политике.

В итоге вызывает затруднение собственно оценка совокупного вклада компаний в решение общественно значимых проблем, которыми они реально занимаются. Поэтому чем большее количество российских компаний формируют социальную отчетность в рамках системы корпоративного управления, тем актуальнее вопрос об обеспечении сопоставимости результатов, равно как и о совершенствовании системы показателей отчетности, формировании общепринятой методологии подготовки отчетов, и, возможно, о целесообразности использования международных стандартов подготовки отчетности (имеется в виду стремление сделать корпоративные нефинансовые отчеты убедительными как для отечественных, так и иностранных стейкхолеров).

В качестве примера сложившейся в российских компаниях практики нефинансовой (социальной) отчетности приведем данные трех крупнейших металлургических компаний России – Магнитогорского металлургического комбината (Группа компаний «ММК» [7]), Горнометаллургической компании «Норникель» [8], ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат» (ОАО «НЛМК» [9]). Выбор этих компаний обусловлен, главным образом, тем, что их опыт подготовки и опубликования социальных отчетов на основе руководства GRI «Глобальная инициатива по отчетности» насчитывает почти десять лет. Тем интереснее сопоставить и сравнить их содержание.

Данные нефинансовой отчетности вышеназванных компаний приведены в табл. 3.

Таблица 3

Сопоставление социальных отчетов компаний за 2012 г.

Признаки сравнения	Группа «ММК» [7]	ГМК «Норникель» [8]	ОАО «НЛМК» [9]
1. Год начала публикации социального отчета	2006 (ежегодно)	2003	2006 (ежегодно)
2. Социальная миссия компании	Быть надежным поставщиком высококачественной металлопродукции, удовлетворяющей потребности клиентов, для целей развития компании до уровня мирового отраслевого технологического и инновационного лидера,	Производство необходимой обществу продукции наиболее эффективным и безопасным способом на устойчивой долгосрочной основе для содействия социальному прогрессу, росту благосостояния общества, стабильному	Достижение целей устойчивого развития, отвечающих долгосрочным экономическим интересам бизнеса, способствующих росту социального благополучия граждан, сохранению окружающей среды, соблюдению

Окончание табл. 3

Признаки сравнения	Группа «ММК» [7]	ГМК «Норникель» [8]	ОАО «НЛМК» [9]
	создания высокой добавленной стоимости для акционеров и улучшения жизни сотрудников в местах расположения активов компании	развитию территорий и обеспечению благополучия населения регионов хозяйствования, повышению уровня жизни работников	прав человека на территории хозяйствования
3. Выручка от реализации продукции, млн дол.	9328,0	11061,0	12157,0
4. Численность работников, чел.	58246	84082	52164
5. Налоговые платежи в бюджеты различных уровней, млн р.	Н/д	78055,0	9437,0
6. Стоимость активов группы, млрд дол.	16,3	20,974	18,533
7. Средняя заработная плата, р.	43410	68530	35500
8. Коэффициент текучести кадров, %	2,9 (тенденция к снижению)[1]	11,8 (тенденция к росту)[1]	Н/д
9. Развитие персонала: а) среднее количество часов обучения на одного работника, ч б) число работников, прошедших обучение (подготовку и переподготовку кадров), тыс. чел. в) затраты на профессиональное обучение, млн р.	 97,6 28,0 4,9	 115,7 48,7 600,7	 150,0 (рабочие) 55,0 (специалисты) Более 46,0 Более 170,0
10. Затраты на благотворительность, млн р.	285,34	5,728 (в том числе содержание объектов социальной сферы)	390,0
11. Среднегодовой размер социального пакета[2] на одного работника, р.	32 380[3]	Более 76 000	Н/д
12. Затраты на экологические программы, млн р.	1 152,8	18 965,0	2 400,0
13. Затраты на мероприятия по охране труда, млн р.	–	6372	Более 630,0
14. Социальная поддержка инвалидов труда и страдающих профессиональными заболеваниями, млн р.	11,9	Н/д	Н/д
15. Финансирование социальных программ, млн р.	1643,4[4]	387,7[5]	950,0[6]

Примечания:

[1] Данные представлены по российским предприятиям Группы, за исключением ООО «Арктик-Энерго», ОАО «Таймырэнерго», ООО «ЗПМ», ООО «ГРК «Быстринское», ЗАО «Норметимпекс», ОАО «Торгинвест», ООО «Нортранс», Красноярское представительство – филиал ООО «С Джи М», ООО «Норильский молочный завод», ООО «Спортивный комплекс».

[2] Социальный пакет – это расходы, связанные с компенсациями и льготами, предусмотренными российским законодательством и коллективными договорами предприятий, а также дополнительные выплаты стимулирующего характера, предоставляемые работникам в рамках корпоративных социальных, пенсионных и других программ.

[3] В 2012 г. ОАО «ММК» направило 687,4 млн р. на реализацию социального пакета льгот и гарантий для работников.

[4] Средства, направленные на лечение и медицинское обслуживание, оздоровление и отдых, формирование здорового образа жизни, улучшение жилищных условий, культурное обслуживание, социальную поддержку ветеранов, инвалидов, многодетных семей работников.

[5] Предоставление работникам в рамках социальных программ дополнительных льгот и компенсаций, которые направлены на решение задач, имеющих в основном социальные эффекты.

[6] Данные за 2011 г. **[10]**.

Анализ содержания социальных отчетов, приведенных в табл. 3, позволил определить прежде всего информацию, которую три крупнейшие российские металлургические компании считают наиболее значимой для стейкхолдеров. Приведем их в порядке установленных приоритетов (критерий «объем финансирования» на это указывает):

1) информация, раскрывающая суть социальной политики в отношении рядовых работников компании;

2) информация о программах, которые реализуют компании на территориях присутствия основных производственных активов в интересах местного сообщества;

3) информация о социальных инициативах в области благотворительности и спонсорства.

В качестве примера приведем перечень социальных и благотворительных программ ГК «ММК»:

а) «Стимулирование рождаемости. Охрана материнства и детства» (в 2012 г. на реализацию программы направлено 32,0 млн р.);

б) «Дружная семья» (объем финансирования – 9,4 млн р.).

Кроме названных, реализуется целевая программа по улучшению жилищных условий отдельных категорий работников. Цель – оказание помощи молодым семьям в приобретении жилья в сочетании со стимулированием творческой активности и роста профессионального мастерства молодых работников. Программа предусматривает целевые субсидии работникам для внесения первоначального взноса с предоставлением поручительства по ипотечному кредиту на срок до 27 лет.

Содержание социальных отчетов также раскрывает основные направления кадровой политики компаний. С каждым годом компании тратят все больше средств на финансирование этого направления, одновременно увеличивая не только количество участников данных программ, но и наращивая объемы часов обучения. Например, в ГК «НЛМК» в 2012 г. прошли профессиональную подготовку и повышение квалификации более 46 тыс. сотрудников. На эти цели компания выделила в указанном году более 170 млн р. По данным социального отчета компании за 2012 г. был сформирован кадровый резерв из почти 4 000 работников.

Компании активно реализуют программы негосударственного пенсионного обеспечения. ОАО «НЛМК» является одним из учредителей Негосударственного пенсионного фонда «Социальное развитие», в котором более 2,7 тыс. работников компании оформили дополнительную негосударственную пенсию. Пенсионные резервы НПФ «Социальное развитие» в 2012 г. выросли более чем на 100 млн р. и достигли 2,3 млрд р. Как следствие, максимальный размер пенсии по итогам 2012 г. составил 102,6 тыс р.

ГМК «Норникель» реализует программу «Накопительная долевая пенсия», которая включает в себя два основных пенсионных плана – «Паритетный» и «Корпоративный». Участниками программы в настоящее время являются около 25 тыс. работников предприятий, входящих в состав Группы металлургических компаний, и около 3 тыс. чел.

(данные на 31 декабря 2012 г.) уже получают накопительную долевую пенсию. Затраты ГМК на реализацию данной программы составили в 2012 г. более 770 млн р.

В ГК «ММК» средний размер ежемесячных выплат по дополнительному пенсионному обеспечению в 2012 г. составил 576 р. (в 2011 г. – 503 р.). При этом личные взносы работников на финансирование пенсий сокращаются (в 2012 г. – 26,8 млн р., хотя в 2011 г. было 33,4 млн р.). Средняя же сумма единовременного взноса при расторжении трудового договора в связи с назначением трудовой пенсии по старости достигла 57 457 р. (Размер единовременного взноса в ОАО «ММК» при увольнении работников на пенсию составил в 2012 г. 20,1 млн р.) Дополнительную негосударственную пенсию получают 4 048 бывших работников ГК «ММК». При этом средний размер негосударственной пенсии, получаемой пенсионерами ОАО «ММК», составил в 2012 г. 1 704 р. Эти и другие данные в целом свидетельствуют о достаточно значительном вкладе крупных компаний в реализацию социальной политики государства, в снижение остроты социальной напряженности на территориях присутствия этих компаний.

Очевидно, если в эту деятельность будут вовлечены все крупные российские компании, то следует ожидать в недалеком будущем принципиально нового уровня социально-экономического развития страны. И в этом, возможно, состоит основной результат ответственного подхода к ведению бизнеса, что, помимо прочего, означает не просто открытие информации, позволяющей инвесторам, партнерам, клиентам и собственному персоналу оценить количество и качество нематериальных активов организации, ее возможности и потенциал, особенности управления и качество менеджмента, но и удовлетворение колоссальных общественных ожиданий получить от социально ориентированного бизнеса в части улучшения материального положения наемных работников больше, чем может и должно дать государство.

Источники

1. Стандарт верификации отчетов AA1000 / Ин-т соц. и этич. отчетности – AccountAbility ; пер. с англ. и общ. ред. Агентства соц. инф. М., 2003.

2. AA1000 Stakeholder Engagement Standard (AA1000SES) / AccountAbility. URL: http://www.accountability.org/standards/aa1000ses/index.html.

3. Нефинансовые отчеты компаний, работающих в России: практика развития социальной отчетности: аналит. обзор. / Российский союз промышленников и предпринимателей. М., 2006. Режим доступа: http://rspp.ru/12/4005.pdf.

4. Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. Режим доступа: http://rspp.ru.

5. Интернет-сайт газеты «Известия». Режим доступа: www.izvestia.ru.

6. Национальный регистр и Библиотека корпоративных нефинансовых отчетов / Российский союз промышленников и предпринимателей. Режим доступа: http://rspp.ru/simplepage/157.

7. Сталь & Social: соц. отчет Магнитогорского металлургического комбината за 2012 г. Режим доступа: http://mmk.ru/upload/medialibrary/ac4/Social%20othet%202012.pdf.

8. ГМК «Норильский никель»: отчет о корпоративной социальной ответственности 2012 г. Режим доступа: http://www.nornik.ru/_upload/nn09082013.pdf.

9. Новолипецкий металлургический комбинат: соц. отчет. 2012. Режим доступа: http://media.rspp.ru/document/1/6/e/6e48506028a7ddbce888f97544419deb.pdf.

10. Команда профессионалов. Новолипецкий металлургический комбинат: соц. отчет. 2011. Режим доступа: http://media.rspp.ru/document/1/2/e/2e266a5b5e3027dae8c8bbe2c0bfcfcc.pdf.

КУЗНЕЦОВА Наталья Викторовна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом

Байкальский государственный университет экономики и права
664003, РФ, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
Контактный телефон: (3952) 28-45-55 (доб.183)
e-mail: toch_map@rambler.ru

Методы противодействия угрозам кадровой безопасности организации[1]

Ключевые слова: угрозы кадровой безопасности; методы противодействия угрозам кадровой безопасности; объект обеспечения кадровой безопасности.

Выделены угрозы кадровой безопасности, исходящие от различных групп персонала. Дана характеристика объектов обеспечения кадровой безопасности с точки зрения влияния на состояние кадровой безопасности и методов противодействия угрозам с их стороны. На основании экспертного опроса работодателей дана оценка степени распространенности методов обеспечения кадровой безопасности в организациях (на примере Иркутской области).

При прогнозировании и оценивании влияния ожидаемых угроз кадровой безопасности организации необходимым представляется формирование механизма, способного защитить организацию от внешних и внутренних угроз со стороны персонала и в его адрес и оперативно реагировать на изменение ситуации. Это предполагает разработку и использование совокупности методов и средств противодействия угрозам кадровой безопасности в разрезе всех видов корпоративной безопасности.

С целью системного представления поставленной задачи обеспечение кадровой безопасности может быть изображено в виде трехмерной модели (рис. 1). Такое представление безопасности позволяет для каждого объекта выявить допустимое сочетание вероятных угроз, средств и методов защиты от них [1].

На основе развертки модели в плоскости «объекты – угрозы кадровой безопасности» можно выделить угрозы, которые наиболее характерны для тех или иных групп персонала, а также наиболее уязвимые объекты обеспечения кадровой безопасности.

Развертка в плоскости «угрозы кадровой безопасности – методы противодействия угрозам» позволяет оценить качество системы защиты от того или иного вида угроз.

Развертка в плоскости «объекты – методы противодействия угрозам» дает возможность подобрать конкретные средства защиты применительно к специфике объекта кадровой безопасности.

В самом общем виде описание модели предложено в табл. 1.

Среди методов обеспечения кадровой безопасности особо следует выделить те, которые способствуют повышению благонадежности и предупреждению нелояльности работников организации. Обобщение исследовательских подходов к их содержанию позволяет выделить методы, носящие административный, социально-экономический и социально-психологический характер [2–5].

[1] Печатается при финансовой поддержке НИР «Активизация ресурсного потенциала Прибайкальского региона как фактора его устойчивого социально-экономического развития» по государственному заданию Байкальскому государственному университету экономики и права.

© Кузнецова Н. В., 2014

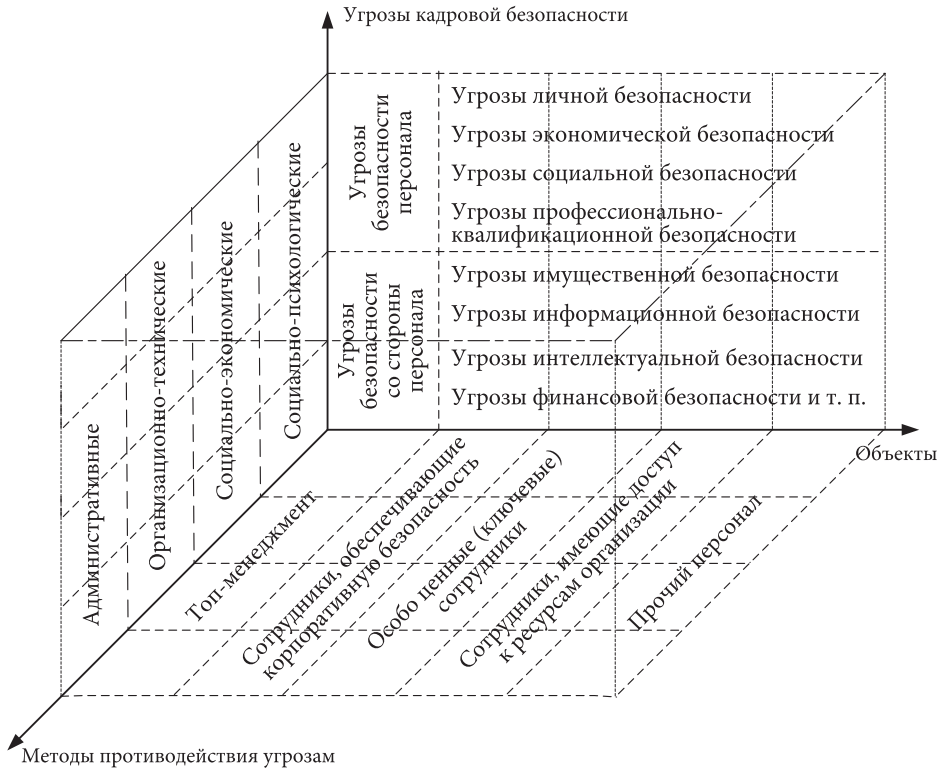


Рис. 1. Трехмерная модель обеспечения кадровой безопасности организации

К административным методам можно отнести:

• проведение всестороннего отбора кадров, при котором не допускается прием на работу лиц, имеющих деструктивную направленность личности, социальные связи, порочащие их; биографию, свидетельствующую о наличии у них морально-нравственных дефектов;

• проведение периодической оценки степени защищенности жизненно важных интересов работников, особенно тех из них, кто занимает должности с повышенным уровнем риска кадровой безопасности;

• информирование персонала о том, какое наказание может следовать в случае нарушения конкретных норм дисциплины (выговор, лишение премии, понижение в должности, лишение определенных льгот, увольнение и др.);

• обучение персонала правилам и нормам обеспечения безопасности. Развитие определенных духовно-нравственных качеств у персонала возможно также посредством специального обучения, направленного на определение ориентиров в трудовой деятельности, развитие этической эрудиции, формирование способности давать непредвзятую оценку своим действиям и поступкам в случае конфликта интересов;

• обеспечение эффективного контроля над деятельностью персонала;

• формирование локальной нормативно-правовой базы обеспечения кадровой безопасности организации, которая предусматривает разработку и утверждение норм и правил поведения, в том числе этических, обязательных для соблюдения. К числу основных регламентирующих документов следует отнести правила внутреннего трудового распорядка, трудовые договоры, договоры о материальной ответственности, договоры о неразглашении конфиденциальной информации, коммерческой тайны, персональных данных, регламенты использования средств коммуникации и доступа

Таблица 1

Описание модели в развертке «объекты обеспечения кадровой безопасности – формы реализации угроз – методы противодействия угрозам»

Объект обеспечения кадровой безопасности	Роль в обеспечении корпоративной безопасности	Основные формы реализации угроз	Методы противодействия угрозам кадровой безопасности
Топ-менеджеры	Формируют стратегию корпоративной безопасности вообще и кадровой безопасности в частности. Принимают решения о выделении необходимых ресурсов на обеспечение безопасности. Могут обойти механизмы контроля с помощью имеющихся полномочий. Их действия могут нанести наибольший ущерб имущественным и неимущественным интересам организации	Воровство, мошенничество, участие в рейдерских захватах компании	Защита от угроз и посягательств извне, отслеживание участия в другом бизнесе, связи с криминальными структурами. Формирование лояльности и долгосрочной мотивации
Сотрудники, обеспечивающие корпоративную безопасность (работники кадровой службы, службы безопасности, руководители структурных подразделений, в том числе руководители функциональных направлений обеспечения безопасности и пр.)	Реализуют стратегию и политику обеспечения кадровой безопасности, выполняют функции обеспечения безопасности. Отвечают за кадровое обеспечение системы безопасности организации	Низкая квалификация, вербовка со стороны конкурентов и прочих групп влияния	Формирование лояльности, непрерывное повышение квалификации с целью формирования необходимых компетенций в области обеспечения корпоративной безопасности
Особо ценные (ключевые) сотрудники	Вносят существенный вклад в повышение экономической и интеллектуальной безопасности организации, достижение ее целей	Обладают высокой конкурентоспособностью на рынке труда, поэтому могут быть объектом переманивания со стороны конкурентов	Поддержание и повышение лояльности, в том числе посредством формирования конкурентоспособного вознаграждения за результаты труда, повышение квалификации и развитие персонала, формирование среды для развития талантов, поощрение инициативы. Удержание посредством отслеживания мотивационных ожиданий

Окончание табл. 1

Объект обеспечения кадровой безопасности	Роль в обеспечении корпоративной безопасности	Основные формы реализации угроз	Методы противодействия угрозам кадровой безопасности
Сотрудники, имеющие доступ к информационным ресурсам	Их действия могут нести угрозу информационной и интеллектуальной безопасности организации, сами они могут стать объектом вербовки и шантажа	Умышленное и неумышленное нарушение правил обеспечения информационной безопасности	Защита от угроз и посягательств извне, контроль персонала, заключение договоров о неразглашении коммерческой тайны
Сотрудники, владеющие коммерческой тайной и конфиденциальной информацией		Передача конкурентам и другим заинтересованным лицам информации, составляющей коммерческую тайну	
Работники, имеющие доступ к материальным активам и финансовым ресурсам	Представляют угрозу имущественной безопасности организации	Хищение денежных средств и имущества, небрежное отношение к имуществу, сознательное его повреждение	Защита от угроз и посягательств извне, заключение договоров о материальной ответственности, кадровый контроль
Работники, владеющие фрагментарной информацией о деятельности организации (курирующие клиентские группы, имеющие доступ к информации с грифом конфиденциальности и т. д.)	Их действия могут нести угрозу безопасности организации, но не наносят непоправимого ущерба	Утрата клиентской базы, распространение конфиденциальной информации	Защита от угроз и посягательств извне, кадровый контроль
Остальной персонал организации	Действия персонала, как правило, не наносят существенного вреда и не имеют серьезных негативных последствий	Воровство, мошенничество, увольнение и т. д.	Кадровый контроль, мероприятия по сокращению текучести кадров, увольнение в случае проявления различных форм нелояльности

в Интернет и пр. В качестве дополнительного инструмента регулирования социально-трудовых отношений, которые не охватили в своем регулировании локальные нормативные акты, может использоваться этический кодекс;

• увольнение работников за грубые нарушения правил и норм кадровой безопасности. При этом «расставание» должно быть мирным, а со стороны кадрового менеджмента должны быть приняты доступные и приемлемые с точки зрения закона меры для того, чтобы после ухода из компании работник не предпринимал попыток отомстить или причинить вред.

К основным социально-экономическим методам можно отнести:

• создание условий, при которых работнику будет невыгодно осуществлять действия, наносящие ущерб организации;

• введение системы материального и иных видов стимулирования, дополнительно «привязывающих» работника к компании, которые он не сможет получить в конкурирующих организациях. Такая система может включать поощрения за добросовестную работу, соблюдение трудовой дисциплины и лояльность компании (вручение премий, ценных подарков или иных наград, туристических путевок и др.);

• предупреждение ситуаций, при которых работник или близкие ему люди могут оказаться в безвыходном или критическом положении при возникновении острых жизненных проблем. Профилактика таких ситуаций (в частности, долгов, материальных затруднений) должна осуществляться путем кредитования работников, создания кассы взаимопомощи и др.

Социально-психологические методы включают в себя:

• формирование корпоративного духа, включая принятие мер по созданию у работников чувства принадлежности к организации, сплоченности коллектива, по созданию такого социально-психологического климата, который способствовал бы восприятию организации как референтной для каждого работника, а также препятствующего действиям и поступкам, направленным на причинение ущерба организации;

• формирование в организации такого стиля работы руководителей любого ранга, который не будет жестко авторитарным, не станет приводить к унижению, задевать чувство собственного достоинства подчиненных, с тем чтобы не провоцировать обратную негативную реакцию.

Стоит отметить, что методы обеспечения кадровой безопасности должны конкретизироваться с учетом индивидуально-личностных характеристик персонала, быть нацелены на восприятие каждого конкретного работника как потенциального субъекта угроз безопасности организации.

С целью оценки степени распространенности методов обеспечения кадровой безопасности и особенностей ее обеспечения в 2013 г. был проведен экспертный опрос работодателей Иркутской области ($N = 133$).

Основные методы противодействия угрозам со стороны персонала, используемые работодателями региона, представлены в табл. 2.

Наиболее распространенными с точки зрения предотвращения угроз являются административно-организационные, а также социально-психологические методы воздействия на персонал. К числу таковых отнесли заключение различных договоров об ответственности сторон социально-трудовых отношений 16,9% опрошенных, постоянный контроль над деятельностью сотрудников – 12,5%, формирование необходимого морально-психологического климата в коллективе – 12,5%, установление испытательного срока в целях проверки соответствия работника предъявляемым требованиям – 12,5%.

Немаловажное значение в противодействии угрозам кадровой безопасности опрошенные придают формированию корпоративной культуры компании и мотивации благонадежного поведения персонала. Воспитание желания следовать нормам и правилам

Таблица 2

Степень распространенности методов противодействия угрозам со стороны персонала организации, % от общего числа ответов

Метод	Вся выборка	Стадия жизненного цикла					Численность работников организации					
		Создание	Рост	Зрелость, стабильность	Угасание, кризис	Выход из кризиса	До 50 чел.	От 50 до 100 чел.	От 101 до 200 чел.	От 201 до 500 чел.	От 501 до 1000 чел.	Более 1001 чел.
Постоянный контроль деятельности сотрудников, учет, проверки	12,5	0,0	16,9	11,3	0,0	0,0	16,2	13,3	20,0	8,1	15,6	8,8
Системы штрафов в случае нарушения	6,9	0,0	6,2	6,3	20,0	16,7	8,1	6,7	20,0	8,1	6,3	2,9
Договор об ответственности сторон (в письменной форме): о материальной ответственности, о неразглашении коммерческой тайны и т. д.	16,9	0,0	18,5	16,3	40,0	0,0	13,5	13,3	20,0	21,6	18,8	14,7
Профилактическая работа: внимание к сотрудникам со стороны руководства, создание и поддержание хорошего социально-психологического климата в коллективе	12,5	25,0	13,8	11,3	0,0	16,7	18,9	20,0	20,0	8,1	3,1	14,7
«Показательные» наказания виновных	3,1	0,0	3,1	3,8	0,0	0,0	0,0	6,7	20,0	5,4	3,1	0,0
Воспитание желания следовать корпоративной культуре	10,6	25,0	7,7	12,5	0,0	16,7	10,8	6,7	0,0	8,1	6,3	20,6
Дисциплинарные взыскания, депремирование	8,8	25,0	6,2	8,8	20,0	16,7	5,4	0,0	0,0	13,5	12,5	8,8
Моральное давление	2,5	0,0	0,0	3,8	0,0	16,7	2,7	0,0	0,0	2,7	0,0	5,9
Личное собеседование руководителя с сотрудником	13,1	0,0	15,4	12,5	0,0	16,7	13,5	26,7	0,0	5,4	15,6	14,7
Испытательный срок	12,5	25,0	12,3	12,5	20,0	0,0	10,8	6,7	0,0	18,9	15,6	8,8
Другие	0,6	0,0	0,0	1,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	3,1	0,0

корпоративной культуры к числу распространенных методов противодействия угрозам со стороны персонала отнесли 10,6% опрошенных, депремирование и использование системы штрафов – 8,8 и 6,9% опрошенных соответственно.

«Показательные» наказания виновных в нарушении норм и правил обеспечения кадровой безопасности используют лишь 3,1% опрошенных. Вместе с тем с точки зрения обеспечения кадровой безопасности именно этот метод оказывает важное профилактическое и воспитательное воздействие на персонал, обладает высоким потенциалом в предотвращении угроз со стороны персонала.

Сравнение организаций в зависимости от стадии их жизненного цикла и применяемых методов противодействия нелояльности персонала позволяет заключить, что использование преимущественно административных, карательных методов характерно для организаций, находящихся на стадиях создания и угасания, тогда как организации на стадии роста и стабильности предпочитают наряду с карательными использовать социально-психологические, профилактические методы.

К числу распространенных методов сбора информации о проблемах, связанных с персоналом и его поведением, опрошенные отнесли организацию системы обратной связи, проведение опросов персонала (табл. 3).

Таблица 3

Методы сбора информации о проблемах, связанных с персоналом, % от общего числа ответов

Метод	Вся выборка	Экономическое положение организации			Стадия жизненного цикла				
		Хорошее	Среднее	Плохое	Создание	Рост	Зрелость, стабильность	Угасание, кризис	Выход из кризиса
Система обратной связи (гласные и негласные информаторы, почтовый сервис и т. д.)	29,5	26,2	35,3	50,0	50,0	12,5	34,4	100,0	100,0
Внутрифирменные опросы по вопросам лояльности персонала	24,6	26,2	23,5	0,0	50,0	12,5	34,4	100,0	100,0
Методы провокации (технология «тайного» покупателя, провокация неблагонадежного поведения и т. д.)	9,8	14,3	0,0	0,0	50,0	29,2	21,9	0,0	0,0
Наблюдение за происходящими конфликтами в коллективе, контроль соблюдения дисциплины	21,3	16,7	29,4	50,0	0,0	29,2	18,8	0,0	0,0
Система оценки количественных и качественных показателей	14,8	16,7	11,8	0,0	0,0	16,7	15,6	0,0	0,0

Наименее распространенным методом является провокация неблагонадежного поведения персонала, в основном его используют организации, находящиеся на таких стадиях жизненного цикла, как развитие и стабильность (29,2 и 21,9% соответственно). Это свидетельствует об использовании данными организациями широкого арсенала способов и средств обеспечения безопасности в связи с необходимостью поддерживать устойчивость развития и конкурентоспособность.

Результаты сравнительного анализа более и менее успешных в финансовом плане организаций свидетельствуют об определяющей роли экономического положения организации в выборе методов сбора необходимой информации о проблемах, связанных с неблагонадежным поведением персонала. Эксперты, оценивающие положение своей

организации как «хорошее» и «среднее», выбирают более активные методы, нежели организации с плохим экономическим положением.

Большую роль в обеспечении кадровой безопасности организации играют методы проверки благонадежности претендентов на вакантную должность, поскольку это позволяет минимизировать риски от реализации угроз, связанных с персоналом, на всех этапах ее жизненного цикла.

Проведенное исследование позволяет заключить, что к числу наиболее распространенных методов оценки благонадежности претендентов на вакантную должность относятся документальная, психологическая, а также административно-правовая проверка. Оценка степени их распространенности представлена на рис. 2.

Согласно полученным данным, 59,5% опрошенных используют проверку представленных сведений о кандидате на предмет судимости, наличия задолженности, связи с криминальными структурами и конкурентами, 56,8% опрошенных считают действенным методом получение устных рекомендаций от бывших работодателей, 40,5% осуществляют проверку рекомендательных писем. В качестве метода оценки благонадежности кандидата на вакантную должность 51,4% экспертов отметили психологическое тестирование. Наименее популярным из числа перечисленных является такой метод, как контроль над вновь принимаемыми сотрудниками (на его использование указали лишь 37,8% опрошенных).

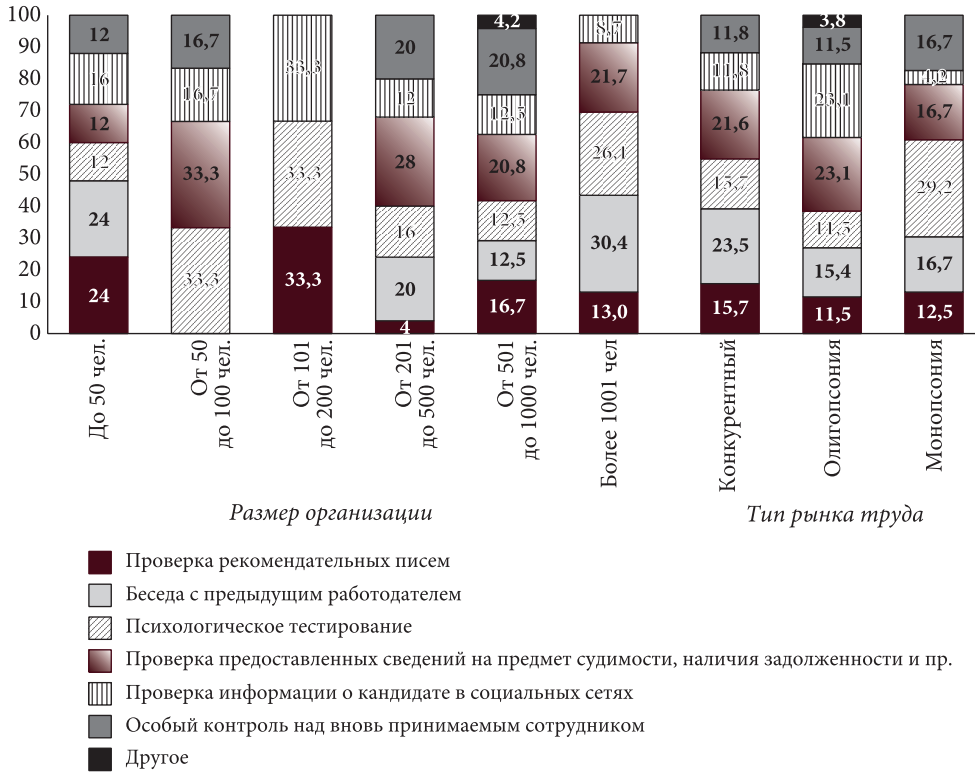


Рис. 2. Методы проверки благонадежности претендентов на вакантную должность, % от общего числа опрошенных

Отметим, что нам не удалось обнаружить связь между степенью жесткости требований, предъявляемых на этапе найма и отбора персонала к кандидатам на вакантную должность, размером организации, а также типом рынка труда, в рамках которого она

функционирует. Можно предположить, что независимо от существующего предложения и конкуренции на рынке труда, организации стремятся тщательно проверять претендентов на вакантную должность, используя весь арсенал имеющихся способов.

Источники

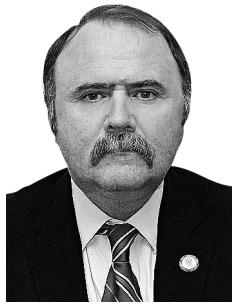
1. Водянова В. В. Экономическая безопасность. Системное представление. М. : ГУУ, 2010.

2. Шипилов А. И., Шипилова О. А. Как обеспечить надежность персонала? // Управление персоналом. 2002. № 8.

3. Чумарин И. Г. Как сделать найм безопасным? // Кадры предприятия. 2003. № 9.

4. Курбанов Р. Формирование нравственности и морали государственных служащих в Российской Федерации // Власть. 2008. № 1.

5. Озерникова Т. Г. Мотивационное значение системы вознаграждений // Изв. Иркут. гос. экон. акад. 2003. № 1(34).



РОЙ Олег Михайлович

Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной экономики и управления территориями

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
644077, РФ, г. Омск, пр. Мира, 55а
Контактный телефон: (3812) 64-92-55
e-mail: roi_omsk@mail.ru

ЮДИНА Марина Александровна

Преподаватель кафедры финансов, кредита, бухгалтерского учета и аудита

Омский государственный университет путей сообщения
644046, РФ, г. Омск, пр. Маркса, 35
Контактный телефон: (3812) 31-06-63
e-mail: myum@inbox.ru

Эвристические возможности мультипараметрической модели структурной диагностики развития региональных систем

Ключевые слова: региональная система; региональное развитие; системно-синергетический подход; структурная региональная диагностика; многокритериальная оптимизация; мультипараметрическая модель; муниципальные образования.

На основе системно-синергетического подхода предложена мультипараметрическая модель структурной диагностики уровней социально-экономического развития региональных систем; раскрыты ее эвристические возможности в качестве диагностического комплекса поддержки управленческих решений; приведены результаты экспериментальных расчетов на примере структурной диагностики муниципальных образований Омского региона по мультипараметрическому комплексу «уровень жизни» за 2010–2012 гг.

Регионы являются сложными социально-экономическими системами, функционирование и развитие которых отражается множеством разнородных параметров. Эффективное управление региональным развитием невозможно без чувствительного аппарата диагностики, позволяющего своевременно отслеживать возможные отклонения и применять упреждающие меры воздействия. Недостаточная разработанность общих методических принципов осуществления диагностических исследований социально-экономических систем часто приводит к невысокой надежности получаемых результатов и неадекватным управленческим решениям.

Большинство современных исследований по региональной диагностике отличается проблемно-ориентированной направленностью. При этом под региональной диагностикой мы понимаем исследование процесса установления и изменения значений параметров, характеризующих состояние региональной системы, в целях получения адекватной информации для прогнозирования возможных ситуаций, прежде всего кризисных, и разработки управленческих решений. Диагностированию подлежат такие комплексные региональные характеристики, как социально-демографическая и экономическая безопасность, качество жизни, уровень научно-инновационного развития, факторы развития городских агломераций, межрегиональная дифференциация и др. Методические

© Рой О.М., Юдина М.А., 2014

вопросы диагностирования, как правило, актуализируются в ходе конкретного исследовательского процесса. Значительный вклад в разработку методических аспектов диагностики региональных систем внесли такие ученые, как С.В. Баранов, А.Г. Гранберг, Л.А. Горюнова, А.А. Куклин, В.Н. Лексин, В.Е. Селиверстов, С.А. Суспицын, Т.П. Скуфьина, А.И. Татаркин, М.А. Фурщик, А.В. Черепанова, А.Н. Швецов и др. [1–4]. Нами также предпринимались попытки выявить наиболее значимые параметры, позволяющие учесть новые тенденции в понимании развития региональных систем [5; 6].

Обобщая результаты проведенных исследований, можно сформулировать следующие проблемы диагностики региональных систем:

- недостаточная разработанность общих методических принципов диагностических исследований, фрагментарность используемых методов, отсутствие систематизированного комплекса инструментов диагностики;
- недостаточный учет тенденций, связанных с передачей значительного объема полномочий региональной власти на муниципальный уровень, что обусловило превращение муниципалитетов в квазирегиональные субъекты;
- отсутствие единой официально согласованной классификации уровней развития региональных систем, позволяющей сопоставлять их друг с другом, упорядочивать по результатам диагностического исследования и предлагать адекватные управленческие рекомендации;
- несоответствие структуры, полноты, достоверности и оперативности официальной статистической информации целям и задачам региональной диагностики, затруднительный характер сбора дополнительных данных.

Несмотря на значительный рост числа исследований по проблемам региональной экономики, по мнению большинства ведущих отечественных ученых-регионалистов, единая теоретическая система, полно и непротиворечиво описывающая многообразие современных процессов, явлений и закономерностей, пока не создана. В качестве одной из причин отсутствия единой региональной концепции можно назвать динамично меняющиеся внешние институциональные условия развития локальных территориальных образований, что заставляет последние постоянно находиться в процессе активной адаптации и вырабатывать особые способы функционирования в нестабильной внешней среде. Существует точка зрения (Е.Г. Анимица), что в контексте современных общемировых пространственных процессов требуется обновление теорий регионального развития России [7. С. 7].

Анализ российской научной литературы показывает, что в настоящее время идет активный поиск новых факторов и источников развития регионов, адекватных современным социально-экономическим отношениям. При этом в большинстве исследований регион выступает в качестве многофункциональной и многоаспектной системы. В данной работе под *региональной системой* мы будем понимать комплекс материальных и нематериальных компонентов, пространственно ограниченных территорией региона, взаимодействие которых обеспечивает определенный уровень и качество жизни населения. Полагаем, что в настоящее время сложились три основных теоретических направления в определении доминирующих факторов регионального развития:

- подходы, основанные на принципах централизованного, целенаправленного развития региональных систем преимущественно за счет экзогенных факторов;
- подходы, основанные на выявлении и стимулировании эндогенных факторов саморазвития региональных систем;
- системно-синергетический подход.

Выделение данных направлений отражает степень значимости различных групп факторов при осуществлении диагностики текущего состояния региональной системы и прогнозировании траектории ее возможной эволюции. Авторская классификация выделенных подходов представлена на рис. 1.

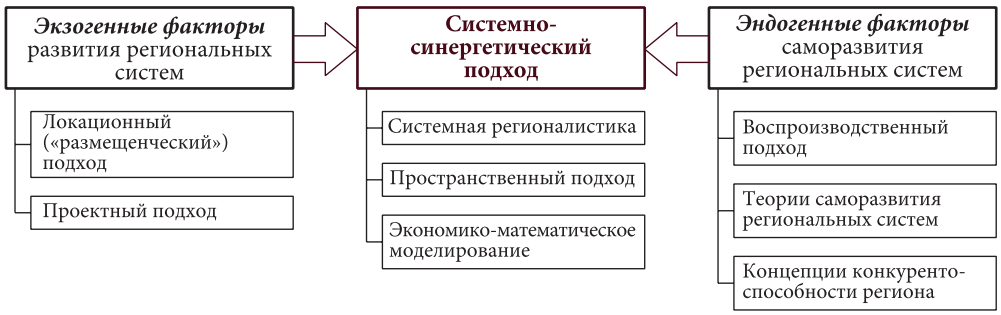


Рис. 1. Основные подходы к исследованию источников развития региональных систем

По нашему мнению, применение системно-синергетического подхода к исследованию региональной динамики позволяет органично интегрировать как внешние стимулы и ограничения, учет которых необходим в силу высокой степени открытости региональных систем, так и внутренние факторы саморазвития, которые обусловливают уникальные механизмы адаптации к внешним вызовам. В соответствии с системно-синергетическим подходом можно выделить следующие основные закономерности развития региональных систем:

1) развитие региональной системы проявляется в двух основных формах – изменении структуры и количественном росте; при этом изменение структуры относится к внутренним параметрам развития;

2) цели системы, как правило, достигаются не через количественное расширение, а через содержательные структурные изменения;

3) в силу значительной открытости региональной системы ее развитие в большей степени представляет собой реактивный процесс (реакцию на изменения во внешней среде) или процесс адаптации;

4) адаптация системы к внешней среде осуществляется, как правило, за счет внутренних структурных изменений;

5) развитие региональной системы всегда происходит неравномерно, поскольку ее подсистемы обладают различными ресурсными потенциалами и неодинаково реагируют на воздействия внешней среды.

Как известно, одним из эффективных способов изучения сложных систем является их *структурное иерархическое представление*, которое частично снимает общую неопределенность, разбивает ее на более «мелкие», лучше поддающиеся исследованию. Дж. Форрестер в своей работе «Мировая динамика» отмечает, что «принятие нелинейной природы систем отвлекает нас от тщетных попыток точно измерить параметры социальных систем и вместо этого концентрирует наше внимание на гораздо более важном вопросе о структуре системы» [8]. Таким образом, в соответствии с системно-синергетическим подходом эволюция сложной системы сопровождается характерными изменениями ее структуры. Исследованием структурных свойств региональной системы и ее подсистем занимается структурная диагностика, которая, по нашему мнению, является наиболее адекватным современным методом, особенно при решении задач предварительного диагностического исследования, когда необходимо структурировать большой объем исходной информации и сформулировать общие гипотезы относительно будущих траекторий регионального развития.

Структурная диагностика социально-экономического развития региональных систем предполагает использование специального методического инструментария. Проведенный нами анализ показал, что традиционные методы математической статистики, рейтинговых оценок и корреляционно-регрессионного анализа содержат существенные ограничения при использовании их в региональной диагностике, главным

из которых является слабая устойчивость полученных результатов при значительных колебаниях экономической конъюнктуры [9].

Наиболее известным методом структурной диагностики является предложенный С. А. Суспицыным метод адаптивной структуризации пространства региональных индикаторов [4. С. 89]. Центральным в данном подходе является понятие кластера регионов со средними характеристиками развития. Формирование данного кластера позволяет упорядочить регионы между собой в многомерном пространстве индикаторов. Методика многомерных (в том числе трехмерных) ранжировок С. А. Суспицына и Т. С. Новиковой активно адаптировалась исследователями для измерения внутритерриториальных различий, определения вектора развития муниципальных районов по ключевым параметрам в условиях реализации реформы местного самоуправления [10–12].

Дальнейшее развитие данного подхода нам видится в отказе от «эталонизации» средних значений показателей и выявлении непосредственных отношений доминирования (эквивалентности) между территориями без привязки к срединному кластеру. Для решения данной задачи наиболее перспективным, на наш взгляд, представляется использование математического моделирования, методов многокритериальной оптимизации. Для осуществления мультипараметрической структурной диагностики нами разработана *теоретико-графовая модель региональной системы*, эвристические возможности которой были раскрыты на примере Омского региона. В указанной модели вершины графа соответствуют территориальным образованиям, входящим в региональную систему, а его дуги отражают отношения между ними с точки зрения уровней развития, оцененных по всему мультипараметрическому комплексу. Построение дуг графа основывается на выявлении отношений двух типов: мультипараметрического доминирования (если уровень развития одного территориального образования выше уровня развития другого) либо эквивалентности (если уровни развития территориальных образований совпадают с учетом выбранного интервала эквивалентности). На основе обобщения результатов сравнения строится ориентированный граф доминирования, подобный представленному на рис. 2.

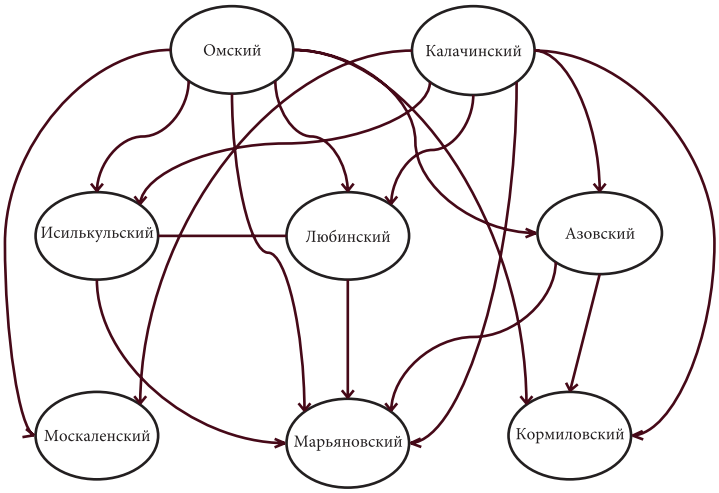


Рис. 2. Граф доминирования по мультипараметрическому комплексу «уровень жизни» (2012 г.)

Предложенная теоретико-графовая модель была апробирована при осуществлении мультипараметрической структурной диагностики социально-экономического развития Омского региона в разрезе основных природно-климатических зон по

мультипараметрическому комплексу «уровень жизни» за 2010–2012 гг. Для проведения экспериментальных расчетов мультипараметрический комплекс «уровень жизни» был определен тремя параметрами: среднемесячной зарплатой, средней площадью жилых помещений на одного жителя и уровнем зарегистрированной безработицы. Выбор указанных параметров обусловлен тем, что они отличаются высокой степенью социальной чувствительности, т. е. их динамика служит важным индикатором изменения качества жизни на территории с учетом ее географических и климатических характеристик. Значения указанных параметров по климатической зоне «южная лесостепь» представлены в табл. 1.

Таблица 1

Исходные данные по мультипараметрическому комплексу «уровень жизни» по климатической зоне «южная лесостепь»

Муниципальные районы Омской области	Среднемесячная начисленная заработная плата, р.			Средняя площадь жилых помещений на одного жителя, кв. м			Уровень зарегистрированной безработицы, % ЭАН		
	2010	2011	2012	2010	2011	2012	2010	2011	2012
Азовский немецкий	12 313,6	14 413,0	16 199,8	21,1	21,8	21,8	1,31	2,5	2,2
Исилькульский	11 478,0	12 911,3	14 706,9	21,3	21,7	22,7	1,02	1,8	1,7
Калачинский	13 006,0	14 765,1	17 135,3	24,6	24,8	26,1	1,62	1,9	1,7
Кормиловский	11 821,9	13 180,1	15 618,5	22,0	22,1	22,2	2,15	2,9	2,7
Любинский	11 536,2	12 972,0	14 831,8	22,0	21,9	22,0	1,34	1,9	1,7
Марьяновский	10 811,0	12 584,6	14 790,5	19,7	20,0	20,3	1,73	2,1	2,1
Москаленский	9 642,5	11 151,6	13 407,9	23,3	23,6	24,0	1,75	2,9	2,5
Омский	12 639,3	14 688,5	17 092,9	24,6	24,1	24,5	0,5	0,9	0,6
Интервалы эквивалентности (ε_j)	1 121,0	1 204,5	1 242,4	1,63	2,01	1,93	1,14	0,67	0,35

Источники: **[13; 14]**.

На основе типологии вершин нами была разработана классификация уровней социально-экономического развития территориальных образований (табл. 2).

Таблица 2

Классификация территориальных образований по мультипараметрическому комплексу «уровень жизни» (2010–2012 гг.)

Территориальные образования (вершины графа)	2010		2011		2012	
	Степень выхода/входа	Тип	Степень выхода/входа	Тип	Степень выхода/входа	Тип
Омский	7 / 0	Лидеры	7 / 0	Лидеры	6 / 0	Лидеры
Калачинский	5 / 1	Развивающиеся	6 / 1	Развивающиеся	6 / 0	Лидеры
Исилькульский	3 / 2	Развивающиеся	2 / 2	Стабильные	1 / 2	Неустойчивые
Азовский	2 / 2	Стабильные	3 / 2	Развивающиеся	2 / 2	Стабильные
Любинский	2 / 3	Неустойчивые	3 / 3	Стабильные	1 / 2	Неустойчивые
Кормиловский	1 / 4	Неустойчивые	1 / 5	Неустойчивые	0 / 3	Отстающие
Москаленский	0 / 2	Отстающие	0 / 4	Отстающие	0 / 2	Отстающие
Марьяновский	0 / 6	Отстающие	0 / 5	Отстающие	0 / 5	Отстающие

Необходимо отметить, что значения всех выбранных для исследования параметров мультипараметрического комплекса демонстрируют положительную динамику, но при этом различия между муниципальными образованиями достаточно устойчивы: лидеры и отстающие практически не изменили своего положения. Полученные результаты структурной диагностики позволяют эффективно концентрировать усилия на этапе качественного анализа при разработке управленческих воздействий. В рассматриваемой ситуации особое внимание необходимо уделить муниципальным районам, которые переместились на более низкие уровни, а также стабильным «аутсайдерам». Таким образом, предложенная мультипараметрическая модель структурной диагностики открывает следующие эвристические возможности:

- обеспечивает новое, нестандартное представление об исследуемом объекте (региональной системе), визуализацию результатов диагностики, выявление скрытых (латентных) факторов развития;
- позволяет осуществлять сравнение региональных систем одновременно по всему комплексу оцениваемых параметров;
- характеризуется адаптивностью к различным уровням объекта диагностики и имеющемуся объему информации, позволяет поэтапно проводить декомпозицию моделируемой системы по мере постановки новых задач и получения новой информации;
- предоставляет возможность оценки эффективности управленческих решений, прогнозирования траектории развития региональной системы, формирования модели ее «идеальной», желаемой структуры в целях индикативного регионального планирования;
- использует современную технологию компьютерного моделирования в качестве информационно-аналитической поддержки процесса принятия управленческих решений, включающих выполнение многовариантных расчетов сценарного и целевого типа.

Источники

1. Баранов С. В. Диагностика межрегиональной дифференциации // Региональная экономика. 2007. № 6(45).

2. Горюнова Л. А. Диагностическая оценка научно-инновационного развития территориальных образований Сибирского федерального округа // Изв. ИГЭА. 2010. № 2 (70).

3. Комплексная методика диагностики социально-демографической безопасности региона / под ред. А. И. Татаркина, А. А. Куклина. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2007.

4. Оптимизация территориальных систем / под ред. С. А. Суспицына. Новосибирск, 2010.

5. Рой О. М., Филиппенко В. А. Диагностика социально-экономического развития северных городских агломераций // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Экономика». 2008. № 1.

6. Рой О. М. Экономическое районирование муниципальных образований: на пути к новой статистической классификации // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. № 3 (29). Т. 6.

7. Анимица Е. Г. Региональная политика: сущность, основные цели, проблемы // Экономика региона. 2005. № 1.

8. Форрестер Дж. Мировая динамика. Письмо третье: от «системной модели» к структуродинамике. Режим доступа: http://www.metal-profi.ru/own/world-dynamics-12.htm.

9. Юдина М. А. Методы исследования территориальной дифференциации // Теоретические знания в практические дела : сб. науч. ст. XIII Междунар. науч.-инновац. конф. аспирантов, студентов и молодых исследователей с элементами науч. шк. (16–21 апреля 2012 г.) : в 2 ч. Омск : Филиал МГУТУ им. К. Г. Разумовского в г. Омске, 2012. Ч. 2.

10. Галдин М. В. Методические подходы к выявлению асимметрии социально-экономического развития региона (на примере Омской области) : автореф. дис. … канд. экон. наук. Омск, 2004.

11. Бутенко Я. А. Реализация механизма корректировки региональной политики асимметрично развивающегося региона (на примере Омской области) : автореф. дис. … канд. экон. наук. Омск, 2010.

12. Рой О. М., Бреусова А. Г., Галеева Л. Р. Трансформация социально-экономического положения муниципальных образований в период реформы местного самоуправления // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Экономика». 2012. № 2.

13. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области. Режим доступа: http://omsk.gks.ru.

14. Типовые (табличные) формы докладов глав муниципальных районов о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления в соответствии с Указом Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607. Режим доступа: http://www.omskportal.ru/ru/municipal/localAuthList.html.

ВИЦЕНЕЦ Татьяна Николаевна

Аспирант кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита

Дальневосточный федеральный университет
690950, РФ, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
Контактный телефон: (423) 245-76-87
e-mail: dasman98@mail.ru

БЕРЕЖНОВА Елена Ивановна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита

Дальневосточный федеральный университет
690950, РФ, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
Контактный телефон: (423) 245-76-87
e-mail: geeran@yandex.ru

Особенности развития миграционных процессов на Дальнем Востоке

Ключевые слова: демографические процессы; миграционные потоки; регулирование миграционных процессов; миграция; нелегальные мигранты.

Исследована специфика сокращения численности населения Дальневосточного федерального округа (ДФО) вследствие снижения рождаемости, повышения уровня смертности и роста интенсивности миграционного оттока населения в основном в центральные, более благополучные в социально-экономическом отношении регионы Российской Федерации. Раскрывается влияние демографии на качество жизни, морально-нравственный климат в обществе, состояние важнейших отраслей. Предложен ряд приоритетных мероприятий демографического развития в области укрепления здоровья и увеличения продолжительности жизни населения, стимулирования рождаемости и укрепления семьи, миграционного развития, способных повлиять на стабилизацию численности населения самого густонаселенного региона Дальнего Востока – Приморского края.

Одной из основных предпосылок, побуждающих к смене места жительства работающую, квалифицированную часть населения, является различие в уровне жизни. Людей привлекают регионы, способные обеспечить более высокое качество жизни, а именно: занятость, уровень оплаты труда, предоставление социальных благ достойного уровня.

За последние 15 лет на приграничных территориях России и СНГ сформировались качественно новые миграционные потоки, отличающиеся как по содержанию, так и по результатам. Их уже недостаточно оценивать только количественными показателями («Прибыло», «Выбыло») и характеризовать с позиций национальной безопасности (криминал, эксцессы). Между территориями происходит обмен, по-разному влияющий на их состояние: с территории государств – членов СНГ направляются потоки товаров и людей, с российской – природных ресурсов и денег. В результате уровень капитализации СНГ повышается, а уровень капитализации российской территории снижается. Результаты анализа этих процессов представляют интерес не только для территорий приграничного взаимодействия, но и для регионов и стран, где сложились или складываются диаспоры, которые не перемешиваются с окружающим социумом,

© Виценец Т. Н., Бережнова Е. И.., 2014

но вместе с тем оказывают заметное влияние на социокультурные процессы в данных сообществах. Этими причинами объясняется актуальность темы статьи, а результаты, полученные авторами в процессе исследований, ориентированы на формирование набора инфраструктурных инструментов, обеспечивающих эффективное управление миграционными потоками и снижение социально-экономических издержек на территориях, куда направлены эти потоки.

По оценкам прошлых демографических событий, а также на основе выявленных закономерностей демографических, миграционных и пролонгированных на ближайший период на Дальнем Востоке процессов предполагается катастрофически быстрое сокращение численности населения вследствие естественной убыли (депопуляции) и миграционного оттока (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения по итогам переписей населения 1989, 2002, 2010 гг.

Регион	Численность населения, тыс. чел.			Место по численности населения (2010 г.)	
	1989	2002	2010	в Российской Федерации	в федеральном округе
Российская Федерация	146 937,0	145 166,7	142 856,5		
Дальневосточный федеральный округ	7 949,6	6 692,9	6 293,2	8	–
Республика Саха (Якутия)	1 093,9	949,2	958,5	55	3
Камчатский край	471,9	358,9	322,1	76	6
Приморский край	2 255,9	2 071,2	1 956,5	26	1
Хабаровский край	1 597,7	1 436,5	1 343,9	35	2
Амурская область	1 050,2	902,9	830,1	61	4
Магаданская область	391,7	182,8	157	81	8
Сахалинская область	710,2	546,7	498	72	5
Еврейская автономная область	214,1	190,9	176,5	80	7
Чукотский автономный округ	163,9	53,8	50,6	82	9

Составлено по: **[1; 2]**.

Численность населения Дальнего Востока к 2025 г. может сократиться почти на треть и составить менее 5 млн чел. Это практически численность населения 1959 г. (4 834 тыс. чел.). К 2050 г., по данному сценарию, который можно назвать «прогноз-катастрофа», число жителей не превысит и 4 млн чел.

По сравнению с 2002 г. население ДФО сократилось на 399,7 тыс. чел., или на 6,0%. Среднегодовые темпы снижения численности населения по сравнению с периодом между переписями 1989 и 2002 г. снизились с 1,22 до 0,75%.

Наибольшие численные потери понесли Чукотский автономный округ (в 2010 г. в 3,2 раза меньше, чем в 1989 г.) и Магаданская область (в 2,5 раза за тот же период) **[2]**.

Переход на рыночные отношения, разрушение государственной, политической и социально-экономической систем, централизованного механизма регулирования демографических процессов привели к массовому перемещению населения.

Численность населения Дальневосточного федерального округа начала сокращаться с 1990-х годов (табл. 2) и продолжала изменяться под воздействием как естественной убыли, так и миграционного оттока (рис. 1).

Это происходило вследствие влияния нескольких факторов: снижения рождаемости, повышения уровня смертности и роста интенсивности миграционного оттока населения в основном в центральные, более благополучные в социально-экономическом отношении регионы страны.

Таблица 2

Численность постоянного населения (на начало года), тыс. чел.

Регион	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	148 460	146 890	143 801	142 833	142 865	143 056	143 347
Дальневосточный федеральный округ	7 518	6 913	6 538	6 320	6 285	6 266	6 252
Республика Саха (Якутия)	1 037	963	953	959	958	956	956
Камчатский край	422	372	344	323	322	320	321
Приморский край	2 266	2 141	2 028	1 965	1 953	1 951	1 947
Хабаровский край	1 567	1 474	1 397	1 349	1 343	1 342	1 342
Амурская область	995	936	874	835	829	821	817
Магаданская область	267	202	174	159	156	155	152
Сахалинская область	659	569	530	501	497	495	493
Еврейская автономная область	209	195	186	178	176	175	173
Чукотский автономный округ	96	61	52	51	51	51	51

Составлено по: [3].

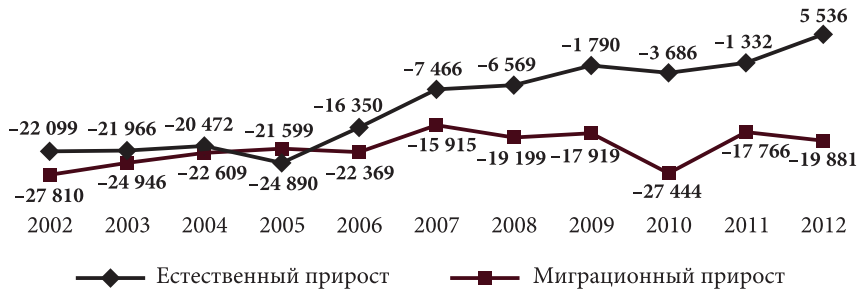


Рис. 1. Естественная убыль и миграционный отток населения из ДФО, чел.[1]

Возрастной состав мигрантов таков: 35–40% – люди в возрасте от 16 до 30 лет, т. е. молодежь, которая получает образование, начинает работать, ищет лучшее место для карьеры, обзаводится семьей. После 30 лет мобильность населения падает: 17–20% в возрасте 40–49 лет и 10–12% в возрасте 50–59 лет. В период, когда «делают карьеру», а дети учатся в школе, люди предпочитают без крайней необходимости с места на место не переезжать. В предпенсионных и первых пенсионных возрастах пожилые люди, в основном, едут к месту жительства детей (17–20% в возрасте 50 лет и старше) [2].

Для формирования трудовых ресурсов нового качества потребуется немало времени, в связи с чем восполнение недостающих трудовых ресурсов путем привлечения иммиграционного потенциала стран Северо-Восточной Азии, создания условий для добровольного переселения в край соотечественников, проживающих за рубежом, обеспечения приглашения иностранных специалистов на контрактной основе по приоритетным направлениям являются объективной необходимостью. Однако, думая об этом, необходимо в первую очередь создать условия, чтобы местные работники не уезжали. А уезжают чаще всего специалисты, которые везде найдут себе применение.

Вместе с тем возникают иные вопросы: насколько нужны при нынешнем состоянии дополнительные трудовые ресурсы; не станут ли они причиной роста социальной напряженности, ведущего к проявлениям ксенофобии и национализма среди местного населения?

[1] Составлено по: [3].

По данным Федеральной миграционной службы (ФМС), в Россию ежегодно въезжают 13–14 млн чел., из которых более 75% – граждане стран СНГ, около 10% – граждане стран Европейского союза. Более половины въезжающих в течение года пределы России не покидают. Однако численность официально трудоустроенных среди иммигрантов не превышает 3 млн чел. Кроме того, более 3,5 млн иностранных граждан являются так называемой группой риска, т. е. официально трудовую деятельность не ведут. Хотя, по официальным данным, трудовые мигранты составляют не более 7% занятого населения, в настоящее время существуют регионы, где наличие иностранной рабочей силы может заметно влиять на этнический и профессиональный состав населения.

Дальневосточный федеральный округ, несмотря на небольшую численность (на 1 января 2013 г. чуть более 6,2 млн чел.), является достаточно привлекательным территориальным образованием для внешней миграции. В первую очередь это связано с тем, что демографический кризис правительство страны пытается преодолеть за счет мигрантов из ближнего зарубежья. В мае 2013 г. Д. Медведев подписал распоряжение № 848-р «Об утверждении перечня территорий приоритетного заселения». В перечень вошли Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Республика Бурятия, Забайкалье, Амурская, Иркутская, Магаданская и Сахалинская области, а также Еврейская автономия, т. е. восемь территориальных образований ДФО и часть Сибирского федерального округа. Динамика мигрантов в ДФО за 2000–2012 гг. представлена в табл. 3.

Таблица 3

Динамика мигрантов ДФО за 2000–2012 гг., чел.*

Показатель	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Число прибывших, всего	158 009	113 900	115 489	93 872	96 875	187 335	232 140
В том числе из стран дальнего и ближнего зарубежья			9 701	7 152	5 815	17 923	17 738
Удельный вес, %	–	–	8,4	7,6	6,0	9,6	7,6
Число выбывших, всего	193 761	135 499	134 688	111 791	124 319	205 101	252 021
В том числе в страны дальнего и ближнего зарубежья			2 690	2 100	2 820	3 309	5 544
Удельный вес, %	–	–	2,0	1,9	2,3	1,6	2,2
Сальдо миграции	–35752	–21599	–19 199	–17 919	–27 444	–17 766	–19 881
В том числе из стран дальнего и ближнего зарубежья	–	–	7 011	5 052	2 995	14 614	12 194

* Составлено по данным статистических сборников Приморского края и УФМС по Приморскому краю, а также по: [2; 3].

Налицо рост числа прибывших в ДФО. Так, в 2012 г. по сравнению с 2000 г. число прибывших увеличилось на 74 131 чел., или на 47%. Однако, несмотря на рост данного показателя, в ДФО наблюдается устойчивая тенденция отрицательного сальдо общей миграции. Так, с 2008 по 2013 г. регион потерял 102 209 чел., или 1,6% населения. В то же время неуклонно растет число прибывших в ДФО из стран ближнего (страны СНГ) и дальнего зарубежья. Миграционный приток из стран ближнего и дальнего зарубежья в 2012 г. увеличился почти в 2 раза по сравнению с 2008 г. За эти пять лет численность прибывших мигрантов составила 58,3 тыс. чел., из которых 61% пришелся на 2011–2012 гг. [4]. При этом ежегодно наблюдается положительное сальдо миграции данной категории населения – суммарно за указанные пять лет число прибывших превысило число выбывших на 41 866 чел. (рис. 2).

Как показал проведенный авторами анализ, в ДФО наибольшая доля иммигрантов из стран СНГ приходится на выходцев из Армении (19,3%), Узбекистана (16,4%), Украины (13,8%), Казахстана (12,3%) и Таджикистана (11,5%).

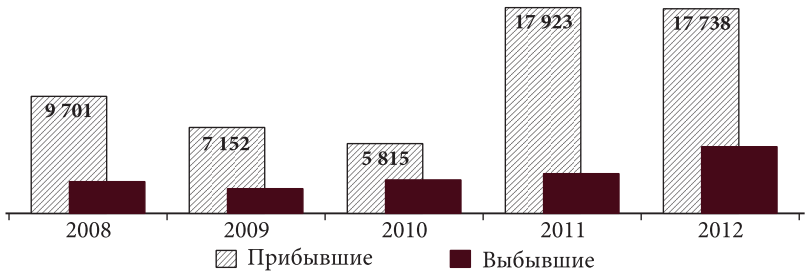


Рис. 2. Динамика международной миграции в ДФО за 2008–2012 гг., чел.[1]

На постоянное место жительства в 2012 г. в ДФО приехало из других федеральных округов 45,7 тыс. чел.; число покинувших округ составило 81,8 тыс. чел. (табл. 4).

Таблица 4

Межрегиональная миграция населения Дальневосточного ФО по территориям прибытия и выбытия, чел.

Федеральный округ	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012
Прибыли в ДФО							
Центральный	6359	4118	3962	3612	3488	6617	8865
Северо-Западный	2405	1596	1501	1484	1487	2335	4061
Южный	3606	2297	2320	2093	2091	4183	6007
Северо-Кавказский	1419	1103	1339	1088	1064	2074	2550
Приволжский	5020	3413	3408	2968	2839	5301	6269
Уральский	2215	1440	1329	1145	1108	2212	2785
Сибирский	11542	8568	7977	6793	6626	12587	15181
Выбыли из ДФО							
Центральный	21641	14345	14975	12934	15177	19170	22953
Северо-Западный	6453	4193	5435	4710	5794	8712	11437
Южный	8621	5819	7129	5889	7459	12002	14259
Северо-Кавказский	2042	1260	1508	1430	1618	1924	2370
Приволжский	10558	5766	5396	4873	5590	7527	8640
Уральский	4087	3594	2488	2032	2285	3240	3837
Сибирский	15716	9823	11115	10286	11218	15115	18273

Составлено по: **[2; 4]**.

Межрегиональный отток увеличился на 11,3% к предыдущему году. Сохраняются тенденции, характеризовавшие потоки межрегиональных миграций, сложившихся еще в начале 1990-х годов, ориентированных с востока в центр и на юго-запад России. Жители Дальнего Востока уезжают, в основном, в другие субъекты Центрального (28,1% общего числа выбывших в другие округа), Сибирского (22,3%) и Южного (17,4%) федеральных округов, а прибывают из Сибирского (33,2% общего числа прибывших из других округов), Центрального (19,4%) и Приволжского (13,7%) федеральных округов. Темпы прибытия внутрироссийских мигрантов в 2012 г. составили 129,5%, а выбытия – 120,8%, однако абсолютное число выбывших превысило число прибывших, что в сумме составило отток 36,1 тыс. чел.

Самой густонаселённой территорией ДФО является Приморский край. В 2012 г. поток мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья, зарегистрированных

[1] Составлено по: **[5]**.

в Приморском крае по месту пребывания на срок девять месяцев и более, составил 10,2 тыс. чел., или 57,6% численности всех прибывающих в ДФО (в 2011 г. 38,5% соответственно). До 2005 г. основными зарубежными иммигрантами в Приморском крае были граждане КНР. Однако в последнее время наблюдается тенденция более активного, по сравнению с китайским, потока мигрантов из Средней Азии как в Россию в целом, так и в частности на Дальний Восток и в Приморский край. По данным Приморскстата, поток мигрантов в Приморский край из Закавказья увеличился за семь последних лет в 14,7 раза, из стран Средней Азии – в 20 раз. Это связано, в первую очередь, с поисками работы и лучших условий жизни по сравнению с возможностями своей страны и стран ближнего зарубежья. Оседают выходцы из республик бывшего Союза в основном в городах Владивосток, Уссурийск, Находка, Артём, а также в Октябрьском, Уссурийском, отчасти Ханкайском районах. Занимаются они преимущественно строительством, работают в сфере ЖКХ, неофициальной торговле. Незарегистрированные в УФМС считаются незаконными мигрантами (по некоторым данным, таковых в Приморье 4 тыс. чел.), они подрабатывают в сфере общественного питания, на пляжах и других местах отдыха, устраиваются разнорабочими на рынках, дачах, выполняют ремонт и уборку квартир. Наибольшая доля иммигрантов с 2006 г. приходится на жителей Узбекистана. В 2011 г. максимальная численность иммигрантов приходилась именно на них (23,6%), а также на иммигрантов из Китая (17,5%) и Киргизии (11,5%) (рис. 3).

Рис. 3. Число иммигрантов, прибывших в Приморский край в 2011 г., чел.[1]

Миграция оказывает влияние не только на численность населения края, но и на его качественную структуру (возрастно-половой состав, уровень образования и т. д.). Так, население высокого социального и профессионального уровня частично замещается мигрантами с низким образовательным уровнем и квалификацией, которые занимаются преимущественно неквалифицированным трудом.

Из-за отсутствия в России эффективной миграционной политики, позволяющей регулировать образовательный, профессиональный состав иммигрантов и оценивать влияние миграционных процессов на социально-экономическое развитие региона, перспективы развития территориальных образований Дальневосточного федерального округа остаются достаточно неопределенными.

Таким образом, выявленные особенности миграционных процессов на Дальнем Востоке диктуют необходимость совершенствования миграционной политики Российской Федерации и разработки инфраструктурных инструментов, обеспечивающих эффективное управление миграционными потоками. Уместно напомнить о проекте, суть

[1] Составлено по: [4].

которого заключается в создании инфраструктуры управления иностранной рабочей силой с размещением взаимосвязанных элементов на сопредельных территориях иностранных государств (в частности, КНР). В рамках проекта может быть создана база данных предприятий, готовых воспользоваться иностранной рабочей силой. Партнеры по проекту смогут определять крупные компании на местном уровне, готовые участвовать в реализации проекта. Компаниям, входящим в состав так называемого объединения, будет предложено подписать декларацию о намерениях относительно использования рабочей силы. В долгосрочной перспективе должны будут прилагаться усилия по вовлечению в объединение все большего количества местных компаний и компаний российского Дальнего Востока. Сетью компаний могут формироваться заявки, на основе которых будет проводиться подбор работников за рубежом.

В основу методологии реализации проекта закладываются следующие факторы:

- геостратегический характер постановки целей и задач проекта;
- кросскультурный контекст взаимоотношений;
- специфика глобализационных процессов в регионе (в частности, в КНР);
- специфика современной экономики, а также мирового и регионального рынков труда.

В практической деятельности будут использованы методики cross-cultural training. Особую значимость приобретает разработка методических материалов для культурной адаптации и профессионального обучения мигрантов, что вызвано значительными различиями российской культуры и культуры стран Восточной Азии.

За основу должна быть принята концептуальная установка на то, что уровень развития человеческого капитала (знаний, умений, творческих способностей) определяет общее состояние экономики и ее конкурентоспособность, потенциал страны к росту.

Основу методологии может составить опыт как стран Азиатско-Тихоокеанского региона (например, таких как Сингапур, Бруней, Новая Зеландия, Австралия), так и европейских (послевоенная Германия, Франция).

Целенаправленное использование потенциала трудовых ресурсов соседних стран будет способствовать росту экономики и сокращению социальной напряженности и криминализации сферы миграции, что, в свою очередь, поможет снизить враждебность к представителям наций соседних стран и улучшить взаимоотношения между государствами.

Источники

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. : в 14 т. / Федер. служба гос. статистики. М. : ИИЦ «Статистика России», 2005. Т. 14.

2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. : в 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013.

3. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Режим доступа: http://www.fedstat.ru/indicator/data.do.

4. Миграция населения Приморского края: стат. бюллетень / Приморскстат. Владивосток, 2012.

5. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 г. / Федер. служба гос. статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_107/Main.htm.

СУРНИНА Надежда Матвеевна

Доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой статистики, эконометрики и информатики

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 251-96-39
e-mail: decane@usue.ru

КОЗЛОВА Мария Александровна

Аспирант кафедры статистики, эконометрики и информатики

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 251-96-39
e-mail: kozlova_mary@mail.ru

Проблемы статистико-эконометрического оценивания деятельности культурных индустрий на региональном уровне[1]

Ключевые слова: статистические методы; эконометрические методы; региональная экономика; культурные индустрии; региональное развитие; статистика культуры.

Анализируется ситуация, складывающаяся при сборе и представлении статистических данных по сфере культуры и культурным индустриям. Проводится компаративный анализ современного и советского механизмов репрезентации статистики культуры, отражающих развитие сферы культуры на региональном уровне.

Сформированная в начале 1930-х годов система статистических показателей по сфере культуры и на современном этапе считается во многом эталонной: набор данных изменился незначительно. На региональном уровне наличие обширной информационной базы по статистике культуры особенно важно для оценки прямого влияния этой сферы на развитие экономики региона в целом. По мнению А. И. Татаркина, Е. Г. Анимицы, в настоящее время региональная экономика как сложноорганизованная научная дисциплина вовлекает в сферу своих интересов не только комплексы различных типов пространственно-региональных рынков товаров и услуг, но и социальную инфраструктуру, в частности сферу культуры [1].

С середины 1990-х годов в формы статистической отчетности по развитию организаций культуры были добавлены финансовые показатели, в том числе цены на билеты. Последних показателей не могло быть в советской статистике в силу того, что один из базовых постулатов советской идеологии говорил об отсутствии в экономике инфляции, а следовательно, и статистика цен была не нужна. По той же причине при отсутствии индексов-дефляторов нельзя сравнивать стоимостные показатели 1930–1980-х и 1990–2000-х годов. И это можно считать неустранимой проблемой статистического оценивания деятельности культурных индустрий в компаративной плоскости.

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №13-32-01028 «Фрактальные структуры в социально-экономическом пространстве макрорегиона».

© Сурнина Н. М., Козлова М. А., 2014

В отличие от современной ситуации, связанной с постоянным порождением аргументов в пользу необходимости финансовой поддержки культурных индустрий, советские органы управления представляли себе, какое влияние оказывает культурная сфера на инновационное развитие общества. Наглядный тому пример кроется не в специально разработанных концепциях, а в статистических сборниках «Культурное строительство» [2; 3], где отсутствовали даже методологические пояснения: наряду с разделами «Культурно-просветительные учреждения», «Искусство» и «Печатная продукция», в которых собраны данные о библиотеках, клубах, музеях, театрах, кино, цирках, а также о выпускаемых книгах и периодике, в сборник включены показатели по общеобразовательным школам, детским садам и по высшим учебным заведениям. Кроме того, к культурному строительству также относили процессы, происходящие в научной сфере (данные по научным учреждениям, научным работникам и аспирантам). Первоначально методология статистического наблюдения как таковая описывалась, но уже в сборниках 1970-х годов можно найти краткие определения некоторых показателей.

Заслуживает внимание тот факт, что все статистические данные по сфере культуры до 1990-х годов собирались и публиковались как единое целое. Сегодня при обращении только к какому-либо одному источнику, будь то книга или электронный ресурс, получить исчерпывающую информацию в цифрах о результатах деятельности культурных индустрий невозможно. Нельзя не сказать о единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС), главным преимуществом которой является представление данных в разрезе субъектов РФ, что не всегда можно обнаружить в публикациях о социально-экономическом развитии России. Такая тенденция была характерна и для второй половины 1980-х годов, когда базовые показатели по культуре были представлены только общей цифрой по РСФСР. В то же время ЕМИСС может предоставить короткий временной ряд с 2005 или 2007 г., а также в нее загружен очень ограниченный круг показателей. К примеру, данные о финансировании учреждений культуры, о средней заработной плате в ней отсутствуют.

В силу большой дифференциации культурного регионального развития среднее (или общее) значение по РФ – малоинформативный показатель. И дифференциация касается не только деления на два города федерального значения и остальные территории. При необходимости статистико-эконометрического оценивания деятельности культурных индустрий в региональном разрезе приходится обращаться к следующим тематическим сборникам: «Печать РФ в цифрах за… год», «Музеи и зоопарки РФ в цифрах за… год», «Общедоступные библиотеки РФ в цифрах за … год», «Театры РФ в цифрах за… год», «Концертные организации и коллективы, цирки в цифрах за ... год».

Кроме них в 1997–2001 гг. издавался сборник «Финансовые средства театров, концертных организаций и коллективов Министерства культуры РФ за … год», а сегодня выпускается справочник обобщающего характера «Численность и заработная плата в учреждениях культуры и организациях культуры, искусства и кинематографии РФ в цифрах за… год».

Благодаря реализации целевых программ, в том числе по культуре и информатизации, в свет вышла серия статистико-аналитических сборников под общим названием «Культура России» [4; 5]. Но если в первых выпусках была представлена исходная статистическая информация в табличном виде с последующим комментариями, то начиная с 2010 г. публикации оказались сугубо аналитическими [6; 7], поэтому использовать данные из них было бы затруднительно.

В силу того, что организация сбора и обработки определенных данных в Росстате и отраслевых министерствах является государственным заказом, отношение к определенной сфере и значимость с точки зрения политической элиты является решающим фактором в создании статистической базы. Культурные индустрии оказались

в ситуации, когда «воспринимались властью как необходимый знак принадлежности к цивилизованному миру, как фактор престижа, ценность которого лежит прежде всего в духовной плоскости и является лишь бременем для экономики» **[8. С. 178]**.

Это нашло свое отражение в правовом статусе сферы культуры и ее финансировании государством: законопроект «О культуре в Российской Федерации» так и не принят. Хотя возлагать надежды на кардинальное изменение в культурных индустриях с его принятием не стоит, он призван определять культуру в соответствии с международными программными документами: «совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков, ценностей, традиций и верований, находящих выражение в образе жизни, искусстве и литературе» **[9. С. 266]**. Таким образом, целью законопроекта является изменение отношения общества и властных (ведомственных) структур к значению сферы культуры. Кроме того, появляется понятие «культурное разнообразие», определяемое в соответствии с Всеобщей декларацией ЮНЕСКО о культурном разнообразии как «неповторимости и многообразии форм культуры» **[10]**. В остальном, что касается понятийного аппарата, этот законопроект повторяет «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г.

Реализация тех задач, которые ставит перед собой государство в рамках культурной политики, невозможна без определения финансирования деятельности институтов культурной сферы. Так, в законе 1992 г. статья 45 касалась государственного финансирования с указанием конкретных сумм (в процентах). Но с начала 2000-х годов эта норма не применялась, так как «не обеспечивалась соответствующими бюджетами», а затем утратила силу из-за принятого закона о монетизации льгот **[11. С. 46]**. Новый закон «О культуре в Российской Федерации» также содержит статью о государственном финансировании, но, как отмечает В. Ю. Музычук, «возвращение в текст законопроекта нормы о бюджетном финансировании культуры как основы реализации государственных гарантий сохранения и развития культуры без указания конкретных механизмов финансового обеспечения по существу ничего не меняет, закрепляя за культурой как „ресурсом инновационного развития“ пресловутый остаточный принцип ее финансирования» **[11. С. 49]**.

Другим административным барьером для формирования полноценной системы статистических показателей деятельности культурных индустрий становится разная подведомственность департаментов, занимающихся сбором информации по изданию книг, журналов и газет, по деятельности театров, библиотек, музеев, концертных организаций.

На уровне регионов реализуется еще более конкретная инициатива, предложенная Министерством культуры РФ, она заключается в формировании так называемого паспорта культурной жизни каждого региона, который ежегодно формируется согласно разработанному шаблону. Главным преимуществом этого документа является систематизация информации, порой очень скудной, по отдельному субъекту Российской Федерации, специфика данных определяется принадлежностью программы Министерству культуры. Например, они не включают в культурную жизнь рынок печатной продукции (статистика печати аккумулируется Российской книжной палатой), телевидение и радио (подведомственны Федеральному агентству по печати и массовым коммуникациям). Таким образом, паспорт культурной жизни региона по сути не является документом о региональном развитии культурных индустрий (но мог бы стать частью соответствующих ежегодных докладов), и в большей мере это связано с разрозненностью инициатив отдельных министерств и ведомств.

На рисунке представлена схема изменений во времени системы органов управления в сфере культуры. Несколько реорганизаций за последнее десятилетие в рамках административной реформы продиктованы во многом все теми же несоответствиями

в определении полномочий и обязанностей между министерствами, а также между министерствами и федеральными агентствами. Так, реформа 2004 г. показала свою несостоятельность из-за дублирования полномочий самого министерства и его структурных подразделений. В результате через четыре года эта система была реформирована: ликвидировано Федеральное агентство по культуре и кинематографии, а все вопросы, связанные с рынком печатной продукции и СМИ, переданы в Министерство связи и массовых коммуникаций.

Хронология изменения институциональной структуры органов управления в сфере культуры на федеральном уровне

Приходится признать, что презентация итогов деятельности культурных индустрий не считается достаточно важной, поэтому использовать панельные данные (panel data) для статистико-эконометрического анализа крайне затруднительно, в частности, из-за того, что во временном ряду будут образовываться лаги. Однако статистического анализа недостаточно для исследования регионального развития культурных индустрий. Само по себе определение основных тенденций в динамике и распределении (или перераспределении) долей в общем объеме производства или оказания услуг не создает достаточного количества аргументов для политиков и потенциальных спонсоров, а именно они в конечном итоге принимают решение о необходимости вложения финансовых средств.

В статистических методах для учета факторов регионального развития используют композитные индексы, набор показателей в которых отражает системность отличий регионов. Так, по методологии, разработанной международными организациями для сравнения стран по уровню развития, для субъектов РФ был рассчитан индекс

человеческого развития (ИЧР). На первых местах оказались Москва и Санкт-Петербург – значения индекса 0,931 и 0,887 соответственно. Среди регионов, занимающих места в первой десятке, пять субъектов расположены в Сибири и на Дальнем Востоке: Тюменская, Сахалинская, Томская области, Красноярский край и Республика Саха. Их попадание на эти места не случайно, так как одной из трех компонент для расчета ИЧР является индекс дохода, в основе которого лежит ВВП на душу населения (наряду с индексом долголетия и индексом образования) **[12. С. 153]**. Этот метод позволяет сравнивать регионы по уровню развития в них культурных индустрий при использовании существующих показателей.

Применение методов эконометрики для решения этой задачи гораздо эффективней. Построение моделей с выявлением значимых катализаторов регионального развития позволяет перевести сферу культуры в целом и культурные индустрии в частности в ранг отрасли, стимулирующей положительные трансформации в региональных экономических системах. В региональных исследованиях эта гипотеза считается одной из ключевых **[13]**.

Источники

1. Татаркин А. И., Анимица Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // Экономика региона. 2012. № 3.

2. Культурное строительство СССР. 1935. М. : ЦУНХУ Госплана СССР, 1936.

3. Культурное строительство СССР : стат. сб. М. ; Ленинград : Госпланиздат, 1940.

4. Культура России: аналит. справ. / под ред. В. С. Малышева. М. : КДУ, 2004.

5. Культура России : информ.-аналит. сб. М. : ГИВЦ Роскультуры, 2008.

6. Культура России. Образ России в меняющемся мире. 2011 : информ.-аналит. сб. М. : ГИВЦ Минкультуры России, 2011.

7. Культура России. Актуальные задачи духовного возрождения России. 2012 : информ.-аналит. сб. М. : ГИВЦ Минкультуры России, 2012.

8. Кирнарская Д. К. Роль художественного образования в становлении креативной экономики // Культура России. Актуальные задачи духовного возрождения России. 2012 : информ.-аналит. сб. М. : ГИВЦ Минкультуры России, 2012.

9. Астафьева О. Н. Культурная политика России: рамки теории и пространство практики // Культура России. Актуальные задачи духовного возрождения России. 2012 : информ.-аналит. сб. М. : ГИВЦ Минкультуры России, 2012.

10. О культуре в Российской Федерации : законопроект № 617570-5 (находится на рассмотрении в Государственной Думе РФ). Режим доступа: http://asozd.duma.gov.ru.

11. Музычук В. Ю. Должно ли государство финансировать культуру? М. : Ин-т экономики РАН, 2012.

12. Устойчивое развитие: вызовы Рио. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации, 2013. Режим доступа: http://www.undp.ru.

13. Анимица Е. Г., Иваницкий В. П., Пешина Э. В. В поисках новой парадигмы регионального развития. Екатеринбург : УрО РАН, 2005.

РОМАТ Евгений Викторович

Доктор наук государственного управления, профессор,
заведующий кафедрой маркетинга и рекламы

Киевский национальный торгово-экономический университет
02156, Украина, г. Киев, ул. Киото, 19
Контактный телефон: +38 (044) 531-48-37
e-mail: romatev@i.ua

ТОЛСТОНОГ Виктор Вячеславович

Аспирант кафедры государственного управления и менеджмента

**Национальная академия государственного управления
при Президенте Украины**
03057, Украина, г. Киев, ул. Эжена Потье, 20
Контактный телефон: +38 (044) 455-69-53
e-mail: tolstonog@ukr.net

Полисемия понятия «потребитель» в сфере защиты потребительских прав

Ключевые слова: государственное управление; потребитель; защита прав потребителей; экономический подход; социологический подход; маркетинговый подход; правовой подход.

Рассматривается многозначность понятия «потребитель» и основные подходы к нему: экономический, социологический, маркетинговый и правовой (в законодательных и подзаконных нормативных актах). Авторами предлагается собственный подход к пониманию сущности понятия «потребитель» в системе теории государственного управления. Анализ проводится с целью совершенствования системы защиты прав потребителей со стороны органов государственного управления.

Понятие защиты прав потребителей в современных условиях имеет множественное значение, в значительной степени это объясняется системным комплексным характером данного процесса и его различными аспектами. Рассмотрим подробнее основные методологические подходы теории государственного управления к категориям, имеющим отношение к защите прав потребителей, и начнем с анализа понятий «потребитель» и «права потребителей».

Следует отметить, что категория «потребитель» является одновременно предметом изучения многих наук: экономической теории, социологии, права, маркетинга, товароведения, психологии и др. Высокий уровень важности этой категории косвенно доказывает факт выделения в процессе развития теоретического знания специальной науки «Поведение потребителей».

В широком смысле понятие «потребитель», согласно «Толковому словарю» Д. М. Ушакова, означает: «Потребитель, чел. род: 1. Лицо или организация, потребляющие продукты чьего-либо производства; ант. производитель (экон.) 2. То же самое, что покупатель. Товар рассчитан на массового потребителя» [1. С. 178].

Немаловажную роль играет понятие «потребитель» в экономической теории. В качестве объекта исследования в этой области наук потребитель, как некий субъект потребления, включен в процесс общественного материального воспроизводства рыночной экономики, он существует в определенной экономической ситуации, имеет развитые интеллектуальные способности и обладает в силу этого специфическими

© Ромат Е. В., Толстоног В. В., 2014

формами экономического поведения. Исследование характеристик потребителя и его поведения начинается в экономическом дискурсе еще со времен А. Смита **[2]**. Впоследствии они подробно исследовались представителями марксистской, австрийской, кембриджской, американской и других школ. В частности, экономические проблемы потребителя анализируются в работах К. Маркса, К. Менгера, Ф. фон Визера, Э. фон Бем-Баверка, Дж. Б. Кларка, А. Маршалла и др. **[3–6 и др.]**.

Исследования роли потребителя в реализации экономических процессов продолжаются в работах современных ученых, представляющих неоклассическое направление экономики. Они изучают поведение так называемого «экономического человека» (потребителя, предпринимателя, наемного работника), который стремится максимизировать доход и минимизировать затраты. Представителями направления экономической теории, исследовавшими потребительскую проблематику, следует назвать в первую очередь П. Самуэльсона, В. Нордхауза, Дж. Сломана, К. Р. Макконнелла, С. Л. Брю и других ученых **[7–9 и др.]**.

Анализ показывает, что представители экономической науки акцентируют внимание прежде всего на роли потребителя как носителя спроса, его участии в процессах ценообразования, нацеленности на потребление и др. Показательным в этом плане является определение понятия «потребитель», которое дает ученый, работающий в области экономической теории, А. А. Мамалуй: «Потребитель как субъект рыночных отношений – это человек, который стремится к максимальному удовлетворению потребностей путем потребления полезных качеств экономических благ и услуг с учетом существующих ограничений в доходах и ценах» **[10. С. 133]**.

Имеет свои особенности подход к понятию «потребитель», используемый в маркетинговой теории. Так, авторитетная в мире общественная профессиональная организация маркетологов Американская маркетинговая ассоциация (AMA) дает следующее определение: «Традиционно это конечный пользователь товаров, идей и услуг. Однако этот термин может быть также использован, чтобы иметь в виду покупателя или лицо, принимающее решение о покупке, а также окончательного потребителя. Мать, покупая еду для потребления ее малышом, часто называется потребителем, несмотря на то, что она, возможно, не является конечным пользователем» **[11]**.

Как совершенно справедливо замечает признанный классик маркетинга Ф. Котлер: «Потребитель – самый важный человек, когда-либо переступавший порог вашего офиса. Потребитель не зависит от вашего существования. Мы полностью зависим от него. Потребитель – это не помеха в нашей работе. Он ее предмет. Мы не делаем ему одолжение, обслуживая его. Это потребитель предоставляет нам большую честь, давая нам возможность помочь ему… Наша работа сводится к тому, чтобы удовлетворить его потребности с выгодой для компании» **[12. С. 59]**.

Можно также отметить, что понятие потребителя (клиента) в маркетинге связывается с анализом потребительского поведения. Как отмечают Ф. Котлер и Г. Армстронг: «Потребительское поведение индивидуального потребителя (consumer buyer behavior) – поведение конечного потребителя (физического лица или домохозяйства), который покупает товары и услуги для личного потребления. Взятые все вместе, эти конечные потребители создают потребительский рынок (consumer market)» **[13. С. 261]**. Как видим, гуру маркетинга отводят потребителю центральную позицию в системе управления рыночной деятельностью. При этом сам рынок определяется в маркетинговой теории как совокупность существующих и потенциальных потребителей.

Согласно маркетинговому подходу, потребители входят в число основных четырех типов участников рынка вместе с посредниками, конкурентами и микромаркетинговой средой. Известный бельгийский ученый-маркетолог Ж.-Ж. Ламбен указывает: «Конечные потребители фирмы (покупатели, пользователи и плательщики) с их меняющимися потребностями и ожиданиями, которые необходимо удовлетворить с помощью

надлежащей привлекательной маркетинговой программы» **[14. С. 323]**. Характеристики потребителя, особенности его потребностей в конце концов определяют параметры всей системы управления маркетингом. Именно покупательским поведением потребителя определяются основные требования к товарной, ценовой, сбытовой и коммуникационной политикам субъектов маркетинга, составляющих понятие «комплекс маркетинга».

Подавляющая часть современных научных исследований потребителей приходится именно на маркетинговую практику, на тематику покупательского поведения потребителей. Как следствие, в мире развивается широкомасштабная индустрия исследований поведения потребителей. Например, еще в 1974 г. была создана североамериканская Ассоциация изучения потребителей (Association for Consumer Research – ACR), которая впоследствии трансформировалась в мощную международную организацию. Ассоциацией издается ряд журналов, самый известный из которых – научно-практический «Journal of Consumer Research» («Журнал исследований потребителей»), проводятся международные научные конференции, реализуются научно-исследовательские проекты и т. п. **[15]**.

С точки зрения анализа системы защиты прав потребителей остро актуальным представляется также социологический аспект понятия категории «потребитель». Эта проблематика стала особенно популярной в исследованиях ученых-социологов в связи с активным изучением так называемого «общества потребления» начиная с середины XX века. Основателем этого направления исследований в социологии считается немецкий социолог и философ Э. Фромм. Среди других известнейших исследователей общества потребления можно назвать Ф. Аккермана, Ж. Бодрийяра, Д. Дж. Бурстина, Г. Маркузе, В. В. Радаева и др. **[16–21 и др.]**.

Социологические исследования показывают, что процесс потребления в условиях общества потребления становится настолько важным с точки зрения социума и его членов, что именно через потребление определенных товаров индивидуум реализует свои основные духовные ценности и даже свою личность.

Например, Э. Фромм в своей классической работе «Иметь или быть?» отмечает: «Утверждение „Я [субъект] обладаю О [объектом]“ – это определение „Я“ через мое владение „О“. Субъект – это не „я как таковой“, а „я как то, что я имею“. Моя собственность создает меня и мою индивидуальность» **[16. С. 55]**.

Характеризуя общество потребления, французский социолог и философ Ж. Бодрийяр отметил: «Существует сегодня вокруг нас своего рода фантастическая очевидность потребления и изобилия, основанная на умножении богатств, услуг, материальных благ, и составляет род глубокой мутации в экологии человеческого рода. Собственно говоря, люди в обществе изобилия окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько объектами потребления» **[18. С. 7]**.

Кстати, эта объективно-субъективная ситуация активно реализуется в практике популярной концепции бренд-менеджмента. Один из ведущих мировых специалистов в этой сфере Т. Гэд в числе измерений бренда называет социальное. Сущность бренда сводится к тому, что он воспринимается человеком с точки зрения способности идентифицировать себя с определенной общественной группой **[22. С. 21]**.

Российский ученый В. И. Ильин, работающий в области социологии потребления, характеризует социологическую сущность потребителя таким образом: «Потребитель рассматривается как индивид, конструирует свою социальную идентичность с помощью норм, правил и ресурсов своего общества, группы» **[23]**. Иными словами, согласно положениям теории общества потребления, индивид, существующий в определенной социальной среде, определяет и даже формирует свое место в обществе именно через самоидентификацию себя как потребителя. Взаимосвязь потребителя с обществом также подчеркивают ученые-социологи В. Е. Пилипенко, Е. О. Гансова,

В. С. Казаков: «С позиции экономической социологии потребитель – это носитель потребительской силы, потребительского отношения, который воспроизводит их через поддержку процесса собственной жизнедеятельности» **[24. С. 144]**.

Интересной и практически актуальной нам представляется точка зрения Н. Г. Любимовой, которая изучает поведение потребителей именно с социологических позиций. По ее справедливому замечанию: «От конечного потребителя нужно отличать покупателей-производителей и посредников. Логика их поведения совершенно иная, ее нельзя изучать одновременно с поведением конечных потребителей. Клиент – это тот, кто покупает товары или услуги определенной компании. Понятия потребителя (*англ.* consumer) и клиента (*англ.* customer) очень близки. Отличие заключается в том, что клиент – это потребитель продукции определенной фирмы. Клиент – конкретная разновидность потребителя» **[25. С. 8]**.

Таким образом, можем сделать вывод, что социологический аспект понятия «потребитель» акцентирует внимание на общественном аспекте потребления, в условиях общества потребления во многих случаях служит средством самореализации индивидуума через выполнение им своей роли как потребителя. Не делая попытки оценить подобное положение вещей с позиций этики, мы должны отметить еще одно подтверждение огромной роли, которую играют процесс потребления и его субъекты – потребители в современном обществе.

Серьезное значение для анализа имеют также правовые аспекты категории «потребитель». Следует отметить, что юридические трактовки понятия «потребитель» являются одними из самых распространенных. Достаточно подробно анализируется данная категория в работах таких представителей юридической науки, как И. А. Дудла, В. А. Зверева, Л. М. Иваненко, А. И. Клименко, С. А. Косинов, Я. Р. Матвийчук, А. С. Осетинская, С. Ю. Панасюк, А. П. Письменная, В. Е. Телипко и др. **[26–32 и др.]**.

Так, коллектив авторов учебно-практического пособия «Юридический путеводитель потребителя» под руководством В. Е. Телипко дает такое определение: «Потребитель – каждый человек, получающий товары и услуги, пользующийся ими для своих нужд и по собственному усмотрению. В одних случаях законодательство называет потребителями только физических лиц, в других – включает в их число также юридические лица. В ряде случаев законодатель акцентируется лишь на одном, конкретном виде товаров или услуг, в других случаях дает обобщенное определение» **[29. С. 13]**.

Правовой подход в определении и толковании понятия «потребитель» мы находим также в текстах многих законодательных актов Украины.

Анализируя законодательные акты, в первую очередь обратимся к тексту ст. 1 профильного Закона Украины «О защите прав потребителей»: «Потребитель – физическое лицо, которое приобретает, заказывает, использует или намеревается приобрести или заказать продукцию для личных потребностей, непосредственно не связанных с предпринимательской деятельностью или выполнением обязанностей наемного работника» **[33]**. Подобное толкование содержит и действующая редакция Закона РФ «О защите прав потребителей» **[34]**.

К разработке данного понятия присоединились и органы судебной власти, в частности Конституционный суд Украины. Этот высший судебный орган в своем решении № 15-рп/2011 (дело № 1-26/2011 от 10 ноября 2011 г.) фактически подтвердил толкование, данное в базовом Законе **[35]**.

Заметим, что специфику именно правового подхода определяет в значительной степени тот факт, что в работах подавляющего большинства авторов-юристов используется значение, прописанное в профильном Законе Украины «О защите прав потребителей». Так, тождественные с текстом закона определения потребителя дают в своих работах И. А. Дудла **[26. С. 14]**, Л. М. Иваненко **[27. С. 28]**, А. А. Мазараки, А. Н. Язвинский, Л. В. Николаева **[36. С. 14]** и др.

Достаточно разнообразное содержание вкладывается в понятие «потребитель» в законодательных актах, которые регулируют отношения в различных сферах экономической и социальной жизни государства. Так, трактовки данного термина в законах Украины «О жилищно-коммунальных услугах», «О химических источниках тока», «Об основах функционирования рынка природного газа» и других законодательных актах разнятся. Анализ показывает, что понятие «потребитель» в трех упомянутых выше законодательных актах включает уже не только физические, но и юридические лица.

Понятие «потребитель» определяется в разного рода подзаконных актах, созданных регуляторными органами исполнительной власти и субъектами, которые непосредственно продают товары и оказывают услуги. Также различаются между собой определения потребителя, представляемые в подзаконных актах центральных органов государственной исполнительной власти. Подобная коллизия объясняет расхождения в понятиях «потребитель», которые содержатся в документах различных центральных органов исполнительной государственной власти.

Но основным выводом, что вытекает из имеющихся разногласий в толковании понятия «потребитель», можно считать такое положение. Множественность указанных типов источников, где определяется понятие «потребитель», и большое количество толкований могут быть объяснены не только насущной актуальностью проблем защиты прав потребителей, но и разнообразием систем, в которых используется это понятие. Это также объясняется спецификой субъектов, предоставляющих товары и услуги, и значительными расхождениями в способах потребления. Конечно, это определяет большую специфичность основных, принципиально важных характеристик потребителей, разные уровни ответственности сторон и т. п. Разнообразие подходов к пониманию сущности понятия «потребитель», используемых в указанных законах и подзаконных актах, ставит перед нами задачу в дальнейшем исследовании провести анализ существующих и сформировать государственно-управленческий подход к определению понятия «потребитель».

Если же формировать и формулировать соответствующую категорию науки государственного управления, то, как показывают результаты анализа научных источников, актов законотворчества и подзаконных актов, эту категорию следует рассматривать прежде всего в системе взаимоотношений «государство – гражданин».

Основная сущность отношений государства и его гражданина достаточно справедливо еще в 1930-е годы была описана известным российским социологом И. А. Ильиным: «Призвание государства состоит в том, чтобы при любых условиях обращаться с каждым гражданином как с духовно свободным и творческим центром сил, ибо труд и создание этих духовных центров составляют живую ткань народной и государственной жизни. Никто не должен быть исключен из государственной системы защиты, заботы и содействия, и в то же время все должны иметь возможность работать и творить по своей свободной, творческой инициативе» **[37. С. 266]**.

По нашему мнению, государственно-управленческое понимание понятия «потребитель» значительно шире, чем все подходы в рамках отдельных наук, рассмотренные выше. Даже ближайший по своим сущностным характеристикам правовой подход не описывает весь комплекс специфических особенностей и перечень отношений государства и граждан, выступающих в роли потребителей.

Внесем некоторые уточнения в понятие «потребитель», которое будет использоваться нами в дальнейшем исследовании. Как мы могли убедиться в результате предварительного анализа, большинство авторов в качестве потребителей рассматривают покупателей товаров, которые приобретают их для собственного потребления. Отдельные же нормы и подзаконные акты распространяют определение потребителя и на юридические лица, приобретающие товары для нужд производства. Важно также отметить, что к потребителям относят юридические лица (производителей и торговых

посредников) и некоторые нормы законодательства в странах Европейского союза **[26; 30; 31 и др.]**. Можно согласиться с тем, что юридические лица могут выступать в роли покупателей не только сырья, комплектующих деталей, топлива и т. д. Более того, предприятия могут приобретать потребительские товары для своих сотрудников (например, холодильники, телевизоры в офисы, легковые автомобили и т. п.). Несмотря на это, в дальнейшем мы будем рассматривать потребителя именно как физическое лицо, социального индивида, приобретающего товары для собственного использования, не связанного с производственной деятельностью.

Основные аргументы в пользу этого решения следующие:

а) практика приобретения потребительских товаров юридическими лицами не являются преобладающей и составляет весьма незначительную долю в объемах продаж и потребления указанной группы товаров по сравнению с объемами продаж потребительских товаров гражданам-потребителям;

б) юридические лица, как правило, имеют значительно большие возможности по защите своих интересов как потребителей в плане наличия в штате предприятий профессиональных юристов, финансового потенциала и т. д. Даже нарушение их потребительских прав, как правило, не приводит к ощутимым потерям в масштабах предприятий, как это имеет место у потребителей-граждан;

в) основная доля законодательных актов, регулирующих в Украине вопросы защиты прав потребителей, в качестве потребителя прямо определяют именно гражданина. В первую очередь это касается профильного Закона Украины «О защите прав потребителей».

Потребитель – это участник социально-экономических отношений, который в первую очередь заинтересован в отстаивании своих потребительских прав. В системе защиты прав потребителей потребитель занимает уникальное место. В работе одного из соавторов данной статьи указывается: «Потребитель является центральным элементом государственной потребительской политики, объединяя в себе характеристики субъекта и объекта этой политики» **[38. С. 44]**. Исторический опыт свидетельствует, что потребитель является не только последним звеном в системе рыночных отношений, но и наиболее уязвимым ее звеном. Его уязвимость и относительная слабость во взаимодействии с другими участниками определяется следующими основными факторами:

1) интересы производителей и торговых посредников всегда защищают профессионалы (юристы, маркетологи, рекламисты и т. д.). Потребитель-гражданин является единственным непрофессиональным участником этих отношений;

2) потребитель-гражданин, как правило, обладает меньшим объемом ресурсов, чем другие участники производственно-потребительских отношений;

3) потребитель вынужден защищать свои права в свободное от своей профессиональной деятельности время. При этом его потенциальные оппоненты могут использовать временной ресурс своих наемных работников в рабочее время.

Главным компенсирующим фактором этой позиции потребителя в системе указанных отношений является то, что он может обращаться за помощью к другим субъектам потребительской политики, прежде всего в органы государственной власти и общественные организации, защищающие права потребителей.

Важным моментом в анализе потребителя как активного элемента системы защиты прав потребителей является признание факта, что права и функции влияния на отношения в сфере потребления потребитель получает еще до фактического участия в процессе потребления, на этапе выбора, что закреплено Законом Украины «О защите прав потребителей». Это означает, что гражданин становится потребителем еще до того, как он приобрел товар или услугу в личную собственность. Система регулирования прав потребителей начинает действовать с того момента, когда «физическое лицо, которое приобретает, заказывает, использует или намеревается приобрести или заказать

продукцию для личных нужд» [33], находится еще на предшествующих акту покупки стадиях. Потенциальный покупатель приобретает права потребителя уже тогда, когда он только изучает информацию о наличии товаров и начинает процедуру выбора. Эта характеристика потребителя является, бесспорно, важной для нашего исследования системы защиты прав потребителя на предприятиях розничной торговли.

Таким образом, определяя понятие «потребитель» с точки зрения теории государственного управления, можно предложить такое его понимание: «Потребитель – это гражданин государства, субъект и носитель основных гражданских прав, реализуемых в индивидуальном потреблении товаров или услуг (или юридическое лицо, потребляющее определенные товары или услуги для реализации своей деятельности), процессы потребления которых находятся в сфере влияния государственного управления через механизмы выполнения государством своих основных функций».

Источники

1. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл. ; ОГИЗ, 1938. Т. 3.

2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : ЭКСМО, 2007.

3. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1960.

4. Менгер К., Бём-Баверк Э., Визер Ф. Австрийская школа в политической экономии / сост. В. Автономов. М. : Экономика, 1992.

5. Кларк Дж. Б. Распределение богатства. М. : Гелиос АРВ, 2000.

6. Маршалл А. Принципы экономической науки. М. : Прогресс, 1993.

7. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. М. ; Киев : Вильямс, 2008.

8. Сломан Дж. Экономикс / пер. с англ. под ред. С. В. Лукина. 5-е изд. СПб. : Питер, 2005.

9. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. М. : ИНФРА-М, 2003.

10. Мамалуй О. О., Гриценко О. А., Гриценко Л. В. Основи економічної теорії: навчальний посібник. К. : Юрінком Інтер, 2006.

11. Consumer // Dictionary / American Marketing Association. URL: http://www.marketingpower.com/_layouts/Dictionary.aspx?dLetter=C.

12. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент : экспресс-курс : пер. с англ. СПб. : Питер, 2001.

13. Котлер Ф., Армстронг Г. Основы маркетинга : пер. с англ. 12-е изд. М. : Вильямс, 2009.

14. Ламбен Ж.-Ж., Чумпитас Р., Шулинг И. Менеджмент, ориентированный на рынок. 2-е изд. СПб. : Питер, 2010.

15. What is ACR / Association for Consumer Research. URL: http://www.acrwebsite.org.

16. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. Э. М. Телятниковой. М. : АСТ ; Астрель, 2010.

17. Ackerman F. Overview Essay // E. Goodwin, F. Ackerman, D. Kiron (eds.). The Consumer Society. Washington : Island Press, 1997.

18. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 1999.

19. Бурстин Д. Дж. Сообщества потребления // Thesis. 1993. Т. 1.

20. Маркузе Г. Одномерный человек. М. : REFL-book, 1994.

21. Радаев В. В. Экономическая социология. М. : ГУ-ВШЭ, 2005.

22. Гэд Т. 4D брендинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики. СПб. : Стокгольм. шк. экономики в С.-Петербурге, 2001.

23. Ильин В. И. Социология потребления. Режим доступа: http://consumers.narod.ru/lections/introduction.html.

24. Экономическая социология : учеб. пособие / В. Е. Пилипенко, Э. А. Гансова, В. С. Казаков и др. К. : МАУП, 2002.

25. Любимова Н. Г. Поведение потребителя : учеб. пособие. Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2004.

26. Дудла І. О. Захист прав споживачів: навчальний посібник. К. : Центр учбової літератури, 2007.

27. Іваненко Л. М. Правове регулювання захисту прав споживачів: навчальний посібник. К. : КНТЕУ, 2008.

28. Матвійчук Я. Р. Споживач як об'єкт цивільних правовідносин // Митна справа. 2012. № 2.

29. Юридичний путівник споживача: навч.-практ. посіб. / В. Е. Теліпко, С. Ю. Панасюк, О. І. Клименко та ін.; за заг. ред. В. Е. Теліпко. К. : Центр учбової літератури, 2010.

30. Косінов С. А. Теоретичні проблеми захисту прав споживачів в Україні за договором купівлі-продажу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Х., 1999.

31. Осетинська Г. А. Захист прав споживачів: проблеми розвитку законодавства України. К. : Ін-т законодавчих передб. і правової експ., НДІ прив. права і підприємництва, 2002.

32. Письменна О. П. Політика Європейського Союзу щодо захисту прав споживачів). Режим доступа: http://archive.nbuv.gov.ua/.../2012_46/Pusmenna.pdf.

33. Про захист прав споживачів : Закон України № 3161-IV (3161-15) від 1 грудня 2005 р.

34. О защите прав потребителей : Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1.

35. Рішення Конституційного Суду № 15-рп/2011 від 10 листопада 2011 р. (справа № 1 26/2011 від 10 листопада 2011 р.).

36. Захист прав споживачів: соціально-правовий аспект / А. А. Мазаракі, О. М. Язвінська, Л. В. Ніколаєва та ін. К. : Вид-во КНТЕУ, 2002.

37. Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч. : в 10 т. М., 1994. Т. 3.

38. Ромат Є. В. Теоретико-методологічні основи та основні напрями реалізації споживчої політики в системі державного управління // Споживча політика в системі державного управління: навч.-метод. посіб. / за заг. ред. К. О. Максименко, О. В. Овчарук, Н. Г. Протасової. К. : Тютюкін, 2009.

ЧЕРНОВ Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент кафедры
общей и экономической истории

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (908) 903-86-95
e-mail: chernovandr@yandex.ru

Социализм как синтез церковно-государственных отношений

Ключевые слова: социализм; государство; церковь; христианство; иудаизм; ислам; советский социализм; новый социализм.

Раскрывается религиозно-философское понимание феномена социализма с позиций христианства, иудаизма и ислама. Общинно-коллективистская сущность указанных религий констатируется как главная предпосылка формирования социалистических отношений. Общинность, возведенная до уровня государства и руководимая государством, становится социализмом. Статья содержит указания на некоторые трудности предстоящего социалистического ренессанса, необходимость которого давно назрела в российском обществе.

Как известно, еще с советских времен в массовом сознании закрепилась мысль о несовместимости таких категорий, как «религия» и «социализм». Главными причинами возникновения указанного стереотипа являются, по мнению автора, не столько теоретико-догматические расхождения государственной идеологии и христианского вероучения, сколько политическая борьба между церковью и государством, имевшая место в непростых условиях XX века. Именно обстоятельства острой внутриполитической борьбы, особенно в период начала построения социализма, во многом обусловили трагичность церковно-государственных и, как следствие, религиозно-социалистических отношений.

Церковь в лице большинства своих иерархов и преобладающей массы верующих благосклонно отнеслась к Февральской революции 1917 г. и свержению монархии. Это выражалось не только в славословии Временного правительства и скором забвении царственного семейства, но и в прямой поддержке буржуазно-демократических преобразований, проводимых новой властью. Однако по отношению к Октябрьской революции и молодому Советскому государству церковь заняла сначала недоверчивую, а затем и откровенно враждебную позицию. Естественно, со временем эта конфронтация усиливалась по той причине, что церковь стала прямо или косвенно поддерживать антибольшевистские силы. Таким образом, конфликт между церковью и государством имел в своей онтологической основе именно политическую составляющую.

Феномен политики *a priori* предусматривает институт дипломатии, т. е. возможность ведения переговоров. Советское государство могло бы «закрыть глаза» на идейно-теоретические расхождения с церковью, если бы получило взамен определенные гарантии (например, отказ от поддержки ею белого движения). Однако, как известно, православная церковь, что называется, «с головой» ушла в политику, поддерживая во время Гражданской войны многих сторонников тогдашних оппозиционных сил. Учитывая неумолимую логику борьбы за власть, после того как Советское правительство покончило с «белыми» и внешней интервенцией, оно сразу же направило всю свою мощь против церкви. Тем самым осуществлялось не столько возмездие, сколько

© Чернов А. В., 2014

наносился превентивный удар по наиболее вероятному политическому противнику. И, как мы понимаем, в драме церковно-государственных отношений ушедшего столетия было много вины и самой церкви.

Социально-философские последствия идеологического противостояния церкви и государства были огромными. Прежде всего, в сознание советских граждан надолго вошла мысль о несовместимости религиозных убеждений и социалистических принципов. К такому выводу подталкивал тот факт, что практически все идейные основатели научного коммунизма были атеистами, отрицавшими приоритет духовного над материальным и, как следствие, искавшими ключ к решению социального вопроса исключительно в предметной деятельности человека. Как пишет О. И. Ходаковская, «атеизм Маркса (и не только он, а материализм в целом), подхваченный Лениным, был не органичен для социалистической (коммунистической) практики в России. Возможно, что именно он ее и погубил» [1]. С этим тезисом полностью согласен А. И. Молотков: «В самом начале своего концептуального оформления социализм был развернут и использован Марксом и его единоверцами как орудие в борьбе с христианством. И эта „родовая травма" социализма предопределила весь трагизм дальнейшей его истории» [2. С. 163]. Именно в этом идеологическом конфликте автор статьи усматривает первопричину национальной катастрофы 1991 г., когда советский социализм вполне созрел, так сказать, до своего «крещения», но был искусственно разрушен. В итоге христианизация советского социализма так и не состоялась, несмотря на органичность и закономерность этого процесса.

В непростой и драматичной истории церковно-государственных отношений XX века было совершено немало ошибок (причем, как мы отмечали выше, и со стороны церкви). В итоге проиграли все: и общество, и советское государство, и православная церковь, которая теперь вынуждена приспосабливаться к изменчивой конъюнктуре рынка и постепенно, но неуклонно окунаться в коммерциализацию. В отдаленной перспективе можно будет говорить вообще об апостасии русского православия, т. е. его отходе от изначальной догматической чистоты. Поэтому сегодня, как никогда ранее, нужны усилия для общественного, политического, экономического и культурного синтеза религиозных убеждений (в России – православных в первую очередь) и социалистических идеалов. Эмпирически это будет выражаться в социализации церкви и одновременной христианизации государства.

Продуктивный синтез религии и социализма возможен лишь в случае, если перестать отделять институт церкви от государства. Однако в наши дни это звучит вызывающе реакционно. Но стоит непредвзято взглянуть на историю церковно-государственных отношений, как станет ясно, что существует целый спектр моделей взаимодействия, самой известной из которых является «симфония властей» императора Юстиниана I, символично выраженная им в виде двуглавого орла. Представляется, что в наиболее полной и совершенной форме церковно-государственные отношения проявились в советский период, однако место церкви тогда прочно заняла коммунистическая партия. Если церковь есть совокупность индивидов, объединенных религиозным учением, то партия – совокупность индивидов, объединенных политической идеологией. Вероучение есть официальная доктрина церкви, а идеология – официальная доктрина партии. Следовательно, с философской точки зрения, нет принципиальных отличий церкви от партии.

СССР был вообще уникальным государством. Стоит напомнить, что фактическим главой государства в советский период являлся не руководитель, который возглавлял законодательную власть (сначала ВЦИК, после 1946 г. – Президиум Верховного Совета), как это имеет место во всех парламентских системах. И даже не тот, кто возглавлял исполнительную власть (сначала СНК, после 1946 г. – Совет министров), что характерно для всех президентских республик. Главой Советского государства всегда выступал

Генеральный секретарь ЦК КПСС, т. е. лидер партии (сначала РСДРП (б), затем РКП (б), потом ВКП (б) и, наконец, КПСС), что указывает на теократический характер советской системы. Таким образом, СССР по сути являлся теократическим государством, официальной церковью которого была коммунистическая партия.

Социальная сущность института церкви заключается в формировании особой общины верующих, в консолидации разрозненных индивидов в единое социальное целое. Первые христиане жили общинами, чему способствовал комплекс внешних и внутренних условий – от необходимости воплощать на практике евангельские заветы до элементарного страха перед враждебным окружением. О социальной структуре раннего христианства в канонических книгах Нового завета говорится прямо: «Все же верующие были вместе и имели всё общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде всякого» (Деян. 2:44–45); «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё было у них общее. Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деян. 4:32–36).

Таким образом, христианские общины были не только религиозными институтами, но и самостоятельными хозяйствующими субъектами. Эта тенденция в дальнейшем достигла своей кульминации в практике построения монастырей, которые, с экономической точки зрения, являлись полностью автономными хозяйственными единицами. С распространением секулярных процессов, а также под воздействием либеральных взглядов происходил постепенный отказ от идеи церковного социализма. Сегодня даже такое словосочетание, как «христианский социализм», полностью дискредитировано внутри церкви, а его концептуальная разработка считается уделом немногих маргиналов, не способных приспособиться к стихии рынка.

Однако даже многие идейные критики христианства высоко отзывались о феномене христианского социализма. Так, Ф. Энгельс писал: «Социализм, в той мере, в какой он был тогда возможен, действительно существовал и даже достиг господства – в лице христианства… Христианское учение содержит в себе социалистическую тенденцию ... черта эта проходит через все Средневековье ... чтобы вновь возродиться у рабочих-коммунистов» [3]. Или другой пример. Апологет неолиберализма Л. фон Мизес писал, что либеральная идеология является глубоко индивидуальной, эгоцентричной, а социалистическая идея – целиком и полностью коллективистской, общинной [4]. В данных фрагментах весьма четко прослеживается мысль о том, что социализм как коллективная форма бытия людей был некогда органически присущ христианству.

Конструктивные взгляды иногда присущи даже непримиримым церковным критикам социализма. Например, протоиерей Всеволод Чаплин, глава Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества, рассуждает следующим образом: «Любой нравственный кодекс, возникший в контексте христианской культуры, – а даже русский коммунизм возник в контексте христианской культуры, – отражает евангельские нравственные максимы. Нет ничего удивительного в том, что любые этические построения, которые родились в контексте русской культуры – даже в каком-то смысле русский атеизм! – неотделимы от христианского нравственного идеала. Не случайно те атеисты, с которыми я встречался в советское время и встречаюсь сейчас, в душе не могут расстаться с христианскими нравственными правилами. И в этом отличие русского атеизма и русского коммунизма от тех западных умопостроений, которые тотально отрицают идею неоспоримых нравственных норм» [5].

Подобное отношение к совместному быту, коллективному труду и распределению обязанностей внутри общины наблюдается сегодня в израильских кибуцах и мошавах.

Г. Брюггеман и М. Вайдингер пишут: «В Израиле сегодня существует 270–280 кибуцев. Если к этому прибавить вышеупомянутые мошавы и другие свободные товарищества, то окажется, что подавляющее большинство сельского населения Израиля живет в товариществах или непосредственно в кооперативных поселениях. При этом кибуцы и мошавы дают до 70% сельскохозяйственной продукции страны» [6]. Что бы ни говорили защитники рыночной экономики о ее эффективности (см., например: [7. С. 15]), коллективные хозяйства демонстрируют не только отличную производительность, но, что, может быть, даже важнее, воспитанность и дисциплинированность своих членов, их готовность всегда помочь друг другу.

Дело в том, что природно-климатические условия Израиля, будучи крайне неблагоприятными для земледелия, способствуют коллективному ведению хозяйства. Аналогичные проблемы характерны и для многих северных стран, включая Россию. Только бичом сельского хозяйства в них являются не жаркий климат и песчаные почвы, а наоборот, крайне низкие температуры. Тем не менее, как пишет один современный российский предприниматель, «Финляндия и Швеция – страны с рискованным, как и в России, земледелием, однако же отрасль там процветает, а доля сельхозкооперативов доходит до 60–70%» [8. С. 108]. Если учесть, что основными земледельческими ячейками русского общества всегда были крестьянские общины и монастырские подворья, а в недавнем прошлом – колхозы и совхозы, то существует и объективный смысл вернуться к коллективным формам сельского труда в России, тем более, что удачный опыт ряда государств свидетельствует об экономической целесообразности коллективного труда в условиях рискованного земледелия.

Схожее отношение к религиозно-трудовым организациям (уммам) наблюдается еще в одной авраамической религии – исламе. Ислам, как и раннее христианство, изначально формировался в виде изолированных общин. По этому поводу К. Армстронг пишет: «В первые годы своей миссии Мухаммад привлек немало новообращенных из числа молодежи, разочаровавшейся в торгашеских традициях Мекки. Среди последователей пророка было много неимущих и угнетенных, включая женщин, рабов и членов захудалых родов… Правоверные убеждены, что их судьба – созидание угодного Богу справедливого общества… Важнейшими общественными добродетелями стали братство и социальная справедливость» [9. С. 165, 180]. Во многом именно этим и объясняется факт частого построения социальной государственности в исламских странах, т. е. создания там государства, обеспечивающего всем и каждому достойный уровень жизни. При этом крайне важно отметить, что социальное государство на Востоке является государством религиозным, а в ряде случаев – даже теократическим.

Если церковь сегодня не сделает шаг в сторону социализма, т. е. не пойдет навстречу своей изначальной социальной сущности, то рынок как конкурентная система ценностей и убеждений рано или поздно ее уничтожит. Фундаментальная причина вражды между капитализмом и религией состоит в стремлении рынка самому стать религией и завладеть человеческими душами. Мировоззренческие расхождения между ними огромны. Так, церковь видит предназначение человека в том, чтобы быть рабом Божиим и в этом рабстве найти истинную свободу. Рынок же видит предназначение человека в том, чтобы быть рабом капитала и получить иллюзию свободы в форме безграничного потребления на личном уровне и в форме буржуазной демократии – на общественно-политическом. Таким образом, церковь и рынок принципиально не совместимы по причине их острой конкуренции за господство в ментальном пространстве. Известный евангельский сюжет о том, как Иисус Христос изгоняет торговцев из храма, красноречиво это подтверждает (Мф. 21:12–13; Мк. 11:15–19; Лк. 19:45–48; Ин. 2:13–16), причем настолько, что все четыре апостола-евангелиста заостряют на нем свое внимание. Стоит отметить еще один немаловажный момент: это был тот единственный случай, когда Иисус Христос применил силу для подтверждения своих слов. Многие авторы, как из

числа богословов прошлого, так и современных исследователей, видели в данном сюжете огромную опасность сребролюбия и ростовщичества. Сегодня же – это локомотивы мировой экономики...

Обратиться к идее социализма Русская Православная Церковь в большинстве случаев до сих пор не может. Пока не понятно, в чем заключается причина отказа от социализма со стороны главной государственной религии в России, – возможно, что и из-за незаживающих ран, полученных в XX столетии. Однако представляется, что ситуация намного сложнее и, скорее всего, отчасти заключается в финансовой заинтересованности иерархов церкви, которые за два последних десятилетия успели превратиться в крупных собственников. Эту же мысль проводит известный ученый-экономист В. Ю. Катасонов: «Изгоняя торговцев и менял из храма, Христос бросал вызов иудейской верхушке, которая фактически организовала под крышей Иерусалимского храма торгово-ростовщический бизнес и баснословно на этом бизнесе богатела» **[10]**. Тем не менее факт остается фактом: после того как знамя борьбы за социальную справедливость выпало из рук Советского Союза, его до сих пор так никто и не поднял.

Мы стоим на тех позициях, что сегодня в российском обществе складываются объективные предпосылки для социалистического ренессанса. Это, кстати, частично подтверждает и проведенное авторами среди студентов нашего вуза специальное исследование **[11]**. Чем заметнее продвигаются либерально-рыночные реформы, тем большие деформации в нравственном поле они производят, тем сильнее деградирует наше общество и тем более девальвирует человеческая личность. Сегодня человек попросту обесценивается и превращается в функциональный элемент рыночного механизма, в придаток капитала. Поэтому, как нам представляется, всё более вызревает необходимость построения нового социалистического общества. Новый социализм, на наш взгляд, должен идеологически очень серьезно отличаться от своей предыдущей версии – старого советского социализма – и не должен нести в себе ошибки прошлого. На смену «ветхому социализму» должен прийти «новый социализм», построенный на крепком религиозном фундаменте и традиционных духовно-нравственных ценностях.

В заключение укажем на методологическую применимость гегелевской диалектики к истории русского социализма. «Если теоретически представить христианское (православное) прошлое России как некий исторический „тезис“, то советскую эпоху со всеми ее атрибутами можно будет назвать социалистическим „антитезисом“. А по суровому закону диалектики выходит, что наше общество впереди ждет конструктивный синтез и „отрицание отрицания“, что на социально-экономическом и социально-политическом уровне проявится как христианский социализм» **[12. С. 14]**. И хочется верить, что история со временем докажет правоту подобных высказываний.

Источники

1. Ходаковская О. И. Христианский социализм: да или нет? Режим доступа: http://www.rospisatel.ru/hodakovskaja.htm.

2. Молотков А. И. Миссия России: православие и социализм в XXI веке. СПб. : Русский остров, 2008.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961. Т. 22.

4. Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война / под ред. А. В. Куряева ; пер. с англ. К. Г. Пинскера ; коммент. В. В. Кизилова. Челябинск : Социум, 2006.

5. Чаплин В. Коммунизм и Библия похожи? // Московский комсомолец. 2013. № 26415.

6. Брюггеман Г., Вайдингер М. Израильский кибуц – модель альтернативного социализма? Режим доступа: http://www.avtonom.org/sites/default/files/store/bruggeman,vaidinger-izrailskii_kibyc.pdf.

7. Эрхард Л. Благосостояние для всех / пер. с нем., авт. предисл. Б. Б. Багяряцкий, В. Г. Гребенников. М. : Начала-Пресс, 1991.

8. Куряхов М. А. Бизнес по-деревенски // Национальный прогноз : информ.-аналит. журн. 2012. № 27.

9. Армстронг К. История Бога: 4 000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе : пер. с англ. 4-е изд. М. : АНФ, 2012.

10. Катасонов В. Ю. Об изгнании Христом торговцев и менял из храма. Режим доступа: http://www.pereprava.org/jurnal-pereprava-article/1321-ob-izgnanii-hristom-torgovcev-i-menyal-iz-hrama.html.

11. Чернов А. В. Vox populi: социально-философское исследование материалов студенческих работ. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2013.

12. Чернов А. В. Философские и религиозные основания социальной государственности в России // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2012. № 6 (44).

МАТВЕЕВА Алла Ивановна

Доктор философских наук, профессор кафедры философии

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон:(343) 251-96-11
e-mail: matveevaa2011@yandex.ru

САРАНЧИН Юрий Константинович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул.8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 251-96-11
e-mail:philos@usue.ru

Институциализация социального партнерства в современной России

Ключевые слова: социальный институт; разделение труда; организация; системность; нормативность; социальное партнерство; партнерские отношения.

Рассмотрены теоретико-методологические подходы отечественных и зарубежных ученых к исследованию феномена социального партнерства. Раскрыта сущность институционального направления в исследовании проблемы социального партнерства. Утверждается, что институциализация общественных процессов становится необходимым условием существования и развития различных сфер общества, а информационная асимметрия является причиной деструкций в системе социальных взаимосвязей между участниками социального партнерства.

Институциональное направление в исследовании проблемы социального партнерства предполагает его трактовку как специфического социального института. В связи с этим необходимо, прежде всего, определиться с теоретико-методологическими подходами к исследованию феномена социального партнерства в системе социальных отношений и трактовкой самого понятия «*социальный институт*».

Институциональная теория изначально возникла и развивалась как оппозиция традиционным теоретико-методологическим подходам в гуманитарных исследованиях. Главное направление институционального анализа было связано со стремлением преодолеть прежний формализм в толковании сущности социальных отношений. Известно, что М. Вебер связывал необходимость институционального анализа социальных отношений с социальным (общественным) разделением труда. Характеризуя отличия *социального* разделения труда от *технического*, он выделял в нем два типа: разделение труда между *автономными* и полностью *самостоятельными* субъектами деятельности [1. С. 63–64].

В связи с этим и система отношений между разными субъектами деятельности может рассматриваться в двух аспектах – как *конкуренция* и как *партнерство*. В современной литературе также отмечается, что «определяющей причиной возникновения, функционирования и развития социальных институтов выступает потребность процесса разделения труда, а в более общем плане – процесса дифференциации человеческой деятельности и общественных отношений» [2. С. 166–167].

© Матвеева А.И., Саранчин Ю.К., 2014

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на обстоятельство, которое упускают из виду многие исследователи истории и теории институционализма. Процесс общественного разделения труда может осуществляться либо стихийно, либо планомерно. Представители прежнего институционализма и современной неоинституциональной теории исходят именно из стихийного характера процесса общественного разделения труда. Поэтому возникновение социальных институтов они объясняют двояко, считая, что, с одной стороны, такие институты появляются вроде бы стихийно, вслед за стихийным процессом общественного разделения труда, а с другой – трактуются как результат сознательной практики людей, что опровергает первый тезис. Поэтому институциональному анализу изначально присуща некоторая дихотомия в определении природы происхождения социальных институтов,

Осознанное и планомерное регулирование процесса общественного разделения труда в настоящее время уступило место стихийному его развитию. Глобальная конкуренция, ставшая едва ли не главным фактором развития системы социальных отношений и определяющая тип (конкурентный) социального взаимодействия, а также институт частной собственности, – вот два ключевых фактора, детерминирующих современное состояние и содержание большинства социальных институтов. Это сказывается и на характере институционального анализа, включая понимание сущности социальных институтов.

Существует ряд теоретико-методологических подходов к трактовке понятия «социальный институт». Первый связан с их пониманием как некоей *целостности* разноуровневых компонентов, включая субъект деятельности, предмет деятельности, ее средства и результаты. Такое расширительное понимание социальных институтов затрудняет выявление критериев, которые позволяют конституировать социальные явления в качестве социального института. Второй подход можно назвать атрибутивным, поскольку его представители пытаются выделить некий интегративный критерий, свойственный всем социальным институтам и позволяющий отличить социальные институты как таковые от других социальных образований. В качестве интегративного критерия используются такие атрибуты, как организация, системность, нормативность и т. д.

В западной литературе под институтами подразумеваются «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» **[3. С. 17]**.

Отечественные ученые трактуют социальные институты как «организованную систему связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества» (см., например: **[4. С. 143]**).

Различают *формальные* и *неформальные* социальные институты: «К формальным институтам относят законы, писаные правила; к неформальным – обычаи, неписаные нормы и общепринятые условности» **[5. С. 65]**. При этом почему-то не выделяют зрелые социальные институты и незрелые, т. е. такие, которые только еще находятся в стадии формирования. В условиях перехода общества от одной социально-политической и социально-экономической системы к другой подобные «переходные» формы социальных институтов являются наиболее распространенными, а их незрелый характер обусловливает противоречивость и достаточно острую конфликтность развития «переходных» обществ.

Само понятие «институционализм» ввел в научный оборот в 1918 г. У. Гамильтон, который определял социальный институт как «распространенный способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп и обычаев народа». Тем самым изначально социальный институт трактовался как *неформальная* норма поведения людей, обусловленная традициями, обычаями и привычками. Эту идею развил другой американский исследователь – экономист и социолог Т. Веблен в книге «Теория праздного

класса. Экономическое изучение институтов» (1899), в которой рассматривалась проблема естественного отбора институтов. Институт праздного класса – рантье – описывается автором как естественное проявление законов хищнического паразитизма, задерживающее (тормозящее) развитие общества [6]. Важно отметить, что социальный институт в трактовке Веблена представляет собой такое социальное образование, которое может играть как положительную, так и отрицательную роль в развитии общества. При этом появление новых социальных институтов и отмирание старых автор объяснял социальными причинами.

Вместе с тем, еще начиная с трудов представителей американского институционализма, в литературе различаются понятия «*институт*» и «*институция*». Под «*социальным институтом*» все чаще начинают понимать некие структуры, социальные образования, создаваемые и функционирующие на основе общих (базовых) интересов и потребностей их участников. Главное отличие такой трактовки социальных институтов состоит в их субъектном понимании и объективации. Под «*институциями*» же подразумевают определенные правила и нормативные установки, которые выступают в качестве мотивов деятельности социальных образований. При этом «институция» может быть объективирована, хотя сама по себе она бессубъектна. Так, Н. Смелзер отмечал: «Одной из важных черт института является его соответствие социальной потребности. Люди, видимо, не могут существовать без коллективных объединений-общностей и обществ, которые сохраняются в течение длительного времени. Эта тенденция, наверное, обусловлена биологической зависимостью людей друг от друга, преимущественно сотрудничеством и разделением труда в целях выживания по сравнению с усилиями отдельных индивидов, а также друг с другом на основе символической коммуникации» [7. С. 79].

Однако вряд ли можно согласиться с «биологической» трактовкой сотрудничества и разделения труда, которую предлагает Н. Смелзер.

«Коллективистские» объединения-общности могут складываться и на базе различных интересов и потребностей, по принципу дополняемости. К тому же далеко не все социальные образования складываются в силу сугубо биологической зависимости между людьми. Распад семей и массовые разводы как раз свидетельствуют о недостаточности одних только физиологических или биологических оснований для сохранения таких социумов. Да и вряд ли достаточным для понимания их природы и сущности было бы называть семьи или коллективы, социальные группы или государственные структуры только *социальными институтами*. Поэтому, с нашей точки зрения, более последовательной и перспективной в научном плане выглядит понимание социального института как системы ценностей (ценностных ориентаций), определяющих деятельность тех или иных общностей людей. За рамками таких ценностей любые социальные образования могут рассматриваться лишь как социальные образования, но не *социальные общности*. Именно фактор общности (полного единства или частичного совпадения и т. д.) превращает то или иное социальное образование в социальный институт, а его организация служит лишь условием его функционирования, подобно тому как система кровообращения или организация высшей нервной деятельности является условием жизнедеятельности человека.

В. Ванберг в своей книге «Правила и выбор в экономической теории» предложил интересную классификацию социальных институтов («правил игры»). Правила поведения он разделил на: 1) наследуемые; 2) естественно данные и 3) приобретенные, передаваемые через культуру. Последние, в свою очередь, он подразделил на: а) личностные и б) социальные, а социальные правила – на формальные и неформальные. К разряду формальных правил автор относил «частное» и «общественное» (публичное) право. Однако, как справедливо отмечает Р. Нуреев, эта классификация не лишена недостатков: «Ограниченность этой классификации проявляется в том, что она не показывает

взаимосвязь и взаимовлияние различных типов правил. Реальная жизнь богаче этой схемы, поскольку правила постоянно изменяются, модифицируются, а не находятся в застывшем состоянии. Например, неформальные социальные нормы формализуются, закрепляются в праве; не подкрепленные санкциями формальные правила трансформируются в неформальные и т. д.» (цит. по: **[8. С. 56]**). Тем самым обращается внимание на переходный (трансформационный) характер многих социальных институтов.

Обратимся к нормативной стороне вопроса, а именно к нормативной основе такого социального института, как социальное партнерство. В общем виде данный феномен обладает всеми необходимыми атрибутами социального института. В его структуре можно выделить субъект, объект и саму связь. Очевидно, что социальное партнерство есть некая общность людей. Вместе с тем за социальной формой следует усматривать и конкретное содержание, которое состоит в определенных нормах (правила) социального взаимодействия всех участников системы социального партнерства. Сегодня понятие «социальное партнерство» является во многих отношениях новым и мало изученным. И это, безусловно, негативно сказывается на практическом решении вопросов, связанных совершенствованием трудовой и социальной политики.

В Трудовом кодексе РФ дано следующее определение понятия «социальное партнерство»: «Социальное партнерство – система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» **[9]**. Очевидно, что это определение весьма размыто, неконкретно и, с научной точки зрения некорректно, поскольку предполагает включение неких «*иных*» отношений. Отношения между адвокатами работодателей и работников никак не могут считаться непосредственно социальным партнерством. Кроме того, «направленность на обеспечение согласования» отнюдь не тождественна согласованности как таковой.

Существует и несколько иное понимание сути социального партнерства. Так, авторы известного словаря-справочника рассматривают понятие социального партнерства как «специфический тип общественных отношений, присущих цивилизованному обществу с рыночной экономикой» **[10. С. 47]**. Однако специфику социального партнерства как системы общественных отношений они не раскрывают.

Крайне проблематичным выглядит и определение социального партнерства как «специфического типа общественных отношений между социальными группами, слоями, классами, общностями», как «процесса создания единого социокультурного пространства, в котором обитают разные субъекты, согласные, невзирая на различие интересов, соблюдать общие „правила игры“, партнерские отношения» **[11. С. 48]**. В этом определении акцентируется различие интересов, но остается неясной сама основа системы социального партнерства – тех общих «правил игры», которые принимают акторы, имеющие различные интересы.

В целом на сегодняшний день существует два подхода к определению социального партнерства – «широкий» и «узкий». «Широкий» связан с трактовкой социального партнерства как способа социального взаимодействия в целом, а не только в сфере социально-трудовых отношений. «Узкий» подход, наоборот, предполагает, что социальное партнерство характеризует только сферу социально-трудовых отношений и не распространяется на иные сферы социального взаимодействия.

В последние годы в литературе появилась новая концепция социального партнерства – «межсекторное социальное партнерство». Недостатком этой концепции, на наш взгляд, является организационный фетишизм. Сторонникам данной концепции представляется, что социальное партнерство как таковое возможно только между *организованными* (в определенные социальные группы) участниками системы.

Неорганизованные субъекты (например, индивидуальные предприниматели, надомные работники, даже иждивенцы) вроде как бы и не могут быть участниками социального партнерства. «Межсекторное социальное партнерство – это конструктивное взаимодействие организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социальных проблем, обеспечивающее синергетический эффект от „сложения" разных ресурсов и „выгодное" каждой из сторон и населению» **[12. С. 15]**.

Однако и данный подход остается весьма формализованным, поскольку конкретные границы между разными секторами национальной экономики, культурными образованиями (например, представителями субкультур) или в политической сфере весьма размыты, а в условиях глобализма и быстро меняющейся структуры общества «секторный» подход остается на уровне локальной социализации и не отражает высший общественный уровень. Это своего рода упрощенный подход, сторонники которого абстрагируются от реального многообразия модульностей социального партнерства и сводят сам феномен к некоей искусственной схеме.

Во многих исследованиях российских авторов по данной проблематике *социальное партнерство* понимается как сугубо *цивилизованный* вид общественных отношений (см., например: **[13]**). Рассматривая данный феномен как порождение цивилизации вне культурного контекста, С. А. Иванов вообще относит его исключительно к социально-трудовой сфере, построенной на согласовании и защите интересов работника, работодателей, органов власти и местного самоуправления путем достижения соглашения по проблемам социально-экономического и политического развития. Вместе с тем известно, что способы такого согласования могут быть принципиально различными: в одних случаях они «культурные», а в других – нет. Согласовывать свои интересы с интересами других можно и с помощью насилия, обмана или самого неприкрытого давления на контрагента. Практика выборных компаний, например, свидетельствует о таких случаях, когда обещания не выполнялись, результаты подтасовывались, а на избирателей оказывалось давление. Чаще всего уповают на развитие практики контрактных (договорных) отношений. Например, один из наиболее известных разработчиков теории оптимального контракта С. Соссье считает контрактацию едва ли не универсальным способом согласования интересов всех участников системы социального партнерства; при этом он игнорирует принципиально различные стартовые условия, в которых находятся договаривающиеся стороны.

Большая часть соглашений между работодателями и работниками в наших условиях относится все-таки к условным контрактам, причем контракты часто не исполняются или носят сугубо формальный характер. Возможности работника влиять на содержание и характер таких контрактов крайне невелики, в отличие от работодателей, да к тому же многие законы являются условными и не исполняются часто из-за отсутствия финансирования или по иным обстоятельствам. Важно учитывать распространенную в нашем обществе асимметрию информирования участников хозяйственных процессов, которая также является причиной разрушения трудовых отношений и в целом деструкций в системе социальных взаимосвязей между различными участниками системы социального партнерства. Так, сужение ареала социального партнерства на фоне расширения культурно-исторического контекста или укрепления межсубъектных связей (взаимосвязей) при существенном сокращении численности субъектов вполне может вызвать коллапс системы социального партнерства. Однако эта проблема до сих пор не обозначена в современной литературе.

Как представляется, мы находимся в начале долгого пути научного осмысления и практического освоения социального партнерства как особого интегративного феномена, результаты которого существенно влияют на социальную и культурную динамику, а шире – на динамику (политическую, экономическую и т. д.) развития общества.

Источники

1. Кравченко А. И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М. : На Воробьевых, 1997.

2. Андреев Ю. П. Социальные институты // Философская жизнь Урала. Проблемы общей и социальной онтологии / под ред. В. И. Кашперского. Екатеринбург : Изд-во УГТУ-УПИ, 1999.

3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Фонд экон. кн. «Начала», 1997.

4. Якимец В. Н., Никовская Л. И., Коновалова Л. Н. Межсекторное социальное партнерство в России: концепция, механизмы, примеры / под ред. А. Г. Поршнева, Ю. Л. Старостина. М. : ГУУ, 2004.

5. Генкин Б. М. Экономика и социология труда : учеб. для вузов. 7-е изд., доп. М. : Норма, 2007.

6. Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1994.

7. Смелзер Н. Социология : пер. с англ. М. : Феникс, 1994.

8. Институциональная экономика : учебник / под общ. ред. А. Н. Олейника. М. : ИНФРА-М, 2007.

9. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ.

10. Киселев В. Н., Смоляков В. Г. Социальное партнерство : слов.-справ. АТиСО. М. : Экономика, 1999.

11. Шаститко А. Е. Базовые понятия институционального анализа // Введение в институциональный анализ / под ред. В. Л. Тамбовцева. М. : ТЕИС, 1996.

12. Петрушечкин П. В. Социальное государство и гражданское общество в России: практика социально-политического взаимодействия (на материалах Республики Саха (Якутия)) : автореф. дис. … канд. полит. наук. Якутск, 2011.

13. Гайнуллина Ф. И. Становление системы социального партнерства в Республике Татарстан (политологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1999.

СТОЖКО Дмитрий Константинович

Кандидат философских наук, доцент
кафедры общей и экономической истории

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-12
e-mail: kafist354@ yandex.ru

ФОМЕНКО Светлана Сергеевна

Заместитель начальника учебно-производственного центра

ООО «Газпром трансгаз Югорск»
628260, РФ, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО, г. Югорск, ул. Мира, 15
Контактный телефон: (34675) 2-17-15
e-mail: sfomenko@ttg.gazprom.ru

Мир и безопасность в условиях мультикультурализма

Ключевые слова: этнос; этногенез; этническая самоидентификация; культура; мультикультурализм; комплиментарность; пассионарность.

Рассмотрена специфика кризиса современного мультикультурализма в контексте концепции гомеостазиса Л. Н. Гумилева. Обоснован тезис о необходимости развития правосознания личности как фактора ее этнической самоидентификации в условиях культурной интеграции.

В современном мире к наиболее важным причинам военно-политических конфликтов относят прежде всего углубление этнических противоречий и этнополитические проблемы. В условиях деформации этнополитических отношений многие социумы не хотят утрачивать свою этническую идентичность, а глобализация как раз и несет в себе угрозу разрушения традиционных ценностей и укладов жизни народов. После окончания «холодной войны» в мире возникла иллюзия, будто восточная и западная цивилизации оказались в состоянии устойчивого и гармоничного равновесия, а войны становятся все менее маловероятными. С. Хантингтон отмечает: «Момент эйфории по окончании „холодной войны" породил иллюзию гармонии, и вскоре оказалось, что это была именно иллюзия» [1. С. 31]. События в Афганистане, Ираке, Кувейте, Сербии, Ливии, Сирии непосредственно это подтверждают.

Глобальный мир снова оказался в состоянии войны, но теперь эта война проходит не только и не столько на полях боевых действий, сколько на фронтах идеологической политики и межэтнических взаимоотношений. Понимая, что современным оружием свою гегемонию уже не отстоять, западная цивилизация провозгласила новый лозунг – мультикультурализм. Но и это не помогло. П. Дж. Бьюкенен заявляет: «Смерть Запада, как говорится, на подходе» [2. С. 317]. Утрата своей этнической идентичности на Западе идет полным ходом: исламизация европейского населения, однополые браки, ювенальная юстиция и ряд других «изобретений» уже не помогают, не действуют, а точнее – действуют разрушающим образом, еще более активно приводя к утрате социумами своей этнической идентичности.

Этническая идентичность отвечает на вопрос о национальной принадлежности личности. Понятие «этнос» ввел в научный лексикон Л. Н. Гумилев. До него большинство исследователей оперировали другими терминами: «государство», «классы»,

© Стожко Д. К., Фоменко С. С., 2014

«нация», «племя», «народ», «коллектив», «социальная группа». Гумилев обратил внимание на то, что «термин „этнос“ очень пригоден для того, чтобы им обозначать сообщества, на которые распадается человечество» [3. С. 38]. Этнос, по его мнению, – это единица измерения исторического времени, своеобразная историческая секунда, которая определяет направление и ход естественного исторического процесса, «форма существования вида *Homo sapiens* и его особей, которая отличается как от социальных образований, так и от чисто биологических характеристик, какими являются расы» [3. С. 42]. Раса различает людей по анатомическим, биологическим признакам: цвет кожи, разрез глаз, форма черепа и т. д. Каждый этнос, по Гумилеву, «состоит из двух и более расовых типов». И далее: «Многорасовых этносов я не знаю ни одного. Если же они составляют единый расовый тип, то это в результате довольно длительного отрицательного отбора, а вначале они всегда состоят из двух и более компонентов» [3. С. 45]. Этнос не совпадает с популяцией: в этносе всегда есть брачные ограничения, которых нет у популяции, например, мух или мышей. Этнос не является ни биологическим, ни социальным явлением. Этнос – понятие географическое, связанное с определенным ландшафтом, который кормит адаптированный к нему этнос. Для Л. Н. Гумилева история есть процесс происхождения и исчезновения этносов (этногенез), а этнос – «замкнутая система дискретного типа – корпускулярная система. Она получает единый заряд энергии и, растратив его, переходит либо к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части» [3. С. 60]. По его мнению, в биосфере существуют именно такие системы – «природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие себя („мы“) всем другим коллективам („не мы“). Это именно тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и кристаллизует их в свою культуру» [3. С. 60].

Л. Н. Гумилев считает, что люди объединяются по принципу *комплиментарности*, под которым он понимал неосознанную симпатию к одним людям и антипатию к другим. Первоначальный этнос, по его мнению, создавался именно так. Как только принцип комплиментарности заменялся принципом *всеобщности*, система (этнос) испытывала удар и деформировалась.

Патриотизм и комплиментарность, по мнению Гумилева, – явления одного порядка, ибо внутриэтническая комплиментарность является мощной *охранительной* силой. Вместе с тем он предупреждал, что в этом необходимо знать меру, ибо, увлекшись патриотизмом, можно начать ненавидеть и отрицать все чужое, что в конце концов может привести к шовинизму.

На человека, как и на все живые организмы, оказывают влияние физические и биохимические силы биосферы. Опираясь на учение В. И. Вернадского о биохимической энергии живого, Л. Н. Гумилев пришел к выводу, что энергия в ходе исторического развития распределялась в разных регионах и в разные эпохи далеко не равномерно. Это сказалось на формировании характера, на поведении, на менталитете людей, народов, этносов. Эффект, производимый вариациями энергии на них, автор назвал *пассионарностью*. «Пассионарность, – писал Л. Н. Гумилев, – это характерологическая доминанта, необоримое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной). Заметим, что цель эта представляется пассионарной особи иногда ценнее собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников» [3. С. 71].

Из приведенных выше суждений Л. Н. Гумилева следует, что происхождение этноса связано, по существу, с определенным ценностным выбором, который осуществляет тот или иной народ, проживающий на той или иной территории. Ценностный выбор затем закрепляется в виде системы и иерархии ценностей, которые составляют определенный духовно-нравственный код этноса.

В истории философской мысли известны авторы, которые отвергали эту идею и стремились сформировать концепцию «единого человека», «универсального человека». В основу своих теоретических конструкций они закладывали идеи дезидентификации личности. Эвристическую основу конструирования такого «абстрактного» человека составляли положения: «…почвы нет, народа нет, национальность – это только известная система податей, душа – *tabula rasa*» **[4. С. 79]**.

Яркий представитель данного направления – Ф. Ницше, для которого человек был «самое больное и уродливое среди животных существо» **[5. С. 149]**.

Однако этническая идентичность при таких попытках конструирования «сверхчеловека» не становится менее актуальной, ведь личность существует в определенной социальной среде, в которой она вынуждена делать выбор. И выбор носит ценностный характер – это выбор между культурой и дикостью, между цивилизацией и варварством. Причем личности, как и этносу, постоянно присуща бинарность мышления, некая антитеза «мы – они», «свои – чужие». Идентификация и есть соотнесение внутреннего «я» личности с одним из полюсов этих бинарных оппозиций и восприятие собственной сопричастности, соучастия, принадлежности к нему. Этнос – «только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей» **[6. С. 262]**. Подчеркнем в этом определении слово «*культурная*», поскольку находились исследователи, которые пытались объяснять этнос другими сущностными признаками. Например, еще в XIX веке М. Тэн главным фактором считал окружающую среду (ландшафт) **[7]**. Конечно, этническая самоидентификация личности связана с тем, что ее сознание обращено к определенному месту в пространстве, где она рождается и проживает разные фазы своей жизни. Но этим не исчерпывается этническая самоидентификация. Более того, она и не замыкается на данном сугубо пространственном факторе, поскольку самосознание как способ восприятия себя в пространстве вовсе не ограничивается физическим пребыванием индивида в строго определенном месте. Так, люди, находясь за тысячи километров от своей исторической родины, отождествляют себя с нею ментально, физически же они находятся вне нее. Поэтому представления М. Тэна и его сторонников – это географический детерминизм. К правосознанию такой детерминизм имеет самое прямое отношение, ибо ментальное восприятие своей этнической принадлежности трансформируется в переживания и беспокойство о своей исторической родине, о «малой» родине. Из подобных переживаний вырастает собственное представление о том мироустройстве, которое личность желала бы видеть для своей родины. И здесь, конечно, особое место занимает уже не географический момент, а культура. Что же касается первого, то «хотят того сторонники географического детерминизма или нет, но природа под их пером превращается в своего рода „козла отпущения“, и на нее возлагается вина за культурную и экономическую отсталость, за недостатки политического и общественного устройства страны» **[8. С. 58]**.

Этническая самоидентификация, как отмечал еще Н. Я. Данилевский, осуществляется самосознанием личности по четырем направлениям: в области религиозной деятельности; в области культурной деятельности; в области политической деятельности; в сфере общественно-экономической деятельности. На основании совокупности указанных направлений Н. Я. Данилевский различал и разные типы цивилизаций: одно-, двух-, трех- и четырехосновные. Славянскую цивилизацию он относил к трехосновной, полагая, что в ней развиваются религиозный, политический и общественно-экономический моменты **[9]**.

Важнейшей составляющей этнической самоидентификации выступает именно политическая составляющая. «Русские чувствуют себя частью одной державы; для нее, если требовалось, они оставляли нажитое добро, поджигали свои дома, оставляли на погибель родных и близких, отдавали ей столько крови, сколько нужно, чтобы

вызволить ее из беды. Взамен платы не спрашивали – они не наемники. Таким-то узлом и завязывалась Россия» **[10. С. 86]**. В приведенном определении русского правосознания личное, хотя и поставленное добровольно и сознательно на службу государственности, обретает черты сакрального, абсолютного, высшего уровня ценности. И поэтому личное правосознание, как бы презрительно его ни понимали и ни умаляли значения, – это правосознание, с которым государственное право не просто должно, а обязано считаться. Отсюда следует, что именно личное правосознание было и остается той последней инстанцией, которая определяет реальность государственного права и правового сознания людей. Именно личное правосознание, проходящее через горнило этнической самоидентификации, обретает нравственное основание быть тем камертоном, который отличает фальшивые правовые нормы, навязанные народу бюрократией, от подлинного государственного права, которое человек выбирает сердцем и душой. Иного не дано. И именно на этой основе появляется то, что Л. Н. Гумилев называл пассионарным напряжением.

Этногенез, по мнению Л. Н. Гумилева, представляет собой «весь процесс становления этноса от момента его возникновения до исчезновения или перехода в состояние гомеостаза» **[3. С. 91–92]**. Он начинается с толчка, чаще всего с микромутации или мутации. Но мутируют только отдельные особи. Чтобы возник этнос, необходима пассионарность членов всей консорции. Пока мы можем говорить только «о тенденции к подъему или спаду, о большей или меньшей степени пассионарного напряжения» **[3. С. 92]**. По его наблюдениям, инкубационный период, т. е. период от начала и до конца пассионарного толчка, составляет около 150 лет. Но эти рамки относятся к этносу в целом. Пассионарная личность может формироваться гораздо быстрее, поскольку импульсы к росту ее социальной активности определяются рамками этнической самоидентификации, которые могут быть гораздо меньше. Это связано с конкретными фазами (этапами) этногенеза. Л. Н. Гумилев, например, выделял следующие фазы этногенеза: исходную, подъема, акматическую, надлома, инерционную, обскурации, мемориальную и вырождения.

На процесс этнической самоидентификации индивида влияют *пространство* и *время*. Пространство – этническое и ландшафтное окружение, уклад жизни, формы хозяйства, связи с соседями – всё то, что обусловливает характер культуры конкретного этноса. Время в данном случае – фаза этногенеза и этнического окружения. Кроме времени и пространства, этнос имеет и третий компонент – *энергию*. В процессе пассионарного развития ее сила определяет ход и направление этногенеза; энергия идет на создание всех культурных ценностей (книг, скульптур, идеологических концепций и т. д.) и политическую деятельность (управление государством, создание территориальных структур, городов и т. д.). Но, как и везде, пассионарная энергия имеет два полюса (биполярность). При этом поведенческая доминанта этноса может пойти в сторону усложнения или упрощения систем. Определителями направления доминанты являются философские и социально-политические учения, которые позволяют отличить положительную систему от отрицательной, найти смысл жизни в той или иной исторической ситуации.

Акматическая фаза этногенеза, по версии Л. Н. Гумилева, кратковременна. «Перегревы в акматической фазе сменяются временными спадами, когда правительствам удается навести кое-какой порядок. Но следующая вспышка пассионарности ломает установившиеся нормы, и регион событий опять становится ареной соперничества страстных и отчаянных персон» **[3. С. 237]**. Внешне этот спад пассионарного напряжения малозаметен. Он может показаться даже прогрессом, так как ему сопутствуют успехи в хозяйственной и культурной деятельности. При наличии способностей люди могут самовыразиться в науке, искусстве, технике, тем более что спад пассионарности идет медленно. Наступает период «золотой посредственности», и процесс

умиротворения становится долгим и мучительным. Появляются мученики и жертвы. Этическая система начинает постепенно меняться.

После акматической фазы наступает пассионарный *надлом*, когда все развитие этногенного процесса видоизменяется. Иногда система распадается на две-три, и их различия все более усиливаются, а сходство отступает на второй план. В процессе снижения пассионарности к руководству системами приходят люди, которые не всегда чувствуют, что система уже дает сбои. Их эгоистическая этика создает новый стереотип поведения родовых членов этноса, которые упрощают и ослабляют этническую систему.

В упрощенной системе происходит выброс свободной пассионарной энергии, которая может проявиться во всплеске интеллекта, реформаторской или творческой деятельности. Но так как не все люди имеют свособности к творчеству, а «пассионарность – феномен популяционный», то там, где обнаружились слабые места, люди могли браться и за оружие. В такой период вызревают «реформации», и они являются «индикаторами надлома». Подобное наблюдалось во многих европейских, азиатских и других странах. В такие времена происходят революции, «перестройки», гражданские войны, реформы. Л. Н. Гумилев квалифицировал фазу надлома как «возрастную болезнь этноса», которую «необходимо преодолеть, чтобы иметь иммунитет. Этнические коллизии в предшествующей – акматической и последующей – инерционной фазах не влекут столь тяжелых последствий, ибо не сопровождаются столь резкими изменениями уровня пассионарности, как при надломе» **[3. С. 265]**.

После фазы надлома наступает *инерционный* период, который Л. Н. Гумилев квалифицирует как расцвет той или иной культуры и хозяйства. Формируется новый идеал, «отвлеченный идеал человека, на которого следует равняться и которому следует подражать <…> В Англии общезначимым стал идеал джентльмена; в Византии – идеал святого; в Центральной Азии – идеал богатыря; в Китае – просвещенного крестьянина, грамотного и читающего философские книги» **[3. С. 305]**. Данную фазу этногенеза он называет «золотой», так как в этот период люди собирают плоды, наслаждаются покоем, расширяются территории государств, появляются выдающиеся мыслители, писатели, деятели искусства. Но Л. Н. Гумилев подчеркивает, что в этот период незаметно, постепенно в обществе начинает убывать пассионарность. Инерционный период, таким образом, имел как достоинства, так и недостатки. В это время у европейцев появляется страсть к колониальным захватам, так как фазу надлома не всем удается благополучно пережить. Это «возрастная болезнь этноса», эпоха торжества обывательского цинизма. Обыватель, понимая, что война – дело рискованное, направляет свои усилия на преобразование природы. Воплощение лозунга «Человек – царь природы» приводит к тому, что с нее (природы), как пишет Гумилев, стали брать дань «спокойно и планомерно». Особенно в этом преуспели европейцы в Северной и Южной Америке, где они уничтожили не только природу, но и коренное население – индейцев.

Л. Н. Гумилев пишет: «...то, что европейские эволюционисты называют „цивилизацией“, а мы „инерционной фазой этногенеза“, не так уж безобидно и прогрессивно. Оказывается, что за все надо платить. И везде, где проходила инерционная фаза, цивилизация пилила сук, на котором сидела» **[3. С. 335]**. Далее происходит смена фазовых императивов.

Новый этап развития этноса – *фаза обскурации*, когда люди субпассионарного уклада постепенно создают прослойку в этносе, которая подвергает сомнению трудолюбие, интеллектуальные успехи. Наблюдается снижение качества как самой деятельности людей, так и ее результатов в науке, искусстве. Появляются коррупция, невежество, беспринципность. Некоторые этносы даже не доживают до этой стадии, поскольку гибнут от указанных недостатков еще в процессе перехода. Субпассионарии вытесняют гармоничных особей, которые были провозглашены лидерами и определяли общественный идеал в предыдущей инерционной фазе. Но сами субпассионарии не способны

к сосредоточению, четкой организации и дисциплине – они способны только к развалу и дезорганизации. Фазу обскурации могут усилить природные катастрофы: засуха, град, мороз, недород и т. д. Некоторые этносы при этом становятся реликтовыми, попадают в состояние этнического гомеостаза. Л. Н. Гумилев не соглашался с мнением, что гомеостатические этносы – отсталые племена. Просто они адаптировались к другим историческим и географическим условиям. «Реликтовые народы – это не начальные, а конечные фазы этногенеза» **[11. С. 360]**, когда народ теряет способность к саморазвитию. Фаза обскурации – последняя в этнической истории.

За фазой обскурации идет новый этнический процесс – *регенерация*, в рамках которого формируется новый этнос и реализуется этническое самосознание. Например, вместо прежнего русского народа формируется новый многонациональный российский народ, а этническое самосознание охватывает уже не только рамки русской, но и многонациональной российской культуры. Это означает, что правосознание личности воспринимает как свои (а не чужие, как было ранее) ценности разных наций, составляющих многонациональный российский народ. Соответственно, и национальное право как ценность, несет в этом восприятии свою смысловую нагрузку. Оно включается в общие представления о праве и в общую правовую культуру российского народа.

Как говорилось выше, этнос – это определенное число людей, имеющих черты сходства во внешнем виде, языке и образе жизни. Предпосылками сходства можно считать природу внутреннюю (соматические черты, передаваемые по наследству) и природу внешнюю (ландшафт, территорию, климат). Но именно культурное сходство окончательно оформляет этнос, выступает основой этнической самоидентификации. «Следовательно, этнос – это природно-культурное образование» **[12. С. 132]**.

Этническая самоидентификация как основа правосознания личности осуществляется не сразу, а поэтапно. Первой ее фазой является эмоционально-чувственное восприятие своего «я» как сопричастного конкретному этническому «мы». На этом этапе формируется ассоциативный ряд – некие образы, через которые личность сопоставляет свое «я» с другими «я». Посредством такого сопоставления она ищет и находит среди других «я» близкие (идентичные) своему «я». Далее начинается фаза ценностной редукции, т. е. отбора из всех наличных ценностных ориентаций тех ценностных предпочтений, которые в большей степени свойственны аутентичным «я». Эти ценности рассматриваются личностью как близкие ее собственным ценностным представлениям. Третья фаза этнической самоидентификации заключается в самоопределении личности, которая делает выбор в пользу тех ценностных установок, которые она приняла как «свои». Этот выбор представляет собой процесс перехода прежних представлений в убеждения. Наконец, четвертый этап этнической самоидентификации личности связан с выработкой нормативной основы ее отношения к «своим» и «чужим» ценностям. Это означает выбор способов и средств защиты ценностей, мер по отсеиванию чуждых ей ценностей.

Самоидентификация необходима, чтобы человек мог самостоятельно ориентироваться в жизненном пространстве, разумно судить о действительности. Но для этого она должна опираться не на произвольные желания и устремления индивида, а на нормы права. Именно поэтому нормы права являются ценностью. Правовое самосознание должно быть когерентным, т. е. отражающим соизмеримые нормы права. Только при этом условии правосознание может быть конструктивным, системным и нравственным.

Каждому описанному выше этапу этнической самоидентификации соответствует определенный тип мышления индивида. Первый этап связан с ассоциативным мышлением, когда индивид соотносит себя с другими через метафоры и образы. «Метафоры, включая ассоциативное мышление, дают огромную экономию интеллектуальных усилий. Именно здесь и скрыта ловушка, которую ставят манипуляторы сознанием» **[13. С. 126]**.

Процесс этнической самоидентификации не может останавливаться на метафорическом восприятии своей принадлежности, а должен развиваться (второй этап) в сторону логического мышления. С помощью логического мышления индивид осуществляет ценностный отбор, который далее служит основанием для окончательных выводов и суждений. Но и при этом нельзя останавливаться, поскольку «логическое мышление прозрачно, его структура прекрасно изучена. Значит, в него можно вторгнуться и исказить программу, лишив человека возможности делать правильные умозаключения» **[13. С. 113]**.

На третьей стадии этнической самоидентификации наступает очередь диалектического мышления. Диалектика есть логика познания. Но диалектическое мышление – это уже не формально-логическое мышление, а особый его тип, который берет объект во всех его противоречиях и взаимозависимостях и оперирует с таким объектом как с целым.

Наконец, на четвертой фазе этнической самоидентификации подключается нормативное мышление, которое представляет собой продукт развития диалектического мышления, но отличается от последнего тем, что формализует объект познания, каковым является на этом этапе уже само право.

Таким образом, правосознание является прямым следствием этнической самоидентификации. При сохранении органичной связи между этнически идентифицированным субъектом и государством правосознание становится важным ресурсом развития и совершенствования всей системы права. Но при возникновении разрыва (отщепенства) между таким субъектом и государством правосознание оказывается основанием, на котором появляется стереотип антигосударственности.

Отщепенство от государства и лежащая в его основе ненависть к государству стали результатом разрушения традиционного общества. Как писал в своей книге «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассет, суверенитет индивида вышел из стадии отвлеченной правовой идеи, а государство, наоборот, оказалось сведенным до уровня «ночного сторожа». Об этом же в «Вехах» писал и П. Б. Струве. Поэтому восстановление и сохранение традиции как основы ценной иерархии конкретного этноса – это первоочередная мера по восстановлению сигизии (термин В. С. Соловьева), т. е. гармонии между личностью, обществом и государством.

И здесь этническая идентичность есть не что иное, как проявление собственной субъектности личности, ее способности к самоидентификации, к проявлению своего самосознания и правосознания. «Вследствие способности к сознательному размышлению, к рефлексии человек подвергает суждению и оценке все фактические данные своей внутренней и внешней жизни» **[14. С. 53]**. Этот процесс обусловлен, по мнению Соловьева, верой и опытом: «Если существование внешней действительности утверждается верою, то содержание этой действительности (ее сущность, *essentia*) дается опытом» **[14. С. 56]**.

Существуют два типа веры – сакральная (религиозная) и светская (доверие). Если, учитывая кризис современной религиозности (экуменизм), вместо религии иметь в виду доверие, то обнаруживаются следующие факторы, детерминирующие кризис мультикультурализма и развитие правосознания людей:

- упадок религиозного сознания в европейских государствах и сохранение высокого уровня ортодоксальной религиозности у мигрировавших в Европу представителей восточных стран;
- низкий уровень доверия иммигрантов к европейским государствам и системам государственного права и, наоборот, сохранение в их менталитете родовых (этнических) правовых норм;
- относительно большой опыт коренных европейских этносов-социумов и сравнительно небольшой (непродолжительный) опыт существования в принципиально новых условиях представителей миграции;

• как следствие, стремление мигрантов внести в европейскую культуру, в менталитет, в систему права свои этнические представления, нормы и ориентации, что ведет к столкновению культур и цивилизаций.

Весьма характерно мнение, что уже «к началу 1990-х две трети иммигрантов в Европу были мусульманами, и обеспокоенность европейцев иммиграцией была, прежде всего, обеспокоенностью мусульманской иммиграцией. Европе брошены вызовы. Демографический – на долю иммигрантов приходится 10% новорожденных в Западной Европе. Культурный – мусульманские общины (будь то турецкая в Германии или алжирская община во Франции) не интегрировались в принявшие их культуры» **[1. С. 311]**. При этом иммигранты несут свои традиции на новые территории и не приемлют корневые традиции европейцев **[15]**.

В этих условиях правосознание людей оказывается не просто диверсифицированным, но и «расколотым»: с одной стороны, каждый гражданин понимает, что «поступать по совести и только по совести есть право и обязанность всякого человека, и в этом смысле всякий человек есть нравственный самодержец» **[14. С. 859]**, а с другой – «государство есть действительное историческое воплощение людской солидарности», но, как оказывается на практике, «только для европейцев» **[14. С. 855]**. И в этой европейской «солидарности» культура (в том числе и правовая) мигрантов становится чуждой. Потому что, как гласит известная пословица, «нельзя со своим уставом лезть в чужой монастырь». А «монастырь», открывший свои ворота настежь всем и каждому, – это уже проходной двор.

В России процессы мультикультурализма во многом схожие: в основном, в нашу страну также приезжают представители мусульманства; в отличие от стран Западной Европы у нас гораздо больше центров поддержки собратьев по вере, поскольку наша страна многонациональная и многоконфессиональная. Именно поэтому необходимо извлечь уроки из кризиса европейского монокультурализма и учитывать особенности правосознания представителей разных этносов и культур при разработке миграционной, молодежной, культурной политики.

Источники

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций : пер. с англ. М. : АСТ, 2003.

2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада : пер. с англ. М. : АСТ, 2003.

3. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М. : Танаис, 1994.

4. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Изд-во худож. лит., 1956. Т. 4.

5. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей : пер. с нем. М., 1994.

6. Ерасов Б. С. Социальная культурология. М. : Аспект-Пресс, 1996.

7. Тэн М. Философия искусства. М.: Изобразительное искусство, 1995.

8. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. XVIII – начало XX века : в 2 т. СПб. : ИД «Дмитрий Буланин», 1999. Т. 1.

9. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991.

10. Нестеров Ф. Связь времен. Опыт исторической публицистики. М. : Наука, 1987.

11. Ильин И. А. О чувстве ответственности // Ильин И. А. Наши задачи : в 2 т. М., 1992. Т. 2.

12. Фадеичева М. А. Национальные и этнические предубеждения в структуре мировоззрения // Мировоззрение и культура : сб. ст. Екатеринбург : БКИ, 2002.

13. Кара-Мурза С. Г. Манипулирование сознанием. М. : ЭКСМО-Пресс, 2005.

14. Соловьев В. С. Значение государства // Соловьев В. С. Спор о справедливости. М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 1999.

15. Appelrouth S., Edles L. D. Classical and Contemporary Sociological Theory : Text and Readings. Los Angeles : Pine Forge Press, 2008.

ВАКУЛИНА Галина Михайловна

Ассистент кафедры высшей и прикладной математики

Уральский государственный университет путей сообщения
620034, РФ, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66
Контактный телефон: (343) 221-24-04
e-mail: g_vakulina@mail.ru

ТИМОФЕЕВА Галина Адольфовна

Доктор физико-математических наук, профессор,
заведующая кафедрой высшей и прикладной математики

Уральский государственный университет путей сообщения
620034, РФ, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66
Контактный телефон: (343) 221-24-04
e-mail: gtimofeeva@math.usurt.ru

Динамическое программирование с использованием нечеткой логики в планировании инвестиционных проектов

Ключевые слова: инвестиционный проект; планирование; управление; нечеткая логика; динамическое программирование.

Управление инвестиционными проектами происходит, как правило, в условиях неполной информации и риска. Задача инвестора – выбрать оптимальное управляющее воздействие (размер инвестиции) с учетом поступившей информации о реализации предшествующих этапов проекта. В статье рассматривается применение метода динамического программирования для систем, описываемых в рамках теории нечетких множеств.

Инвестирование в условиях неполной информации является сложной задачей для инвестора, старающегося максимизировать свою прибыль и минимизировать риски. Существующие на данный момент методы оценки рисков [1–4] не всегда обладают достаточной точностью. Одним из недостатков большинства методов является отсутствие учета возможности регулировать параметры проекта в период его реализации. В зависимости от меняющихся внешних факторов в течение проектного времени можно управлять проектом путем ввода дополнительных инвестиций в благоприятном случае и вывода части основных средств из производства с целью более эффективного их использования при реализации пессимистичного сценария. Целесообразно разделить проект на несколько временных промежутков и в конце каждого из них принимать решение о дальнейших действиях (вводить новые активы, выводить активы из основной деятельности или продолжать запланированные действия) на основании определенных критериев успешности проекта.

Математическая постановка задачи

Рассмотрим финансовый поток инвестиционного проекта в общем виде. Прогноз финансового потока зависит от ряда случайных величин $X_t = (x_1, \ldots, x_n)_t$, оцененных для каждого периода t. Такими величинами могут быть: расходы на уплату налога на прибыль, выручка от основной деятельности, доход от сдачи имущества в аренду и т. д.

© Вакулина Г.М., Тимофеева Г.А., 2014

Пусть проект разделен на m периодов инвестирования, $U_t = (u_1, \ldots, u_j)_t$ – инвестиционные и другие управляющие решения, принятые в начале периода, $F_t(X_t, U_t)$ – функция, определяющая финансовый поток проекта в период t ($t = 1, \ldots, m$). Целевой функцией является сумма

$$F = \sum_{i=1}^{n} F_i\left(U_i,\ X_i;\ F_{i-1}\right). \tag{1}$$

На каждом шаге необходимо выбрать набор соответствующих управлений $(u_1, ..., u_j)_t$ для оптимизации результата проекта.

При этом необходимо ограничить риск неэффективности проекта, а именно, вероятность того, что чистая приведенная стоимость (*NPV*) проекта будет отрицательна, не должна превышать пороговое значение (например, 5%) **[3]**:

$$P\{NPV < 0\} < 0{,}05. \tag{2}$$

Задача инвестора состоит в выборе начальных инвестиций u_0, начальных управляющих параметров проекта $U(1)$ и критерия выбора оптимальных управлений $U(t)$ на последующих шагах. Предполагается, что инвестор имеет ограниченное количество ресурсов A. Инвестору предстоит выбрать критерий оптимального управления, на основании которого принимается решение о следующем шаге. Пусть u_0 – объем инвестиций на начальном шаге проекта; u_1, ..., u_m – инвестиции на первом и последующих шагах проекта.

Возникает ограничение

$$\sum_{i=0}^{m} u_i \le A. \tag{3}$$

Принимая ограничения (2) и (3), необходимо максимизировать целевую функцию F, выраженную формулой (1), выбрав оптимальную стратегию управления капиталом A.

Анализируя условия задачи оптимального управления для конкретного проекта, инвестор получит ответы на вопросы: стоит ли инвестировать средства в проект, а если инвестировать, то какую стратегию выбрать для получения наилучшего результата. Отметим, что рассматривается случай, когда стратегия управления выбирается заранее, а выбор конкретных управляющих решений на каждом шаге зависит от результатов реализации проекта и экспертных оценок параметров следующего этапа.

Метод выбора оптимального решения

Обозначим $(x_1, ..., x_k)_i$ набор переменных величин, определяющих выручку, зависящую от объема оборотных основных средств проекта на шаге i. Переменные $(x_{k+1}, ..., x_m)_i$ – величины, определяющие выручку, зависящую от объема внеоборотных основных средств предприятия. Наборы случайных величин $(x_{m+1}, ..., x_r)_i$ и $(x_{r+1}, ..., x_z)_i$ выражают переменные и постоянные расходы проекта. Состояние проекта оценивается исходя из нескольких факторов: величины денежного потока на предшествующем этапе F_{i-1}, динамики спроса, количества конкурентов и т. п.

Для моделирования, проектирования и анализа подобных задач получили распространение экспертные системы **[1; 2; 4]**, оперирующие экспертными оценками, основанными на опыте и знаниях эксперта (или группы экспертов). Основным математическим аппаратом формализации представления и обработки экспертных оценок и высказываний является теория нечетких множеств **[4]**. Применение аппарата нечеткого множества – это математическая формализация нечетких (экспертных) оценок в виде лингвистически поименованных функций для построения моделей обработки этих оценок как композиции указанных функций, имеющих простую лингвистическую интерпретацию. В результате конечный пользователь получает возможность оперировать естественными предметно-ориентированными лингвистическими термами,

представляемыми на уровне компьютерных вычислений в виде чисел. Такой подход дает приближенные, но в то же время качественные способы описания поведения сложных и плохо определенных организационно-технических систем. Теоретические основания данного подхода вполне точны и строги в математическом смысле и не являются сами по себе источником неопределенности. В каждом конкретном случае степень точности решения может быть согласована с требованиями задачи.

Алгоритм формирования стратегии управления состоит из следующих этапов:

1) анализ представленного проекта, определение источника неопределенности: нахождение показателей, которые невозможно спрогнозировать со 100%-ной вероятностью из-за недостатка информации;

2) составление списка рисков, выявление наиболее критичных, поиск параметров проекта, изменение которых вызовет реализацию риска;

3) определение параметров, которые будут приниматься за нечеткие числа;

4) формулировка целевой функции и ограничений на i-м этапе;

5) сбор, анализ и переработка экспертных оценок параметров целевой функции;

6) определение функции принадлежности для нечетких чисел на i-м этапе с учетом данных о значениях, принятых параметрами на этапе $i-1$, и решений, принятых на этапе $i-1$, функции принадлежности для целевой функции в конце i-го этапа;

7) построение оптимальной стратегии управления для всех возможных сочетаний значений параметров на i-м этапе;

8) повторение шагов 4–7 алгоритма для следующего периода для каждого варианта развития событий с учетом выбранного управления;

9) окончание алгоритма, когда $i = m$ (m – конечный этап инвестиционного проекта).

Задача сводится к определению возможных сценариев развития проекта, расчету функций принадлежности параметров и оценке состояний проекта на каждом этапе.

Оценим функцию принадлежности каждого параметра на этапах планирования проекта и дадим оценку параметрам на каждом этапе. Для каждого параметра зададим набор термов, с помощью которых их можно охарактеризовать, и интервальные числовые значения, соответствующие данным термам. Например, для параметра, соответствующего наполненности рынка, используем пять возможных оценочных суждений: «очень низкая», «низкая», «средняя», «высокая», «очень высокая», что соответствует определенным интервалам. Используя арифметические операции над нечеткими числами, мы можем представить $F(t)$ в виде нечеткого числа с определенными характеристиками [4].

Применение алгоритма к выбору оптимального инвестиционного проекта

Допустим, имеется инвестиционный проект по созданию нового консалтингового сервиса с помощью сети Интернет. Горизонт планирования для проекта – два года. Время реализации проекта разделено на три периода:

1) предпусковой период, в течение которого проводится подготовка инфраструктуры, создание программного обеспечения, проработка и наладка бизнес-процессов, тестирование сервиса и т. д.;

2) привлечение и обслуживание тестовых клиентов, развертывание рекламной кампании;

3) усиленное привлечение и обслуживание новых клиентов, пик рекламной кампании, доработка программного обеспечения и исправление ошибок.

Через два года после начала проекта он должен окупиться и начать приносить прибыль.

Планируемые затраты разделяются на несколько категорий:

- расходы на создание программного обеспечения;
- расходы на разработку интерфейса;
- расходы на рекламу;

• заработная плата разработчиков, маркетологов, клиентских менеджеров, администрации;

• постоянные расходы на аренду помещений.

Доходы проекта – это абонентская плата клиентов за ежемесячное обслуживание. По разработанным тарифам есть две схемы платежей:

1) обслуживание за S_s рублей в месяц «Стандарт» (доступ к программному обеспечению, 3 ч консультаций в месяц);

2) обслуживание за S_p ($S_p > S_s$) рублей в месяц «Премиум» (доступ к программному обеспечению и неограниченное количество консультаций).

Составим перечень рисков проекта:

1) количество клиентов будет меньше прогнозируемого;

2) клиенты будут больше пользоваться дешевыми тарифными планами, чем дорогими;

3) клиенты на тарифном плане «Премиум» будут использовать слишком большое число консультаций.

Предположим, что заработная плата отдельно взятого сотрудника проекта остается неизменной в течение всего проекта; налоговые ставки постоянны.

Исходя из существующих рисков, определим основные оцениваемые параметры проекта для каждого периода инвестирования: количество клиентов на каждом тарифном плане, количество ошибок и доработок, а также количество часов консультаций при использовании тарифного плана «Премиум». Зависимые от этих параметров финансовые показатели: доход проекта на каждом этапе инвестирования и расходы на клиентских менеджеров, расходы на разработчиков, бизнес-консультантов, тестирование, внесение исправлений.

Условно-постоянные (налоговые выплаты) и постоянные (заработная плата администрации, оплата и содержание арендованных площадей, оргтехника и канцелярские товары и т. д.) расходы будем считать детерминированными и обозначим их a (р./год).

Оплата труда штатных консультантов зависит от их количества и равна 500 тыс. р. в год на одного штатного сотрудника, считая налоговые выплаты. Необходимо учитывать, что штатный консультант может оказывать консультации не более 2 000 ч в год. Предварительно планируется нанять $N(0)$ штатных консультантов. Если количество запрашиваемых пользователями часов превышает стандартные мощности предприятия, то придется нанимать сотрудников для сверхурочной работы со ставкой 2 тыс. р./ч. Первичная разработка программного обеспечения, интерфейса, расходы на разработку и запуск рекламной концепции оцениваются в фиксированную сумму $A(0)$.

Для оценки инвестиционного проекта определим параметры, которые будут характеризоваться с точки зрения нечетких множеств. Наиболее рискованные величины: количество клиентов на каждом тарифном плане Q_p и Q_s; среднее количество ежедневно запрашиваемых консультаций k.

Возможности управления проектом: повышение или понижение стоимости тарифных планов на очередной период $S_p(t)$ и $S_s(t)$; изменение количества штатных работников $N(t)$ – увольнение сотрудников (сокращение затрат) или увеличение количества сотрудников (дополнительные инвестиции).

Запишем функции прибыли в зависимости от параметров Q_s, Q_p для первого периода:

$$F_d(1) = 12\, Q_s(1)\, S_s(1) + 12\, Q_p(1)\, S_p(1). \qquad (4)$$

где $Q_p(1)$, $Q_s(1)$ – количество клиентов на тарифных планах «Премиум» и «Стандарт» соответственно.

Переменные расходы (разработка программного обеспечения, интерфейсов, рекламы, консультантов) записываются в виде суммы

$$F_{pr}(1) = -1\,500 - 500n - 2\,(12Q_p \times k + 48 \times Q_s - 2000)_+, \qquad (5)$$

где n – количество консультантов в штате; k – среднее число консультаций, запрашиваемых пользователями тарифного плана «Премиум». Последняя часть формулы включается только в том случае, если приходится нанимать консультантов дополнительно, т. е. если $(12Q_p \times k + 48 \times Q_s - 2000) > 0$.

Суммарная целевая функция $F(1)$ для первого этапа инвестирования будет иметь вид:

$$F(1) = 12\ Q_s\ (1)\ S_s(1) + 12\ Q_p\ (1)\ S_p(1) - A(0) - 500n - 2(12\ Q_p \times k + 48 \times Q_s - 2000)_+. \quad (6)$$

Для реализации первого этапа следует выбрать следующие параметры: стоимость тарифных планов на начальном этапе и количество штатных сотрудников.

Определим термы, которыми будем оценивать нечеткие параметры на каждом этапе. Для параметров, связанных с количеством клиентов на разных тарифных планах, и для количества консультаций возьмем множества лингвистических переменных [много; средне; мало] (см. таблицу).

Соответствие термов лингвистическим переменным

Обозначение	Лингвистическая переменная	Термы
Q_s	Количество клиентов «Стандарт»	Много; средне; мало
Q_p	Количество клиентов «Премиум»	Много; средне; мало
k	Количество консультаций на тарифном плане «Премиум»	Много; средне; мало

Для завершения перехода к описанию в терминах нечеткой логики построим функцию принадлежности для каждой лингвистической переменной на основе экспертной информации. Используем метод построения функций принадлежности, основанный на статистической обработке мнений группы экспертов. Каждый эксперт заполняет опросный лист, в котором указывает свое мнение о наличии у элементов x_i $(i = 1, 2, \ldots, n)$ свойств нечеткого множества l_j $(j = 1, 2, \ldots, m)$. Введем следующие обозначения: K – число экспертов; $b_{j,i}^k$ – мнение k-го эксперта о наличии у элемента x_i свойств нечеткого множества l_j.

Будем считать, что экспертные оценки бинарные, т. е. $b_{j,i}^k \in \{0,\ 1\}$, где 1(0) указывает на наличие (отсутствие) у элемента x_i свойств нечеткого множества l_j. По результатам опроса экспертов функции принадлежности нечеткому множеству $\tilde{l_j}, j = 1, 2, \ldots, m$, рассчитывают следующим образом:

$$\mu_j\left(u_j\right) = \frac{1}{K}\sum_{k=1}^{K} b_{j,i}^k,\ \ i = 1,\ \ldots,\ n. \quad (7)$$

Обработка данных экспертного опроса проводится на основе статистических методов с целью определения достоверности и согласованности оценок. Если в результате такого анализа будет установлено, что мнения экспертов имеют слишком большой разброс, необходимо провести коррекцию их позиции и повторить опрос.

В течение срока реализации проекта может встретиться любая комбинация состояний нечетких величин, которым должно соответствовать управленческое решение. Поэтому следующим шагом должно стать построение базы управляющих решений для каждой комбинации.

Так, если количество клиентов на малооплачиваемых тарифах существенно больше, чем на высокооплачиваемых, необходимо поднять тариф «Стандарт». Если количество запрашиваемых консультаций больше, чем планировалось, необходимо поднять тариф «Премиум», и т. д. Если результативность проекта плохая, проще его закрыть на начальной стадии.

Будем понимать под повышением или понижением тарифа изменение его на 10%; под привлечением или увольнением сотрудников – изменение их численности на 30

или на 60%; под закрытием проекта – полную ликвидацию и перевод средств во вклад под ставку рефинансирования до планового окончания проекта; под неизменностью – прежние величины тарифов и количества сотрудников.

После реализации этапа определяются функции принадлежностей нечетких параметров для следующего шага с учетом применения различных стратегий.

Таким образом, с помощью нечетко-множественного моделирования отсекаются самые рискованные варианты и определяются оптимальные решения для тех ситуаций, где целевая функция отклоняется от ожидаемого значения. При этом максимизируется общая целевая функция и снижается риск банкротства проекта.

Источники

1. Дубинин Е. Анализ рисков инвестиционного проекта // Финансовый директор. 2003. № 11.

2. Буценко Е. В. Анализ и обработка исходных данных для прогнозирования результатов инвестиционного проектирования // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2009. № 4 (26).

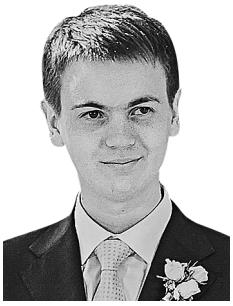
3. Вакулина Г. М. Вероятностные модели в оценке инвестиционных проектов // Вестн. УрГУПС. 2011. № 1(9).

4. Вакулина Г. М. Нечетко-множественный подход в анализе рисков инвестиционных проектов // Экономика и менеджмент систем управления. 2012. № 43 (6).

МЕЛЬНИКОВ Юрий Борисович

Кандидат физико-математических наук,
заведующий кафедрой прикладной математики

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-37
e-mail: uriimelnikov58@gmail.com



ХРИПУНОВ Игорь Вадимович

Магистрант кафедры вычислительных методов
и уравнений математической физики

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, РФ, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Контактный телефон: (343) 375-48-78
e-mail: ihripunov@gmail.com

ЧОПОВДА Валерия Сергеевна

Магистрант кафедры вычислительных методов
и уравнений математической физики

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, РФ, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Контактный телефон: (343) 375-48-78
e-mail: valerie.chopovda@gmail.com

Алгебраический подход к стратегиям проектной деятельности

Ключевые слова: стратегия; управление деятельностью; алгебраический подход; проектная деятельность.

Представлено применение алгебраического подхода к проектной деятельности, состоящего в выделении: 1) системы базовых стратегий проектной деятельности; 2) системы типовых преобразований стратегий и типовых способов их комбинирования; 3) механизма аппроксимирования, приближенного представления определенного вида деятельности в виде типовых преобразований и комбинаций базовых стратегий. Выделена система базовых стратегий проектной деятельности и показано, что рутинная проектная деятельность может быть представлена в виде применения этих базовых стратегий.

Управление деятельностью осуществляется с помощью моделирования. Уровень абстрактности современных математических теорий таков, что математические модели никогда не описывают непосредственно «реальные объекты», а представляют модели различных предметных областей, т. е. физические, экономические, наглядно-геометрические и др. (рис. 1).

Рис. 1. Общая схема моделирования

© Мельников Ю. Б., Хрипунов И. В., Чоповда В. С., 2014

Поэтому преобразование «предметной модели» в математическую можно рассматривать как «предматематическую» деятельность, а механизм этого преобразования назвать «предматематикой».

Анализ показывает, что оценка адекватности модели всегда производится с помощью сравнения построенной модели с некоторой эталонной. Эталонная модель может совпадать с прообразом (прототипом, моделируемым объектом), но это встречается не так часто, как кажется на первый взгляд. В рамках одного исследования может рассматриваться несколько разных характеристик адекватности и соответственно несколько эталонных моделей (рис. 2).

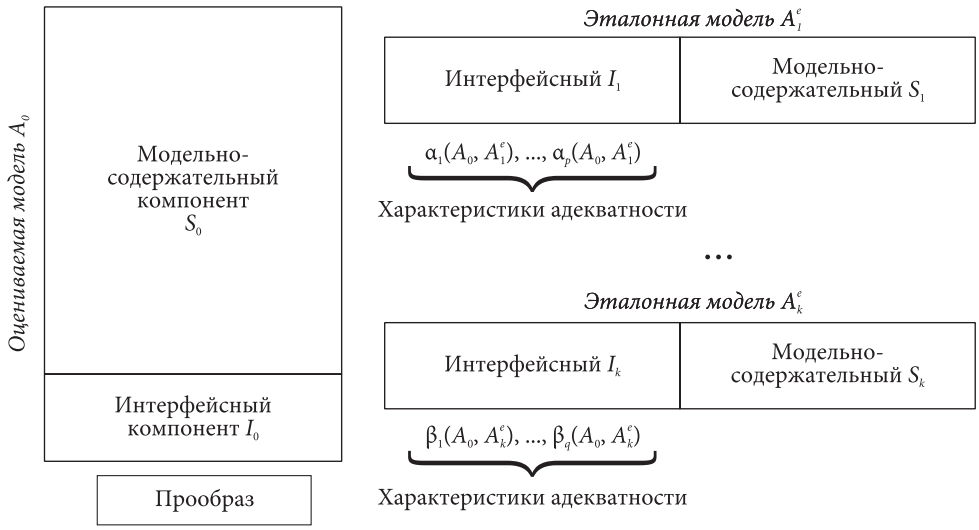


Рис. 2. Иллюстрация к понятию «адекватность модели»

Если эталонная модель и характеристика адекватности предназначена для оценивания выполнения формальных правил, т. е. правил грамматического характера, то такую характеристику адекватности мы будем называть *характеристикой корректности*. Если же эталонная модель и характеристика адекватности предназначена для оценивания «точности предсказаний» (например, близости соответствующих значений характеристик оцениваемой и эталонной моделей), мы будем называть ее *характеристикой достоверности*. Например, обычно школьные сочинения учащихся оцениваются двойной отметкой: оценкой содержания и оценкой грамотности (соблюдения правил пунктуации, орфографии и др.). Первая из этих оценок (за содержание) является характеристикой достоверности (насколько точно передана информация), а вторая (оценка грамотности) – характеристикой корректности. Действительно, наличие или отсутствие запятой перед союзом «что» обычно не связано с информацией, изложенной в предложении. Требование ставить в этом случае запятую является формальным, диктуемым грамматическими правилами. А вот запятая в знаменитой фразе «казнить нельзя помиловать» несет смысловую нагрузку и меняет содержание, смысл этого высказывания. Неверно поставленная запятая в этом случае должна быть расценена как ошибка в содержании, а не как грамматическая ошибка, т. е. не как некорректность, а как недостоверность.

В процессе деятельности роли эталонной и оцениваемой моделей могут неоднократно меняться. Проект, с одной стороны, можно рассматривать как эталонную модель для создаваемого объекта, а с другой стороны, как модель требуемого (создаваемого) объекта, для которой эталонная модель представлена техническим заданием.

При этом после реализации проекта, например в результате создания опытного образца, во время испытаний, в качестве эталонной модели рассматривается и проект, и техническое задание. Это справедливо и по отношению к проектам создания не только материальных, но и идеальных объектов. Закон сохранения энергии на этапе проверки гипотезы рассматривался как оцениваемая модель, но после достаточно большого числа подтверждений стал считаться общепринятым и уже выступает в качестве эталонной модели при оценке адекватности результатов исследований.

Построение эталонной модели является важнейшим этапом оценивания адекватности. В качестве аппарата для создания эталонных моделей в виде плана деятельности и проекта мы предлагаем рассматривать *стратегии* [1]. Отметим необходимость различать стратегию и ее реализацию (табл. 1).

Таблица 1

Стратегия и реализация стратегии

Стратегия	Реализация стратегии	План, проект	Выполнение плана, проекта
Механизм создания эталонной модели	Использование стратегии	Эталонная модель, результат применения стратегии	Деятельность, для которой план или проект является эталонной моделью

Стратегия включает в себя систему типовых целей, типовых планов их достижения, доступных ресурсов и механизм оценивания адекватности моделей. Пункты плана исполнитель может воспринимать либо как ссылку на конкретный алгоритм, либо как цель, способ достижения которой не конкретизирован. Более общо можно сказать, что стратегии и планы (как типовые планы, входящие в состав стратегии, так и результаты применения стратегии) можно трактовать как компоненты системы управления деятельностью, среди которых могут быть выделены *механизмы преимущественно прямого действия* (основанные на алгоритмах) и *механизмы преимущественно косвенного действия*, представленные целями и разнообразными ограничениями. С этой позиции реализация стратегии для создания плана представляется постепенным преобразованием плана к виду, когда все его пункты воспринимаются исполнителем как ссылки на известные ему алгоритмы.

Описание сложных стратегий (например [1], в виде компонентной или иерархической моделей) может оказаться чрезмерно громоздким для практического использования. Для решения возникшей проблемы мы предлагаем применить *алгебраический подход* [2]: 1) сформировать систему базовых стратегий; 2) выделить типовые преобразования и способы комбинирования стратегий; 3) создать механизм аппроксимирования, представления требуемой стратегии в виде результата типовых преобразований и комбинации базовых стратегий. Показано, что стратегия рутинной исследовательской деятельности представима в виде комбинации семи базовых стратегий: стратегии приоритетного изучения «экстремальных» ситуаций, стратегии поиска аналогии и др. [2]. Проектная деятельность отличается от исследовательской характером эталонной модели и предназначением характеристик адекватности: для исследовательской деятельности ведущими являются характеристики корректности, а для проектной – характеристики достоверности.

В данной работе рассмотрим случай выполнения «рутинной проектной деятельности», т. е. деятельности, в которой не применяется инсайт. Здесь под инсайтом мы будем понимать, во-первых, создание модели на основе неизвестных ранее явлений, закономерностей, принципов, во-вторых, использование известных закономерностей с помощью способа, не применявшегося ранее в данной области деятельности, в-третьих, установление нетрадиционных аналогий. Таким образом, *отсутствие инсайта*

означает, что объект создается с помощью традиционных аналогий с известными объектами (моделями) или путем типового комбинирования известных объектов (моделей). Система базовых стратегий проектной деятельности представлена в табл. 2.

Таблица 2

Система базовых стратегий проектирования

Группа стратегий	Стратегия
Стратегии адаптации известной модели	Обогащения, редуцирования, абстрагирования или конкретизации модели
	Смены ролей и приоритетов
	Комбинирования моделей
Стратегии построения новой модели	Поиска и использования аналогии
	Перехода от проектирования из отдельных деталей к использованию узлов и агрегатов
	Построения модели с носителем из характеристик, отношений или составляющих интерфейсного компонента [2] некоторой модели
Стратегии построения и использования моделей адекватности	Предвкушения
	Приоритетного анализа «экстремальных» ситуаций
	Выявления и использования ограничений

В качестве типовых преобразований и комбинирования стратегий рассмотрим их последовательное применение, во-первых, для построения модели элемента создаваемого объекта (например, замена пункта плана, воспринимаемая исполнителем как цель, на план достижения этой цели, или замена «черного ящика» на конкретное устройство, представленное чертежом, техническим описанием и т. п.), во-вторых, для свертывания системы элементов в отдельный объект (например, выделение повторяющейся части программного кода в подпрограмму).

Механизм аппроксимирования, реализации стратегии в виде последовательного применения базовых стратегий основан на учете условий, при выполнении которых применение этой стратегии является наиболее перспективным, т. е. на каждом этапе построения требуемого объекта выбирается та базовая стратегия S, для которой на этом этапе выполняются условия наибольшей перспективности.

Стратегия обогащения, редуцирования, абстрагирования или конкретизации модели может быть успешно применена, если уже имеется модель с достаточно высоким уровнем адекватности, в которой надо изменить носитель, характеристики и отношения таким образом, чтобы обеспечить ее адекватность относительно другой эталонной модели или других характеристик адекватности.

Применение *стратегии смены ролей и приоритетов* перспективно в случае, когда имеется достаточно адекватная модель для решения двойственной задачи (выделение такой задачи представляет собой отдельную проблему) и имеется шанс построения требуемого объекта в виде модели с тем же носителем и характеристиками и отношениями, индуцированными характеристиками и отношениями исходной модели. Например, такая ситуация складывается при решении уравнения

$$x^4 - 2x^3 - 2(a + 2)\, x^2 + 2(a + 4)\, x - 4a + a^2 = 0.$$

Отыскание таких значений переменной x, при которых выполняется это равенство, можно рассматривать как процесс проектирования, поскольку оценка адекватности представляет собой оценку достоверности (например, при приближенных вычислениях в качестве оценки адекватности нередко выступает отклонение от нуля значения левой части этого равенства при данном числовом значении переменных). Данное уравнение относительно переменной x является алгебраическим уравнением четвертой

степени, формулы для решения которого учащимся средних учебных заведений, как правило, неизвестны. Поиск корней упрощается после смены ролей переменных, т. е. если переменную *a* теперь считать неизвестной, а переменную *x* – параметром. В этом случае уравнение имеет порядок 2, применение формулы для корней квадратного уравнения приводит к появлению двух уравнений порядка 2 относительно переменной *x*.

Выбор *стратегии комбинирования моделей* может привести к необходимым результатам в случае, когда исполнителю уже известно достаточное число моделей, описывающих различные аспекты создаваемого объекта, причем эти аспекты описывают создаваемый объект с достаточной полнотой, т. е., используя эти модели, можно создать модель требуемого уровня адекватности. Примером реализации этой стратегии является проектирование советских самоходных артиллерийских установок во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., представлявших собой, как правило, установку качающейся части серийных артиллерийских орудий на шасси серийных танков, сопровождающуюся минимальными изменениями обеих конструкций. Другим примером является создание векторного анализа. В качестве эталонной модели можно рассматривать совокупность формул векторной алгебры и математического анализа. Характеристики адекватности в данном случае предназначены для измерения количества и важности формул векторной алгебры и математического анализа, которые остаются истинными для скалярных и векторных полей, а также для измерения уровня отличий формул, которые не переносятся дословно, от их прототипов.

Успешность применения *стратегии поиска и использования аналогии* определяется количеством и качеством моделей, известных исполнителю, уровнем его умения осуществлять сравнение, абстрагирование и конкретизацию. Например, изучение теории несобственных интегралов можно организовать как результат применения стратегии поиска и использования аналогии, где в качестве объекта аналогии выбирается теория рядов.

Стратегия перехода от проектирования из отдельных деталей к использованию узлов и агрегатов эффективна в ситуации, когда требуемый объект может быть представлен совокупностью элементов, представляющих собой модели, известные исполнителю. Например, для автомобилей и телевизоров постепенно осуществлялся переход от проектирования их из отдельных деталей к использованию агрегатов и узлов. В алгебре примером успешного применения этой стратегии является переход от изучения алгебраической системы к исследованию фактор-системы, а также переход от изучения алгебры векторов линейного пространства к исследованию алгебры подпространств этого линейного пространства.

Стратегия построения модели с носителем из характеристик, отношений или составляющих интерфейсного [2] *компонента некоторых моделей* может быть успешной, например, в ситуации, когда проектирование осуществляется с помощью обобщения и абстрагирования от особенностей конкретных моделей. Примером является отделение субъекта деятельности от выполняемых им функций. При этом возможно, что одно и то же лицо выполняет несколько функций и в то же время в выполнении некоторой функции (некоторой обязанности) может участвовать несколько лиц.

Применение *стратегии предвкушения* состоит в том, что исполнитель представляет себе ситуацию, когда цель деятельности уже достигнута, и на основе анализа этой ситуации, т. е. построения и обогащения ее модели, пытается представить себе процесс преобразования исходной ситуации, который приведет к требуемому результату. Результативность применения стратегии предвкушения определяется тем, насколько адекватной является эталонная модель функционирования создаваемого объекта, насколько адекватна гипотеза и т. п.

Стратегия приоритетного анализа «экстремальных» ситуаций обычно применяется в условиях дефицита информации: недостаточности готовых технических решений, бедного понятийного аппарата, слабой изученности свойств объектов и т. д.

Применение *стратегии выявления и использования ограничений* может быть перспективным в условиях, когда имеются сомнения в том, насколько полной является существующая система оценок адекватности, в частности, насколько правильно выбраны эталонные модели, а также в том случае, когда можно рассчитывать, что в результате применения этой стратегии сложатся условия для применения стратегии предвкушения или построения новой модели. В проектном задании нередко характеристики адекватности и конкретные способы измерения их значений определяются не вполне корректно. В этом случае у разработчика проекта появляется возможность улучшить адекватность создаваемой модели за счет совершенствования процедуры оценивания адекватности, выявления дополнительных ограничений. С одной стороны, это может быть использовано недобросовестным исполнителем проекта для того, чтобы защитить неудачный (например, «сырой») проект. С другой стороны, известно большое число случаев, когда процедура улучшения измерения адекватности моделей приводила к появлению успешных проектов.

Мы покажем, что система стратегий, приведенная в табл. 2, является полной при выполнении следующих условий, которые мы назовем постулатами проектной деятельности, не требующей инсайта.

Постулат цели проектной деятельности. Целью проектной деятельности является создание модели, обладающей достаточным уровнем достоверности относительно следующих эталонных моделей: а) предметных моделей, представленных в техническом задании; б) моделей, представленных ресурсными ограничениями (экономическими, временными, технологическими, допустимым уровнем риска и др.).

Постулат полимодельности. Всякий рассматриваемый объект: 1) является моделью, компонентой или элементом какой-либо компоненты некоторой модели; 2) может быть описан совокупностью моделей, в том числе существенно различных, но обладающих определенным, заранее оговоренным уровнем адекватности.

Постулат алгебраичности. Описание объекта, представленное в типовой, стандартной форме для деятельности в данной области, носит алгебраический характер, т. е. сводится к представлению его с помощью набора типовых базовых объектов (моделей) и системы типовых преобразований объектов.

Постулат характеристичности. Всякий класс объектов одной природы определяется набором отличительных характеристик и диапазоном предельных значений этих характеристик.

Постулат динамики целей. В процессе проектной деятельности возможны следующие изменения системы целей: 1) появление новых целей; 2) изменение отношений между целями (например, смена приоритетов или порядка достижения целей); 3) замена цели на план ее достижения; 4) замена цели на результат ее достижения.

Мы будем считать, что любое изменение проектного задания означает переход к другому проекту.

Постулат направленности проектной деятельности. Ведущими факторами проектной деятельности являются: 1) динамически изменяемая система целей; 2) ресурсные ограничения (доступные технологии и другие виды ресурсов). Отметим, что основные цели формируются до начала проектной деятельности, на этапе разработки технического задания.

Утверждение 1. Если стратегия *S* используется для планирования процесса проектирования, причем применяется без использования инсайта и в условиях выполнения постулата цели проектной деятельности, постулата полимодельности, постулатов алгебраичности, характеристичности, динамики целей и постулата направленности проектной деятельности, то реализация стратегии *S* может быть представлена в виде комбинирования трех базовых стратегий: 1) стратегии адаптации известной модели; 2) стратегии построения новой модели; 3) стратегии построения и использования

модели адекватности. В свою очередь реализация этих базовых стратегий может быть представлена в виде комбинации следующих стратегий: а) смены ролей и приоритетов; б) обогащения, редуцирования и конкретизации моделей и абстрагирования от некоторых их особенностей; в) комбинирования объектов; г) перехода от проектирования из отдельных деталей к использованию узлов и агрегатов; д) поиска и использования аналогии; е) построения модели с носителем из характеристик, отношений или составляющих интерфейсного компонента; ж) приоритетного анализа «экстремальных» ситуаций; з) предвкушения; и) выявления и использования ограничений.

Согласно постулату цели проектной деятельности целью проекта является создание модели с уровнем адекватности, достаточно высоким относительно заданных заранее эталонных моделей и значений характеристик достоверности. Следовательно, эта деятельность связана с двумя процессами: 1) созданием модели и 2) оцениванием адекватности.

Процесс создания модели сводится либо к созданию принципиально новой модели, либо к корректировке известных моделей, их адаптации к новым условиям. Таким образом, достижение основной цели возможно только с помощью стратегии адаптации модели либо стратегии создания новой модели. Отсутствие инсайта означает, что даже создание новой модели *A* опирается на уже существующие, известные модели. Формирование требуемой модели *A* сводится (быть может, в несколько этапов) либо к комбинированию нескольких известных моделей (реализуется стратегия комбинирования моделей), либо к преобразованию некоторой модели *B*, либо к построению *A* аналогии с *B*. Построение модели начинается с построения носителя (интерфейсный компонент формируется во многом «автоматически»). Элементы носителя новой модели *A* создаются либо с помощью носителя выбранной известной модели *B*, либо с помощью остальных компонентов модели *B*.

Если носитель создаваемой модели *A* является подмножеством носителя модели *B*, то модель *A* мы рассматриваем как результат адаптации модели *B* к новым условиям, и она отличается либо добавлением новых характеристик, отношений и элементов ее интерфейсного компонента (применяется стратегия обогащения, редуцирования, абстрагирования или конкретизации модели), либо заменой некоторых характеристик, отношений и элементов интерфейсного компонента.

Если же носитель создаваемой модели *A* формируется из носителя модели *B*, причем он не является его подмножеством (иначе применялась бы стратегия адаптации известной модели), то элементами носителя модели *A* будут упорядоченные или неупорядоченные подмножества носителя модели *B*. Стратегию, применяемую при этом для построения носителя, характеристик и отношений *A*, мы назвали стратегией перехода от проектирования из отдельных деталей к использованию узлов и агрегатов. Стратегию, применяемую для построения модели *A* с носителем из остальных компонентов модели *B*, мы назвали стратегией построения модели с носителем из характеристик, отношений или составляющих интерфейсного компонента модели *B*.

Наконец, в случае, когда моделей, описывающих разные аспекты создаваемого объекта, недостаточно для получения модели с помощью описанных выше процедур, остается только применение стратегии поиска и использования аналогии.

Оценка адекватности модели, согласно постулату цели проектной деятельности, является неотъемлемой чертой проектирования. В первую очередь для этого надо построить систему эталонных моделей и систему характеристик адекватности, систему отношений между ними (например, выстроить иерархию эталонных моделей и характеристик адекватности по уровню их значимости на разных этапах проектирования, хронологическому порядку применения, отнесению к определенному типу и др.). Таким образом, следует для каждого этапа проектирования строить *модель адекватности*, носителем которой являются рассматриваемые модели, определить систему

характеристик (например, характеристики адекватности, комплексные оценки моделей – сложность, практическая реализуемость и др.) и систему отношений (отнесение модели к одному из типов – оцениваемая или эталонная, сравнение моделей по разным критериям и др.). В процессе их создания естественным образом будет сформирован интерфейсный компонент модели адекватности. Аппарат, предназначенный для создания такой модели адекватности, мы называем стратегией построения моделей адекватности.

Построение модели адекватности начинается с построения модели желаемого результата деятельности, анализа и обогащения этой модели. Нередко результат этой деятельности оформляется в виде проектного задания. На следующем этапе определяются целесообразные способы измерения отклонения реальных результатов деятельности от задуманных ранее и критерии достижения требуемого результата. Эту деятельность естественно трактовать как применение стратегии предвкушения.

Процесс оценивания адекватности обычно осложняется невозможностью провести всеобъемлющий, полный контроль, поскольку иногда такое измерение сопровождается разрушением объекта (например, при определении предела прочности) или требуется измерить значения некоторой величины в бесконечно большом числе точек и т. д. Поэтому оценивание адекватности модели начинается с анализа «подозрительных ситуаций», в частности, таких, для которых получение удовлетворительных значений характеристики адекватности гарантирует, что и во всех других ситуациях эти значения тоже будут удовлетворять заданным критериям. Аппарат выявления и анализа таких ситуаций мы назвали стратегией приоритетного анализа «экстремальных» ситуаций.

Однако даже тот факт, что все значения характеристик адекватности удовлетворяют заданным критериям, не гарантирует полного достижения цели. Дело в том, что априорные эталонные модели, созданные в результате применения стратегии предвкушения, и соответствующие характеристики адекватности, в свою очередь, могут быть не вполне адекватными. Именно этим диктуется необходимость натурных испытаний опытного образца, принятая в технике, пробная эксплуатация программного обеспечения с целью оценки удобства, отсутствия сбоев и др. Нередко при этом выявляются не учтенные ранее требования и другие ограничения. Иногда неполнота отражения свойств исходного объекта в его математической модели не позволяет решить задачу. Например, невозможно однозначно решить уравнение $x + y = 3$, если при постановке задачи не было учтено, что величины x и y являются натуральными числами и $x < y$. Инструмент для осуществления соответствующей деятельности мы назвали стратегией выявления и использования ограничений.

Таким образом, мы обосновали истинность утверждения 1.

Выводы. Деятельность проектного характера играет важную роль в управлении. Полученный результат – утверждение 1 – позволяет, в перспективе, выделить компетенции в области реализации и построения стратегий, в частности компонентов проектной деятельности, выделить новые направления развития аппарата для измерения уровня сформированности соответствующих компетенций, что важно для подбора персонала и совершенствования системы профессионального и карьерного роста сотрудников. В образовании утверждение 1 позволяет организовать обучение, например математике, таким образом, чтобы способствовать формированию умения реализовать стратегии, подобно тому, как это позволяет делать [3] аналогичный результат систем базовых исследовательских стратегий [2]. Например, из изоморфности процесса реализации стратегии и процесса поиска доказательства [4] следует губительность отказа от изучения доказательного аппарата математики для процесса формирования умения применять стратегии.

Источники

1. Мельников Ю. Б., Поторочина К. С., Ткаленко Н. В. Стратегия как механизм планирования при обучении математике // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 9(48): Естественные и точные науки (физика, химия, современная техника и технология, естествознание, методика преподавания естественных и точных наук, математика).

2. Мельников Ю. Б., Поторочина К. С. Алгебраический подход к математическому моделированию и обучению математической и «предматематической» деятельности // Ярослав. пед. вестн. 2010. № 3: Физико-математические и естественные науки.

3. Мельников Ю. Б. Алгебра и теория чисел. 4-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2010. Режим доступа: http://lib.usue.ru/resource/free/12/MelnikovAlgebra4/index.html.

4. Мельников Ю. Б. Математические модели реализации стратегии // Тр. IX Междунар. Колмогоровских чтений. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011.

Review of the Issue No. 2 (52)

The Pension Problem from the Viewpoint of Social Reproduction. Part One: The Origin of Pension Problems

by Viktor M. Pishchulov

Key words: pension system; pension crisis; social reproduction; federal budget; pension coverage; replacement rate; cumulative principle; principle of distribution; retirement cycle; period of a retirement cycle.

One of the main challenges of the Russian pension system is the increasing burden on the federal budget. It is possible to deal with this problem through the reform of the pension system which requires adequate understanding of the socioeconomic processes. The latter will allow developing an appropriate methodology to efficiently restructure the pension system.

References: 1. Gaidar Ye. The history of pensions. Formation and the crisis of the system of social protection in the modern world. Article Two // Nezavisimaya gazeta. 2004. No. 143 (3256). **2.** Kolesov G. B. The pension system in Russia in the XIX century. URL: http://www.ypensioner.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1284:-xix-&catid=86:2009-04-09-06-20-15&Itemid=136. **3.** On ensuring social security in case of old age retirement: resolution of CEC of the USSR, SNK of the USSR of May 15, 1929. **4.** Indicators of the Pension Fund // Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: http://info.minfin.ru/pf.php. **5.** Dynamics of GDP // Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: http://info.minfin.ru/gdp.php. **6.** Golodets O. Individual entrepreneurs' payments to the pension fund are not going to fall // Rossiyskaya gazeta. Economy. 2013. April 6. **7.** Private pension funds in figures (quantitative performance of NPF) // Pension Review: electronic journal. URL: http://www.pensionobserver.ru/arxiv/4-12-oktyabr-dekabr-2012-g/v-czentre-vnimaniya/negosudarstvennyie-pensionnyie-fondyi-v-czifrax-kolichestvennyie-pokazateli-deyatelnosti-npf. **8.** The Draft Strategy of the pension system of the Russian Federation until 2030 (20/09/2012) // Official website of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. URL: http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/projects/44. **9.** Bashkatova A. Questionable investment successes of Vmesheconombank // Nezavisimaya gazeta. 2013. February 8. **10.** Pension systems. World experience // Website of NPF "Soglasie". URL: http://www.soglasie-npf.ru/pensionnye-sistemy-mirovoj-opyt.html. **11.** Chile funded pension system has failed // Prostobank.ua. 2008. August, 20. URL: http://www.prostobank.ua/finansovyy_gid/pensiya/novosti/nakopitelnaya_pensionnaya_sistema_chili_provalilas. **12.** Investments in fixed capital in Russia in 2011: Statistical bulletin 2012 // Official website of the Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_04/IssWWW.exe/Stg/d03/1-inv.htm.

Contact Info:

Viktor M. Pishchulov, Dr. Sc. (Ec.), Prof., Head of Economic Theory Dept.
Phone: (912) 283-30-18
e-mail: dr.haust@mail.ru

Ural State Forest Engineering University
37 Sibirskiy Road, Yekaterinburg, Russia, 620100

Economic Hermeneutics

by Svetlana V. Begicheva and Dmitry M. Nazarov

Key words: hermeneutics; information hermeneutics; information; economic hermeneutics; hermeneutic approach; interpretation; understanding; hermeneutic circle.

The paper examines hermeneutic approaches to understanding information. Economic hermeneutics is seen as a part of information hermeneutics. The possibility and necessity to use the principles of hermeneutics in economics are shown.

References: 1. Ricker P. Hermeneutics and the method of social sciences // Ricker P. Hermeneutics. Ethics. Plicy. Moscow, 1995. **2.** The dictionary of foreign words / ed. by I. V. Lyokhin, F. N. Petrov. 4th ed. Moscow, 1954. **3.** The dictionary of foreign words. 7th ed. Moscow: Russkiy yazyk, 1980. **4.** The big explanatory dictionary of Russian language / ed. by S. A. Kuznetsov. Saint-Petersburg, 1998. **5.** The big explanatory dictionary of foreign words / ed. by M. A. Nadel-Chervinskaya, P. P. Chervinskiy. Rostov-on-Don, 1997. Vol. 1. **6.** Zakirova A. F. Introduction into pedagogical hermeneutics. Yekaterinburg:

Sokrat, 2000. **7.** Nazarov D. M. Information hermeneutics as a methodology to understand scientific terminology // Izvestiya of the Irkutsk State Academy of Economics. 2011. No. 5. **8.** Orekhov A. M. The methods of economic research: tutorial. Moscow: INFRA-M, 2009. **9.** Ryazanov V. T. Understanding and interpretation in economic science: the role of a language // Vestnik of the Saint-Petersburg University. Ser. 5. Economics. 2008. No. 4. **10.** Pushkareva I. A. Economic term system as a meta-language for describing a world-system (on the materials of Russian and English languages): abstract of Cand. Sc. (Philology) diss. Barnaul, 2006. **11.** Mishurov S. S. The role of Sense and Tradition in understanding economic institutions // Anti-crisis potential. Traditions and problems of imiaslavie: collection of articles of scientific-practical conference. Ivanovo; Shuya, 2009. **12.** Stigler G. J. Textual Exegesis as a Scientific Problem // Economica, New Series. 1965. Vol. 32, no. 128. **13.** Givon T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. L.: Lawrence Erlbaun Ass. Publ., 1989. **14.** Davis G. B., Olsen M. H. Management Information Systems: Conceptual foundations, Structure and Development. 2nd ed. N. Y. McGraw-Hill, 1985. **15.** Senn J. A. Information Systems in Management. 4th ed. Belmount, California: Wadsworth Publ. Co., 1990. **16.** Burch G. C., Grudnitski G. Information Systems: Theory and Practice. 5th ed. N. Y.: John Wiley & Sons, 1989. **17.** Begicheva S. V., Nazarov D. M. The genesis: from classic to economic hermeneutics // Naukovedemiye: online journal. 2013. No. 4.

Contact Info:

Svetlana V. Begicheva, Sr. lecturer
of Business Information Science Dept.
Phone: (343) 221-27-56
e-mail: begichevas@mail.ru

Urals State University of Economics
62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg,
Russia, 620144

Dmitry M. Nazarov, Cand. Sc. (Ec.),
Associate-Prof., Head of Business Information
Science Dept.
Phone: (343) 221-27-56
e-mail: slup2005@mail.ru

Urals State University of Economics
62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg,
Russia, 620144

Development Problems and Prospects of Insurance Relations in Conditions of Increasing Market Concentration

by Yelena M. Khitrova

Key words: concentration of the insurance market; causes and factors of concentration; demand for insurance services; pricing of insurance services; state regulation of concentration processes; interests of the participants of insurance market.

The article looks at the modern trends in the insurance market, first and foremost, its high concentration that has both a positive and a negative impact on its development. The paper identifies the factors contributing to the growth of the Russian market concentration; carries out numerical analysis of this phenomenon using the main indicators of the market; gives the comparison with the markets of developed countries according to the concentration indicators. The paper concludes that the reasons behind high concentration may have various effects on the development of the insurance sector and its role in the economy of a country. Particular attention is paid to the influence of market concentration on pricing of insurance products. It is shown that, along with the major insurers in the market there may be small companies, representing the regions and having a better understanding of the insurance problems locally. The possibilities of the state to regulate the tariff policy of insurance companies in conditions of a high concentration of the market are considered.

References: 1. Insurance today. URL: http://www.insur-info.ru. **2.** On approval of the procedure for analyzing the state of competition in the commodity market: Decree of the Federal Antitrust Service of the Russian Federation of April 28, 2010 No. 220. **3.** Insurance: textbook / ed. by V. D. Basilevich. Kiev: Znannya-Pres, 2008. Section 32. Insurance in Germany. URL: http://uchebnikionline.ru/strahovoe-delo/strahuvannya. **4.** Website of the Federal Service for Financial Markets of Russia. URL: www.fcsm.ru. **5.** Shirinyan L. Competition in the insurance market in Germany. URL: http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum. **6.** Siberian insurance // Website of the Air Force in the SFO. URL: http://www.sib-insur.ru. **7.** On the strategy of the national insurance development / I. B. Kotlobovskiy, A. Yu. Leykov, S. I. Rybakov, K. I. Tretyakov // Strakhovoye delo. 2007. No. 6. **8.** Actuary. URL: http://www.iaac.ru/eng/magazine/detail.php.

Contact Info:
Yelena M. Khitrova, Cand. Sc (Ec.), Associate-Prof. of Insurance & Risk Management Dept.
Phone: (3952) 23-48-35
e-mail: kotpro95@mail.ru
Baikal State University of Economics & Law
11 Lenina St., Irkutsk, Russia, 664003

Methodological Approaches to the Assessment of Investment Attractiveness of a Country for Foreign Companies

by Larisa M. Kapustina and Nikolay A. Portnov

Key words: investment attractiveness; investment climate; foreign investment; transnational company; globalization; investment risks, legal environment.

The article scrutinizes the problems of assessing countries' investment attractiveness. It reviews methodological approaches of the competent international organizations to the assessment of parameters of investment appeal and global competitiveness. The proposed modified methodology for evaluating investment appeal is tested at the examples of BRICS countries.

References: 1. Kiseleva N. V., Borovikova T. V. Investment appeal. Moscow: KnoRus, 2005. **2.** Maksimov I. B. Investment climate: methodology of assessment. Irkutsk: BSUEL Publishing, 2002. **3.** The World Bank Doing Business 2013: Smarter Regulations for Small and Medium-Size Enterprises. Washington, DC: The World Bank, 2013. **4.** Schwab K World Economic Forum: The Global Competitiveness Report. Geneva: World Economic Forum, 2013. **5.** The Failed States Index Rankings. URL: http://ffp.statesindex.org/rankings.

Contact Info:
Larisa M. Kapustina, Dr. Sc. (Ec.), Prof., Head of Marketing & International Management Dept.
Phone: (343) 221-17-86
e-mail: lakapustina@bk.ru
Urals State University of Economics
62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, Russia, 620144

Nikolay A. Portnov, postgraduate of Marketing & International Management Dept.
Phone: (905) 800-55-06
e-mail: portnov.nikolay@gmail.com
Urals State University of Economics
62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, Russia, 620144

Non-Financial Reporting and the Approach to its Development as an Important Element of Social Policy of the Russian Companies

by Nazir N. Abduganiev and Mikhail V. Fyodorov

Key words: non-financial (social) reports; corporate social responsibility; international standards of non-financial reporting; GRI; GRI AA1000; social reports of Russian companies.

The paper examines the specifics of non-financial reporting in a number of large Russian companies. The problem is believed to be of high interest, because in the developed European states non-financial reporting is not just an ordinary corporate, but a public document which mirrors the results of the companies' social activities. As for Russia the practice of delivering non-financial (social) reporting is only becoming a norm, a principle of a socially responsible business. The article attempts to discuss the question that not every responsible Russian company can clearly answer: to what extent is it possible to disclose the information and what should be a number of indicators for that?

References: 1. AA1000 Assurance Standard / Institute of Social and Ethical AccountAbility – AccountAbility; transl. from English and ed. by the Agency of Social Information. Moscow, 2003. **2.** AA1000 Stakeholder Engagement Standard (AA1000SES) / AccountAbility. URL: http://www.accountability.org/standards/aa1000ses/index.html. **3.** Non-financial reports of the companies operating in Russia: practice of developing social reporting: analytical review / Russian Union of Entrepreneurs and Industrialists. Moscow, 2006. URL: http://rspp.ru/12/4005.pdf. **4.** Official website of the Russian Union of Entrepre-

neurs and Industrialists. URL: http://rspp.ru. **5.** Website of the newspaper "Izvestiya". URL: www.izvestia.ru. **6.** National register and Library of corporate non-financial reports / Russian Union of Entrepreneurs and Industrialists. URL: http://rspp.ru/simplepage/157. **7.** Steel & Social: social report of Magnitogorsk Iron and Steel Works for 2012. URL: http://mmk.ru/upload/medialibrary/ac4/Social%20othet%202012.pdf. **8.** MMC Norilsk Nickel: report on corporate social responsibility 2012. URL: http://www.nornik.ru/_upload/nn09082013.pdf. **9.** Novolipetsk Steel Company: social report 2012. URL: http://media.rspp.ru/document/1/6/e/6e48506028a7ddbce888f97544419deb.pdf. **10.** The team of professionals. Novolipetsk Steel Company: social report 2011. URL: http://media.rspp.ru/document/1/2/e/2e266a5b5e3027dae8c8bbe2c0bfcfcc.pdf.

Contact Info:

Nazir N. Abduganiev, Vice-Rector
for International Cooperation
Phone: (495) 948-20-75
e-mail: nazir1970@yandex.ru

University of Commonwealth of Independent States
2/5 Turistskaya St., Moscow, Russia, 125459

Mikhail V. Fyodorov, Dr. Sc. (Ec.),
Dr. Sc. (Mining), Prof., Rector
Phone: (343) 221-17-00
e-mail: rector@usue.ru

Urals State University of Economics
62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, Russia, 620144

The Methods to Counter Personnel Security Threats of a Company

by Natalya V. Kuznetsova

Key words: personnel security threats; methods to counter personnel security threats; object of personnel security maintenance.

The author specifies personnel security threats generated by different groups of personnel. The paper characterizes objects of personnel security maintenance in terms of their impact on the situation with personnel security and methods to counter the threat from their part. Having carried out the expert poll among employers the author presents her own assessment of the degree to which certain methods for maintaining personnel security in organizations are spread (at the example of Irkutsk oblast).

References: 1. Vodianova V. V. Economic security. System representation. Moscow: State University of Management, 2010. **2.** Shipilov A. I., Shipilova O. A. How to ensure the reliability of staff? // Upravleniye personalom. 2002. No. 8. **3.** Chumarin I. G. How to make hiring safe? // Kadry predpriyatiya. 2003. No. 9. **4.** Kurbanov R. Forming morality of civil servants in the Russian Federation // Vlast. 2008. No. 1. **5.** Ozernikova T. G. Motivational value of reward systems // Izvestiya of Irkutsk State Economic Academy. 2003. No. 1(34).

Contact Info:

Natalya V. Kuznetsova, Cand. Sc. (Ec.),
Associate-Prof. of Labour Economics
& Personnel Management Dept.
Phone: (3952) 28-45-55
e-mail: toch_map@rambler.ru

Baikal State University of Economics & Law
11 Lenina St., Irkutsk, Russia, 664003

Heuristic Possibilities of the Multi-Parametric Model of Structural Diagnostics of the Development of the Regional Systems

by Oleg M. Roy and Marina A. Yudina

Key words: regional system; regional development; system-synergetic approach; structural regional diagnostics; multi-criterion optimization; multi-parametric model; municipalities.

On the basis of system-synergetic approach the article proposes the multi-parametric model of structural diagnostics of the levels of social and economic development of regional systems; reveals its heuristic possibilities as the diagnostic complex to support decision-making; presents the results of experimental calculations at the example of structural diagnostics of the municipal entities of Omsk region according to the multi-parametric complex "standard of living" in 2010–2012.

References: 1. Baranov S. V. Diagnosing interregional differentiation // Regionalnaya ekonomika. 2007. No. 6 (45). **2.** Goryunova L. A. Diagnostic assessment of scientific-innovative development of territorial entities in the Siberian federal district // Izvestiya IGEA. 2010. No. 2 (70). **3.** Complex methodology to diagnose social-demographic security of a region / ed. by A. I. Tatarkin, A. A. Kuklin. Yekaterinburg: Institute of Economics (Ural branch of RAS), 2007. **4.** Optimization of territorial systems / ed. by S. A. Suspitsyn. Novosibirsk, 2010. **5.** Roy O. M., Filippenko V. A. Diagnostics of socioeconomic development of Northern urban agglomerations // Vestnik of Omsk University. Ser. "Economics". 2008. No. 1. **6.** Roy O. M. Economic zoning of municipalities: on the way to new statistical classification // Problemniy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proektirovaniye. 2013. No. 3 (29). Vol. 6. **7.** Animitsa Ye. G. Regional policy: essence, main objectives, problems // Ekomika regiona. 2005. No. 1. **8.** Forrester J. World dynamics. The third letter: from "system model" to structural dynamics. URL: http://www.metal-profi.ru/own/world-dynamics-12.htm. **9.** Yudina M. A. Research methods of territorial differentiation // Putting theoretical knowledge into practice: proceedings of the XII International scientific-innovative conference of postgraduates, students and young researchers with the elements of scientific school (April 16–21, 2012): in 2 parts. Omsk: branch of MSUTM named after K. G. Razumovsky in Omsk, 2012. Part 2. **10.** Galdin M. V. Methodological approaches to detecting asymmetry of social-economic development of a region (at the example of Omsk oblast): abstract of Cand. Sc. (Ec.) diss. Omsk, 2004. **11.** Butenko Ya. A. Implementation of the mechanism to adjust regional policy in an asymmetrically developing region (at the example of Omsk oblast): abstract of Cand. Sc. (Ec.) diss. Omsk, 2010. **12.** Roy O. M., Breusova A. G., Galeeva L. R. Transformation of socioeconomic state of municipalities during the local government reform // Vestnik of Omsk University. Ser. "Economics". 2012. No. 2. **13.** Official website of the territorial body of the Federal State Statistics Service in Omsk oblast. URL: http://omsk.gks.ru. **14.** Standard forms (tables) for the reports of the heads of municipal districts about achieved indicators for assessing the efficiency of the local government activities according to the Decree of the President of the Russian Federation of April 28, 2008. No. 607. URL: http://www.omskportal.ru/ru/municipal/localAuthList.html.

Contact Info:

Oleg M. Roy, Dr. Sc. (Sociology), Prof., Head of Regional Economy & Management of Territories Dept.
Phone: (3812) 64-92-55
e-mail: roi_omsk@mail.ru
Omsk State University named after Fyodor M. Dostoevsky
55a Mira Ave., Omsk, Russia, 644077

Marina A. Yudina, lecturer of Finances, Credit, Accounting & Audit Dept.
Phone: (3812) 31-06-63
e-mail: myum@inbox.ru
Omsk State Transport University
35 K. Marx Ave., Omsk, Russia, 644046

The Particularities of Migration Processes in the Far East

by Tatyana N. Vitsenets and Yelena I. Berezhnova

Key words: demographic processes; migration flows; regulation of migration processes; migration; illegal migrants.

The paper studies the specifics of decreasing population in the Far Eastern federal district caused by the decline in fertility, increase in mortality and growing intensity of migration outflow of the population mainly to the central, more prosperous in socioeconomic terms regions of the Russian Federation. The article reveals the influence of the demography on the quality of life, moral climate in the society, situation in the most important economic sectors. The authors suggest a number of priority measures to enhance the health and increase life expectancy of the population, stimulate natality and strengthen family together being able to contribute to the stabilization of the population size in the most thickly populated region of the Far East – Primorsky kray.

References: 1. Results of the All-Russian Population Census 2002: in 14 vol. / Federal State Statistics Service. Moscow: Information-Publishing Centre "Statistics of Russia", 2005. Vol. 14. **2.** Results of the All-Russian Population Census 2010: in 11 vol. / Federal State Statistics Service. Moscow: Information-Publishing Centre "Statistics of Russia", 2013. **3.** United interdepartmental information-statistical system.

URL: http://www.fedstat.ru/indicator/data.do. **4.** Migration of the population in Primorsky kray: statistical bulletin / Primirskstat, 2012. **5.** The size and migration of the population in the Russian Federation in 2012 / Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_107/Main.htm.

Contact Info:

Tatyana N. Vitsenets, postgraduate of Accounting, Analysis & Audit Dept.
Phone: (423) 245-76-87
e-mail: dasman98@mail.ru
Far Eastern Federal University
8 Sukhanova St., Vladivostok, Russia, 690950

Yelena I. Berezhnova, Cand. Sc. (Ec.), Associate-Prof. of Accounting, Analysis & Audit Dept.
Phone: (423) 245-76-87
e-mail: geeran@yandex.ru
Far Eastern Federal University
8 Sukhanova St., Vladivostok, Russia, 690950

Problems of Statistical-Econometric Evaluation of the Activities of Cultural Industries at Regional Level

by Nadezhda M. Surnina and Mariya A. Kozlova

Key words: statistical methods; econometric methods; regional economics; cultural industries; regional development; cultural statistics.

The paper examines the situation with the collection and representation of statistical data on culture and cultural industries. The authors carry out comparative analysis of the present and Soviet mechanisms of cultural statistics representation mirroring the development in the sphere of culture at regional level.

References: 1. Tatarkin A. I., Animitsa Ye. G. Formation of paradigm theory of regional economics // Ekonomika regiona. 2012. No. 3. **2.** Cultural construction of the USSR. 1935. Moscow: Central Statistical Department of the USSR GOSPLAN, 1963. **3.** Cultural construction of the USSR: statistical collection. Moscow; Leningrad: GOSPLANIZDAT, 1940. **4.** The culture of Russia: analytical reference book / ed. by V. S. Malyshev. Moscow: KDU, 2004. **5.** The culture of Russia: information-analytical collection. Moscow: Chief Information and Computational Centre of Roskultura, 2008. **6.** The culture of Russia. The image of Russia in changing world. 2011: information-analytical collection. Moscow: Chief Information and Computational Centre of Roskultura, 2011. **7.** The culture of Russia. Live tasks of Russia's spiritual revival. 2012: information-analytical collection. Moscow: Chief Information and Computational Centre of Roskultura, 2012. **8.** Kirnarskaya D. K. The role of arts education in the development of creative economy // The culture of Russia. Live tasks of Russia's spiritual revival. 2012: information-analytical collection. Moscow: Chief Information and Computational Centre of Roskultura, 2012. **9.** Astafieva O. N. Russia's cultural policy: the frames of theory and the space of practice // The culture of Russia. Live tasks of Russia's spiritual revival. 2012: information-analytical collection. Moscow: Chief Information and Computational Centre of Roskultura, 2012. **10.** On culture in the Russian Federation: draft law No. 617570-5 (under consideration in the State Duma of the Russian Federation). URL: http://asozd.duma.gov.ru. **11.** Muzychuk V. Yu. Is the state to finance the culture? Moscow: Institute of Economics of RAS. 2012. **12.** Sustainable development: Rio challenges. The Human Development Report of the Russian Federation, 2013. URL: http://www.undp.ru. **13.** Animitsa Ye. G., Ivanitsky V. P., Peshina E. V. In the search of a new paradigm of regional development. Yekaterinburg: Ural branch of RAS, 2005.

Contact Info:

Nadezhda M. Surnina, Dr. Sc. (Ec.), Prof., Head of Statistics, Econometrics & Computer Science Dept.
Phone: (343) 251-96-39
e-mail: decane@usue.ru
Urals State University of Economics
62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, Russia, 620144

Mariya A. Kozlova, postgraduate of Statistics, Econometrics & Computer Science Dept.
Phone: (343) 251-96-39
e-mail: kozlova_mary@mail.ru
Urals State University of Economics
62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, Russia, 620144

Polysemy of the Concept "Consumer" in the Sphere of Consumer Rights Protection

by Yevgeny V. Romat and Viktor V. Tolstonog

Key words: public administration; consumer; consumer protection; economic approach; sociological approach; marketing approach; legal approach.

The article deals with the ambiguity of the concept "consumer" and considers main approaches to it: economic, sociological, marketing and legal (in laws and bylaws). The authors suggest their own approach to understanding the concept "consumer" in the context of the theory of public administration. The analysis is done to improve the system of consumer rights protection by the government bodies.

Contact Info: 1. The explanatory dictionary of Russian language: in 4 vol. / ed. by D.N. Ushakov. Moscow: Sov. entsikl.; OGIZ, 1938. Vol. 3. **2.** Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Moscow: EKSMO, 2007. **3.** Marx K. Capital. Vol. 1 // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1960. **4.** Menger K., Böhm-Bawerk E., Wieser F.. Austrian school of political economy /compiled by V. Avtonomov. Moscow: Ekonomika, 1992. **5.** Clark J. B. The distribution of wealth. Moscow: Helios ARV, 2000. **6.** Marshall A. Principles of economics. Moscow: Progress, 1993. **7.** Samuelson P., Nordhaus W. Economics. Moscow; Kiev: Williams, 2008. **8.** Sloman J. Economics / transl. from English ed. by S. V. Lukin. 5th ed. Saint-Petersburg: Piter, 2005. **9.** McConnell C. R., Brue S. L. Economics: Principles, Problems and Policies. Moscow: INFRA-M, 2003. **10.** Mamalui O.O., Gritsenko O.A., Gritsenko L.V. The bases of economic theory: tutorial. Kiev: Yurinkom Inter, 2006. **11.** Consumer // Dictionary / American Marketing Association. URL: http:// www.marketingpower.com/_layouts/Dictionary.aspx?dLetter=C. **12.** Kotler Ph. Marketing Management: express course: transl. from English. Staint-Petersburg.: Piter, 2001. **13.** Kotler Ph., Armstrong G.. Principles of Marketing: transl. from English. 12th ed. Moscow: Williams, 2009. **14.** Lamben J.-J., Chumpitas R., Shuling I. Market-oriented management. 2nd ed. Saint-Petersburg: Piter, 2010. **15.** What is ACR / Association for Consumer Research. URL: http://www.acrwebsite.org. **16.** Fromm E. To Have or to Be / transl. by E.M. Telyatnikova. Moscow: AST, Astrel, 2010. **17.** Ackerman F. Overview Essay // E. Goodwin, F. Ackerman, D. Kiron (eds.). The Consumer Society. Washington: Island Press, 1997. **18.** Baudrillard J. The system of objects. Moscow: Rudomino, 1999. **19.** Boorstin D. J. Consumption community // Thesis. 1993. Vol. 1. **20.** Marcuse H. One-dimensional man. Moscow: REFL-book, 1994. **21.** Radaev V.V. Economic sociology. Moscow: SU-HSE, 2005. **22.** Gad T. 4D Branding: breaking the corporate code of the network economy. Saint-Petersburg: Stockholm School of Economics in Saint-Petersburg, 2001. **23.** Ilyin V.I. Sociology of consumption. URL: http://consumers.narod.ru/lections/introduction.html. **24.** Economic sociology: tutorial / V.Ye. Pilipenko, E.A. Gansova, V.S. Kazakov and others. Kiev: MAUP, 2002. **25.** Lyubimova N.G. Consumer behaviour : tutorial. Vladivostok: Publishing house of Far Eastern University, 2004. **26.** Dudla I.O. Consumer rights protection: tutorial. Kiev: Tsenr uchebnoy literatury, 2007. **27.** Ivanenko L.M. Legal regulation of consumer rights protection: tutorial. Kiev: KNTEU Publisher, 2008. **28.** Matviychuk Y.R. Consumer as an object of civil law relationships // Mitna sprava. 2012. No. 2. **29.** Consumer law guide: teaching manual / V.Ye. Telipko, S.Yu. Panasiuk, O.I. Klimenko and others; chief editor V.Ye. Telipko. Kiev: Tsenr uchebnoy literatury, 2010. **30.** Kosinov S.A. Theoretical problems of consumer rights protection in Ukraine under the contract of sale: abstract of Cand. Sc. (Law) diss. Kharkov, 1999. **31.** Osetinska G.A. Consumer rights protection: development problems of Ukrainian legislation. Kiev: Institute of Legislative Initiatives and Legal Examination, SRI of Private Law and Entrepreneurship, 2002. **32.** Pismenna O.P. EU policy on consumer rights protection. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/.../2012_46/Pusmenna.pdf. **33.** On consumer rights protection: Law of Ukraine No. 3161-IV (3161-15) of December 1, 2005. **34.** On consumer rights protection: Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-1. **35.** Decision of the Constitutional Court No. 15-rp/2011 of September 10, 2011 (case No. 1 26/2011 of September 10, 2011). **36.** Consumer rights protection: social-legal aspect / A.A. Mazaraki, O.M. Yazvinska, L.V. Nikolaeva and others. Kiev: KNTEU Publisher, 2002. **37.** Ilyin I.A. Path to the evidence // Collection of works: in 10 vol. Moscow, 1994. Vol. 3. **38.** Romat Ye.V. Theoretical and methodological bases of and guidelines for implementing consumer policy in public administration //Consumer policy in the system of public administration: tutorial / Chief editor K.O. Maksimenko, O.V. Ovcharuk, N.G. Protasova. Kiev: Tyutyukin, 2009.

Contact Info:

Yevgeny V. Romat, Dr. Sc. (Public administration), Prof., Head of Marketing & Advertising Dept.

Kiev National University of Trade & Economics
19 Kioto St., Kiev, Ukraine, 02156

Phone: +38 (044) 531-48-37
e-mail: romatev@i.ua

Viktor V. Tolstonog, postgraduate of Public Administration & Management Dept.
Phone: +38 (044) 455-69-53
e-mail: tolstonog@ukr.net

National Academy of Public Administration under the President of Ukraine
20 Eugene Pottier St., Kiev, Ukraine, 03057

Socialism as a Clerical-State Synthesis

by Andrey V. Chernov

Key words: socialism; the state; church; Christianity; Judaism; Islam; soviet socialism; new socialism.

The paper reveals religious-philosophical understanding of the phenomenon of socialism from the perspective of Christianity, Judaism and Islam. The communal-collective essence of all these religions is believed to be the main prerequisite for the formation of socialist relationships. The sense of community developed to the state level and directed by the state becomes socialism. The article lists some possible difficulties of the forthcoming socialist renaissance in the Russian society which has come to a head long time ago.

References: 1. Khodakovskaya O. I. Christianity socialism: yes or no? URL: http://www.rospisatel.ru/hodakovskaja.htm. **2.** Molotkov A. I. The mission of Russia: Orthodox Christianity and socialism in the XXI century. 2008. Saint-Petersburg: Russky ostrov, 2008. **3.** Marx K., Engels F. Works. Moscow: Politizdat, 1961. Vol. 22. **4.** Mises L. von. Omnipotent Government: The Rise of Total State and Total War. Chelyabinsk: Sotsium, 2006. **5.** Chaplin V. Do the communism and the Bible look similar?// Mosskovsky komsomolets. 2013. No. 26415. **6.** Bruggeman G, Vaidinger M. Is Israel kibbutz the alternative of socialism? URL: http://www.avtonom.org/sites/default/files/store/bruggeman,vaidinger-izrailskii_kibyc.pdf. **7.** Erhard L. Prosperity for all / transl. from German, introduction by B. B. Bagyaryatsky, V. G. Grebennikov. Moscow: Nachala-Press, 1991. **8.** Kuryahov M. A. Countryside business // Natsionalny prognoz: information-analytical journal. 2012. No. 27. **9.** Armstrong K. The history of a God: 4000 years of quest in Judaism, Christianity and Islam: transl. from English. 4th ed. Moscow: ANF, 2012. **10.** Katasonov V. Yu. About Christ's ejection of traders from the Church. URL: http://www.pereprava.org/jurnal-pereprava-article/1321-ob-izgnanii-hristom-torgovcev-i-menyal-iz-hrama.html. **11.** Chernov A. V. Vox populi: social-philosophic analysis of student essays. Yekaterinburg: USUE Publishing, 2013. **12.** Chernov A. V. Philosophical and theological bases of the social state in Russia // Izvestiya of the Urals State University of Economics. 2012. No. 6 (44).

Contact Info:
Andrey V. Chernov, Cand. Sc. (Philosophy), Associate-Prof. of General & Economic History Dept.
Phone: (908) 903-86-95
e-mail: chernovandr@yandex.ru

Urals State University of Economics
62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, Russia, 620144

Institutionalization of Social Partnership in Modern Russia

by Alla I. Matveeva and Yury K. Saranchin

Key words: social institute; division of labor; organization; systematic approach; normative approach; social partnership; partnership.

The article considers theoretical-methodological approaches both of domestic and foreign scientists to researching the phenomenon of social partnership. The authors reveal the essence of institutional line in the studies of the problems of social partnership. The paper states that the institutionalization of social processes becomes an obligatory condition for existence and development of the society spheres, and information asymmetry is a reason for destructions in the system of social relations between the participants of social partnerships.

References: 1. Kravchenko A. I. Max Weber's sociology: labour and economy. Moscow: Na Vorobyovyh, 1997. **2.** Andreyev Yu. P. Social institutions // Philosophical life in the Urals. Problems of the general

and social ontology / ed. by of V. I. Kashpersky. Yekaterinburg: Publishing house of UGTU-UPI, 1999. **3.** Nort D. Institutions, institutional changes and economy functioning. Moscow: Economic book fund "Nachala", 1997. **4.** Yakimets V. N., Nikovskaya L. I., Konovalova L. N. Intersector social partnership in Russia: concept, mechanisms, examples / ed. by A. G. Porshnev, Yu. L. Starostina. Moscow: GUU, 2004. **5.** Genkin B. M. Economics and sociology of labour: textbook for higher education institutions. 7th ed., amended and revised. Moscow: Norma, 2007. **6.** Veblen T. The theory of the leisure class. Moscow: Progress, 1994. **7.** Smelzer N. Sociology: transl. from English. Moscow: Phoenix, 1994. **8.** Institutional economics: textbook / ed. by A. N. Oleynik. Moscow: INFRA-M, 2007. **9.** The Labour Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ. **10.** Kiselyov V. N., Smolyakov V. G. Social partnership: dictionary and reference book. Academy of Labour and Social Relationships. Moscow: Ekonomika, 1999. **11.** Shastiko A. Ye. Basic concepts of institutional analysis // Introduction to the institutional analysis / ed. by V. L. Tambovtsev. Moscow: TEIS, 1996. **12.** Petrushechkin P. V. The social state and civil society in Russia: practice of socio-political interaction (on materials of the Republic of Sakha (Yakutia): abstract of Cand. Sc. (Politics) diss. Yakutsk, 2011. **13.** Gaynullina F. I. Formation of system of social partnership in the Republic of Tatarstan (political analysis): abstract of Dr. Sc. (Politics) diss. Moscow, 1999.

Contact Info:

Alla I. Matveeva, Dr. Sc. (Philosophy), Prof. of Philosophy Dept.
Phone: (343) 251-96-11
e-mail: matveevaa2011@yandex.ru
Urals State University of Economics
62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, Russia, 620144

Yury K. Saranchin, Dr. Sc. (Philosophy), Prof., Head of Philosophy Dept.
Phone: (343) 251-96-11
e-mail: philos@usue.ru
Urals State University of Economics
62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, Russia, 620144

Peace and Security in Conditions of Multiculturalism

by Dmitry K. Stozhko and Svetlana S. Fomenko

Key words: ethnos; ethnogenesis; ethnic identity; culture; multiculturalism; complementarity; passionarity.

The crisis of contemporary multiculturalism in the context of the concept of homeostasis by L. N. Gumilev is analyzed. The authors prove the thesis about the necessity to develop legal consciousness of an individual as a factor behind their ethnic self-identification in conditions of cultural integration.

References: 1. Hantington S. The clash of civilizations: transl. from English. Moscow: AST. 2003. **2.** Buchanan P. J. Death of the West: transl. from English. Moscow: AST. 2003. **3.** Gumilev L. N. The end and again the beginning. Moscow: Tanais. 1994. **4.** Dostoevsky F. M. Works: in 10 vol. Moscow: Izdatelstvo khudozhestvennoy literatury, 1956. Vol. 4. **5.** Nietzsche F. The will to power: experience the revaluation of all values: transl. from German. Moscow, 1994. **6.** Yerasov B. S. Social cultural studies. Moscow: Aspekt-Press,1996. **7.** Taine M. Philosophy of arts. Moscow: Izobrazitelnoye iskusstvo, 1995. **8.** Mironov B. N. Social history of Russia in the imperial period. The XVIII – beginning of the XX century: in 2 vol. Saint-Petersburg: Publishing house "Dmitry Bulanin", 1999. Vol. 1. **9.** Danilevsky N. Russia and Europe. Moscow: Kniga, 1991. **10.** Nesterov F. The link of times. The experience of historical journalism. Moscow: Nauka, 1987. **11.** Ilyin I. A. On the sense of responsibility // Ilyin I. A. Our tasks: in 2 vol. Moscow, 1992. Vol. 2. **12.** Fadeicheva M. A. National and ethnic bias in the structure of outlook // Outlook and culture: collection of articles. Yekaterinburg: BKI, 2002. **13.** Kara-Murza S. G. Manipulation of consciousness. Moscow: EKSMO-Press, 2005. **14.** Soloviev V. S. The importance of the state // Solovyev V. S. The dispute about justice. Moscow: EKSMO-Press; Kharkov: Folio, 1999. **15.** Appelrouth S., Edles L. D. Classical and Contemporary Sociological Theory: Text and Readings. Los Angeles: Pine Forge Press, 2008.

Contact Info:

Dmitry K. Stozhko, Cand. Sc. (Philosophy), Associate-Prof. of General & Economic History Dept.
Phone: (343) 221-27-12
e-mail: kafist354@ yandex.ru
Urals State University of Economics
62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, Russia, 620144

Svetlana S. Fomenko, deputy director
of the training centre
Phone: (34675) 2-17-15
e-mail: sfomenko@ttg.gazprom.ru

OAO "Gazprom – Transgas"
15 Mira St., Yugorsk, Tymen oblast, Russia,
628263

Dynamic Programming Using Fuzzy Logic in the Planning of Investment Projects

by Galina M. Vakulina and Galina A. Timofeeva

Key words: investment projects; planning; management; fuzzy logic; dynamic programming.

Management of investment projects usually takes place in conditions of incomplete information and risk. The investor's task is to choose the optimal control action (the size of the investment) allowing for the information received about the implementation of previous phases of the project. The article deals with the implementation of the dynamic programming method to the systems described by the theory of fuzzy sets.

References: 1. Dubinin Ye. Risk analysis of the investment project // Finance director. 2003. No. 11. **2.** Butsenko Ye. V. Analysis and processing of the raw data to predict the results of investment project // Izvestiya of the Ural State University of Economics. 2009. No. 4 (26). **3.** Vakulina G. M. Probabilistic models in the evaluation of investment projects // Vestnik of the Ural State University of Railway Transport. 2011. No. 1 (9). **4.** Vakulina G. M. Fuzzy-set approach to risk analysis of investment projects // Ekonomika i menedzhment system upravleniya. 2012. No. 43 (6).

Contact Info:

*Galina M. Vakulin*a, Jr. lecturer of Further & Applied Mathematics Dept.
Phone: (343) 221-24-04
e-mail: g_vakulina@mail.ru

Ural State University of Railway Transport
66 Kolmogorova St., Yekaterinburg, Russia,
620034

Galina A. Timofeeva, Dr. Sc. (Physics & Mathematics), Head of Further and Applied Mathematics Dept.
Phone: (343) 221-24-04
e-mail: gtimofeeva@math.usurt.ru

Ural State University of Railway Transport
66 Kolmogorova St., Yekaterinburg, Russia,
620034

Algebraic Approach to the Strategies in Project Activities

by Yury B. Melnikov, Igor V. Khripunov and Valeriya S. Chopovda

Key words: strategy; activity management; algebraic approach; project activities.

The article presents the application of algebraic approach to project activities what implies specification of: 1) the system of standard strategies in project activities; 2) the system of typical transformations of the strategies and typical methods of their combination; 3) approximation mechanism, approximate vision of a type of activity in the form of typical transformations and modifications of standard strategies. The system of the standard strategies in project activities is identified and it is shown that the routine project activities may be represented in the form of implementation of these standard strategies.

References: 1. Melnikov Yu. B., Potochina K. S., Tkalenko N. V. Strategy as a planning mechanism in teaching mathematics // Izvestiya of the Russian State Pedagogical University named after Aleksandr I. Gertzen. 2008. No. 9 (48): Exact and Natural Sciences (physics, chemistry, modern technology and equipment, natural history, teaching methodology of exact and natural sciences, mathematics). **2.** Melnikov Yu. B., Potochina K. S. Algebraic approach to mathematical modeling and teaching mathematical and "ante-mathematical" activities // Yaroslavl pedagogical vestnik. 2010. No. 3: Physics, Mathematics and Natural Sciences. **3.** Melnikov Yu. B. Algebra and the number theory. 4th ed., amended and revised. Yekaterinburg: USUE Publisher, 2010. URL: http://lib.usue.ru/resource/free/12/MelnikovAlgebra4/index.html. **4.** Melnikov Yu. B. Mathematical models for strategies' implementation // Proceedings of the IX International Kolmorgorovsky Readings. Yaroslavl: Publishing house of Yaroslavl State Pedagogical University, 2011.

Contact Info:

Yury B. Melnikov, Cand. Sc. (Physics & Mathematics), Head of Applied Mathematics Dept.
Phone: (343) 221-27-37
e-mail: uriimelnikov58@gmail.com
Urals State University of Economics
62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg, Russia, 620144

Igor V. Khripunov, applicant for Master's degree of Computational Methods & Mathematical Physics Equations Dept.
Phone: (343) 375-48-78
e-mail: ihripunov@gmail.com
Ural Federal University named after the first President of Russia Boris N. Yeltsin
51 Lenina St., Yekaterinburg, Russia, 620002

Valeriya S. Chopovda, applicant for Master's degree of Computational Methods & Mathematical Physics Equations Dept.
Phone: (343) 375-48-78
e-mail: valerie.chopovda@gmail.com
Ural Federal University named after the first President of Russia Boris N. Yeltsin
51 Lenina St., Yekaterinburg, Russia, 620002

Izvestiya of the Urals State University of Economics

Chief editor Professor Mikhail V. Fyodorov

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

Pishchulov V. M. The Pension Problem from the Viewpoint of Social Reproduction. Part One: The Origin of Pension Problems 6
Begicheva S. V., Nazarov D. M. Economic Hermeneutics 18

FINANCE & FINANCE-INVESTMENT MECHANISM

Khitrova Ye. M. Development Problems and Prospects of Insurance Relations in Conditions of Increasing Market Concentration 28

APPLIED ECONOMICS

Kapustina L. M., Portnov N. A. Methodological Approaches to the Assessment of Investment Attractiveness of a Country for Foreign Companies 35
Abduganiev N. N., Fyodorov M. V. Non-Financial Reporting and the Approach to its Development as an Important Element of Social Policy of the Russian Companies 42
Kuznetsova N. V. The Methods to Counter Personnel Security Threats of a Company 53

REGIONAL & MUNICIPAL ECONOMICS

Roy O. M., Yudina M. A. Heuristic Possibilities of the Multi-Parametric Model of Structural Diagnostics of the Development of the Regional Systems 62
Vitsenets T. N., Berezhnova Ye. I. The Particularities of Migration Processes in the Far East 69
Surnina N. M., Kozlova M. A. Problems of Statistical-Econometric Evaluation of the Activities of Cultural Industries at Regional Level 76

MARKETING & ADVERTISING

Romat Ye. V., Tolstonog V. V. Polysemy of the Concept "Consumer" in the Sphere of Consumer Rights Protection 81

PHILOSOPHY & SOCIOLOGY

Chernov A. V. Socialism as a Clerical-State Synthesis 89
Matveeva A. I., Saranchin Yu. K. Institutionalization of Social Partnership in Modern Russia 95
Stozhko D. K., Fomenko S. S. Peace and Security in Conditions of Multiculturalism 101

APPLIED MATHEMATICS

Vakulina G. M., Timofeeva G. A. Dynamic Programming Using Fuzzy Logic in the Planning of Investment Projects 109
Melnikov Yu. B., Khripunov I. V., Chopovda V. S. Algebraic Approach to the Strategies in Project Activities 115

Review of the Issue No. 2 (52) 124

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ
«Известия Уральского государственного экономического университета»

Общие положения

Для публикации принимаются статьи в соответствии с тематикой журнала. Представляемые материалы должны быть актуальными, иметь научную или практическую значимость и новизну.

Статьи, направляемые в редакцию, рецензируются и в случае положительной рекомендации – редактируются. Редакция не согласовывает с авторами изменения и сокращения рукописи, имеющие редакционный характер и не затрагивающие принципиальных вопросов.

В случае направления статьи на доработку она должна быть возвращена в исправленном виде в максимально короткие сроки. К переработанной по замечаниям рецензента рукописи необходимо приложить ответы автора на замечания рецензента, а также пояснить все изменения, сделанные автором.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются к публикации, если они подготовлены в соавторстве с доктором или кандидатом наук.

Материалы, представляемые авторами в редакцию:

1) подписанный всеми авторами текст статьи;
2) полная информация об авторах на русском и английском языках*;
3) ключевые слова на русском и английском языках;
4) аннотация на русском и английском языках;
5) пристатейный библиографический список на русском и английском языках;
6) фотографии всех авторов;
7) файлы всех указанных материалов на дискете или CD.

* **Информация об авторе должна содержать:** фамилию, имя, отчество автора; ученую степень; ученое звание; должность; организацию, которую представляет автор; адрес организации; контактный телефон (с указанием кода города); e-mail. Адрес организации указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом.

Вся указанная информация подлежит публикации.

Требования к оформлению рукописи

Максимальный объем статьи – не более 10 страниц формата А4 с полями по 2 см.

Текст должен быть набран через полтора интервала, размер шрифта – 14, гарнитура – Times New Roman.

Все страницы рукописи следует пронумеровать.

Каждая таблица должна быть озаглавлена, рисунки снабжаются пояснительной подписью.

Уравнения, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

Графические элементы (рисунки, схемы) должны быть рассчитаны на черно-белое воспроизведение.

Ссылки на использованную литературу оформляются квадратными скобками.

Требования к электронной версии

Файлы передаются на дискете либо пересылаются по электронной почте.

В состав электронной версии должны входить:

1. Файл, озаглавленный фамилиями авторов на русском языке и содержащий *в указанном порядке*:

1) сведения об авторах на русском языке;

2) ключевые слова на русском языке (10–15 слов);
3) аннотацию на русском языке (около 600 знаков);
4) название статьи на русском языке;
5) текст статьи;
6) библиографический список на русском языке.

2. Файл, озаглавленный фамилиями авторов на английском языке и содержащий *в указанном порядке*:

1) перевод сведений об авторах на английский язык;
2) перевод названия статьи на английский язык;
3) перевод ключевых слов на английский язык;
4) перевод аннотации на английский язык;
5) перевод библиографического списка на английский язык.

3. Файлы с фотографиями авторов. Каждый файл должен быть озаглавлен фамилией автора. К публикации принимаются файлы в форматах JPEG или TIFF с разрешением 300 dpi (точек на дюйм), допускается 200 dpi.

Рукописи, в которых не выполняются данные требования, возвращаются авторам.
Плата за публикацию статей аспирантов не взимается.
Авторские гонорары редакцией не выплачиваются.

Одновременно со статьей в редакцию представляется заполненный лицензионный договор в двух экземплярах. Бланк договора размещен на сайте «Наука УрГЭУ» (science.usue.ru).

Прием статей:

Уральский государственный экономический университет
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45, каб. 366
Белоусова Елизавета Александровна
Телефон: (343) 221-26-33
e-mail: journal@usue.ru

ИЗВЕСТИЯ

Уральского государственного экономического университета

Выпускается как продолжающееся научное издание
с определенной периодичностью и следующими рубриками:

Экономическая теория
Теория хозяйствования
Прикладная экономика
Экономическая история
Финансы и финансово-инвестиционный механизм
Мировая экономика
Региональная и муниципальная экономика
Экономика природопользования
Экономическая синергетика
Логистика
Маркетинг и реклама
Человек в новой экономике
Теория управления
Экономика образования
Прикладная математика
Продовольственная безопасность
Философия и социология
История и современность
В лаборатории ученого
Дискуссионная трибуна
Вести научных школ
Портрет ученого (юбилейная рубрика)
Университетская информация
Былое
Рецензии

Наш адрес: 620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-26-33
Электронный адрес: http://www.izvestia.usue.ru

Научное издание

Известия Уральского государственного экономического университета

№ 2 (52)
2014

Редакторы и корректоры:
М. В. Баусова,
Л. В. Матвеева,
Р. Д. Мочалова

Информация на английском языке
Е. А. Белоусовой

Технический редактор
А. А. Гребенщикова

Компьютерная верстка
А. А. Гребенщиковой

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62 / 45

Поз. 66. Подписано в печать 18.03.2014.
Формат 70 × 108 / 16. Уч.-изд. л. 10,65. Усл. печ. л. 12,25.
Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Полипринт»
620043, РФ, г. Екатеринбург, ул. Начдива Васильева, 1
Тел.: (343) 212-01-04 (05)